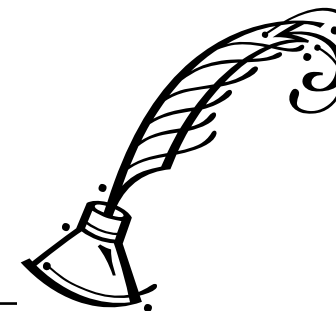

Харківський національний університет
ім. В. Н. Каразіна

**Категоріальний апарат
історичної науки**

*Харківський
історіографічний
збірник*

Випуск 4

Харків
НМЦ «СД»
2000

ББК 63.3я5
УДК 930
К29

Редакційна колегія:
д-р іст. наук, проф. *В. К. Міхеев* (головний редактор), д-р іст. наук, проф. *В. І. Астахова*, канд. іст. наук, пров. наук, співр. *Ю. З. Данилюк*, д-р іст. наук, проф. *І. І. Колесник*, канд. іст. наук, проф. *С. М. Куделко* (заступник редактора), доц. *В. Г. Пікалов*, д-р іст. наук, проф. *Р. Я. Пиріг*, канд. іст. наук, проф. *С. І. Посохов* (відповідальний секретар), *В. Д. Прокопова* (бібліографічний редактор), д-р іст. наук, проф. *В. Г. Сарбей*, д-р іст. наук, академік НАН України *П. Т. Тронько*, канд. іст. наук, доц. *В. І. Чеснокод*.

Рецензент: д-р іст. наук, проф. *Є. М. Склярєнко*, пров. наук, співр. Інституту історії України НАН України.

Категоріальний апарат історичної науки: Харківський історіографічний збірник. — Х.: НМЦ «СД», 2000. — Вип. 4. — 120 с.
ISBN 966-544-054-3.

Черговий випуск «Харківського історіографічного збірника» увібрав у себе матеріали IV Астахівських читань «Категоріальний апарат історичної науки», а також містить публікації з широкого кола питань історії та теорії історичної науки та освіти.

Для викладачів, наукових співробітників, усіх, хто цікавиться історіографією.

ББК 63.3я5
УДК 930

ISBN 966-544-054-3

© Харківський національний університет, 2000
© НМЦ «СД», художнє оформлення, оригінал-макет, 2000

Розділ I

Історія і теорія історичної науки

С. М. КУДЕЛКО

СЕНСБИЛИЗАЦИЯ: ОПЫТ РАСШИРЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АРСЕНАЛА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Как верно заметила О. И. Блинова, «культура научного исследования, эффективность полученных результатов в немалой степени определяются используемой исследователем терминологией» [1, с. 28]. Данная статья представляет собой попытку предложить научному сообществу новый термин, который лишь спорадически встречается в трудах историков.

В прошлом и настоящем всех стран и народов мы сталкиваемся с явлением, которое много раз фиксировалось как современниками, так и последующими исследователями, но не получило специфического терминологического оформления. Речь идет о том агрегатном состоянии общественного сознания, когда в определенный момент происходит его относительно быстрая трансформация и возникает качественно иная историческая ситуация, момент диалектического скачка. При этом перемены в умонастроениях народа происходят порой с такой ураганной быстротой, что иные политические или государственные лидеры, еще вчера бывшие кумирами масс, оказываются поверженными и забытыми. Обычно (но далеко не всегда) такое состояние общества связано с политическими революциями. Проиллюстрируем это на некоторых хрестоматийных примерах.

Вот как выглядит начало Февральской революции в дневнике последнего Петроградского градоначальника генерала А. П. Балка: «На это число (23 февраля — С. К.) никаких зловещих указаний не было. Начался день нормально, погода отличная — солнечная. Мороз при полном безветрии градусов 5–6.

В 10 ч. утра, принимая доклады у себя в кабинете, стал получать по телефону сведения об оживленном движении на Литейном и Троицком мостах, а также по Литейной ул. и Невскому проспекту. Быстро выяснилось, что движение это необычное — умышленное. Притягательные пункты: Знаменская площадь, Невский, Городская Дума. В публике много дам, еще больше баб, учащейся молодежи и сравнительно с прежними выступлениями мало рабочих... К 12 часам дня донесли о таком же движении на Петроградской Стороне по Большому и Каменноостровскому проспектам. Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, оживленно разговаривала, смеялась и часам к двум стали слышны заувывные подавленные голоса: хлеба, хлеба...

И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стонала: «хлеба, хлеба». Притом лица оживленные, веселые и, по-видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста... Красных флагов нигде не замечалось; агитаторов и руководителей беспорядков тоже не видно. В итоге дня, причина народного движения — не понятна. Ни Департамент Полиции, ни Охранное Отделение на мои запросы не могли указать мотивы выступления» [2, с. 26–28]. Как видно из текста, речь идет о спонтанном процессе, даже толчок к нему остался неизвестным (таким ничтожным он был).

Другой пример. Знаменитый историк С. М. Соловьев так описывал состояние русского общества в конце XVII в.: «...собрались в дорогу, но ждали кого-то, и тот, кого ждали, явился — явился Петр» [3, с. 437]. Речь идет о подготовленности всем предшествующим ходом исторического развития реформ первой четверти XVIII в., «необходимость их, — продолжает С. М. Соловьев, — чувствовалась всеми» [3, с. 437].

Подобные ситуации фиксируют народные пословицы и поговорки разных народов. В афористической форме в них заключено понимание данного процесса: «Капля горя переполнила чашу терпения народного» и др. Академик Т. И. Ойзерман отмечал: «...пословицы, поговорки, в рамках осмысливающего повседневный опыт мировоззрения, сплошь и рядом выявляют присущий всем умудренным жизнью людям наивно-диалектический взгляд на жизненные обстоятельства, сознания того, что истина конкретна, абстрактной истины нет» [4, с. 13].

Отмеченные выше и хорошо известные историкам, политологам и социологам ситуации нашли отражение в теории В. И. Ленина о революционной ситуации. Первоначально, в статье «Маевка революционного пролетариата», относящейся к июню 1913 г., Ленин ограничивал революционную ситуацию формулой, гласящей: «...для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде» [5, с. 300]. Через два года в работе «Крах II Интернационала» Ленин указывает на три признака революционной ситуации: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению» [6, с. 218]. За несколько дней до Октябрьской революции

в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин перечисляет условия победоносного восстания и среди этих последних указывает на «большие колебания в лагере всех промежуточных элементов, т. е. тех, кто *не* вполне за правительство, хотя в ч е р а (разрядка наша — С. К.) был вполне за него» [7, с. 337]. Быстрая сенсбилизация общественного сознания — один из характерных элементов революционных (переломных) эпох.

Классическое определение Ленина революционной ситуации фиксирует внешнюю («общественную») характеристику явления («повышение активности масс» и др.). Однако полагаем, что историческая наука вплотную подошла к тому, чтобы иметь возможность фиксировать состояние сознания общества, степень его готовности к радикальным переменам. Здесь может пригодиться термин «сенсбилизация», который, по нашему мнению, не только регистрирует определенное качественное состояние общественного сознания, но и открывает дорогу к дальнейшему познанию как прошлого и настоящего, так и будущего.

Термин «сенсбилизация» происходит от латинского слова «sensibilis» (чувственный). Этот термин уже нашел себе применение в ряде наук, например, в биологии и медицине. Здесь он означает повышение чувствительности организма животного и человека (или же отдельных органов, например, органов чувств) к воздействию каких-либо раздражителей (химических, бактериологических и т. д.) [8, с. 171 и др.]. Сенсбилизация организма лежит в основе ряда аллергических и других заболеваний. Термин «сенсбилизация» используется и в фотографии, здесь он означает введение в фотографическую эмульсию сенсбилизаторов для увеличения естественной светочувствительности и расширения спектральной области добавочной светочувствительности в различных диапазонах [9, с. 1190 и др.]. Есть попытки использовать термин «сенсбилизация» и в других областях науки и техники. Вообще, специальные словари стали фиксировать этот термин лишь в последние десятилетия, а, например, такой фундаментальный справочник, как «Новые слова и значения», вышедший в 1984 году, составленный по материалам прессы и литературы 70-х годов, его не называет.

Категория «сенсбилизация» позволяет при помощи специальных методик определять степень сенсбилизации общества, т. е. его готовность к переменам. Совершенно очевидно, что сама дефиниция «сенсбилизация» связана с понятиями «ментальность» и некоторыми другими, характеризующими качественное или внутреннее состояние общества, его сознание.

По всей видимости, не следует ограничивать сферу возможного применения этого термина лишь областью политического сознания. Он применим во многих других сферах, например, в науковедении, где может характеризовать подготовленность научного сообщества к вос-

приятию новых идей. Низкая сенсбилизация научного сообщества привела, в свое время, к тому, что открытие Грегора Менделя, касающееся основных закономерностей наследственности — расщепления и комбинирования наследственных факторов, опубликованное им в 1865 г. (через 10 лет после их открытия), не получило достойной оценки современников и было переоткрыто в 1900 г. К. Э. Корренсом, Э. Чермаком и Г. Де Фризом. Еще одна иллюстрация: проводимые параллельно и независимые друг от друга исследования в Советском Союзе Н. Г. Басова и А. М. Прохорова, а в Соединенных Штатах Америки Ч. Таунса привели к созданию в 50-х годах XX ст. квантовой электроники. В 1964 г. всем трем исследователям была присуждена Нобелевская премия по физике. Это открытие (квантовый генератор на пучке молекул аммиака был создан в 1954 г.) было сделано в высокосенсбилизированном научном пространстве. К такому открытию близко подошел еще один американский ученый — Дж. Вебер и некоторые другие физики. В данном случае одно открытие от другого отделяют не годы, а месяцы и недели. Подобных примеров можно привести немало.

Таким образом, мы можем попытаться уточнить значение термина «сенсбилизация» в контексте исторической науки, а конкретней — в исторической психологии. Сенсбилизация — это степень готовности общественного сознания к восприятию нового, к переменам. Она может варьировать от 0 до предельной (иначе говоря 100 %) величины. При этом следует обратить внимание на следующее обстоятельство: даже высокосенсбилизированное общество для внешнего наблюдателя может казаться стабильно-прочным, монолитно-незыблемым. В то же время, возвращаясь к ленинскому определению революционной ситуации, необходимо отметить тот факт, когда налицо могут быть все признаки такой ситуации, но революция не происходит в силу слабой или недостаточной сенсбилизированности общества новыми идеями, в результате чего народные массы не готовы к их воплощению. Как правило, после завершения крупных общественных переворотов наступает эпоха низкой сенсбилизированности общества, когда и при наличии других факторов (обострение нужды и бедствий «низов», неспособности правящих кругов к управлению и др.) не происходят казалось бы объективно назревшие перемены. Ясное осознание этого обстоятельства приподнимает завесу загадочности над теми очевидными историческими парадоксами, когда незначительные события могут стать детонаторами крупнейших социальных потрясений. И наоборот, казалось бы немыслимые в другой ситуации проступки властей встречают в массах холодное равнодушие. Следует указать также, что сенсбилизация может характеризовать не только общественное сознание в целом, но и относительно отдельные, частные вопросы (веротерпимость, национальное равноправие, права женщин и т. п.).

Если говорить о современном мире, то очевидно, что, с точки зрения политической подготовленности к фундаментальным переменам, к обществам высоко сенсублизованным мы должны отнести Западную Европу и Северную Америку (США, Канада), в то время как Восточная Европа и страны, возникшие после распада СССР, относятся к регионам с низкой сенсублизацией.

Сенсублизация сама представляет собой сложный и противоречивый процесс восприятия, переработки, усвоения или отторжения, иначе говоря, адаптации общества и отдельных индивидуумов к новым взглядам, идеям, теориям.

Итак, применение понятия «сенсублизация», по нашему мнению, позволит обогатить новыми аргументами исследователей, поможет глубже проникнуть в сущность исторического процесса, увидеть важные грани общественного сознания, может стать необходимым инструментом при изучении различных сторон общественной жизни. С другой стороны, актуализация понятия «сенсублизация» может сделать богаче его содержание. Сам термин получит такие свойства, как устойчивость и воспроизводимость.

Литература

1. Блинова О. И. Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. — М., 1981. — С. 28–37.
2. Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. — Кн. 1. — 1991.
3. Соловьев С. М. Сочинения. — Кн. VII.
4. Ойзерман Т. И. Научно-философское мировоззрение марксизма. — М., 1989.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 23.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 26.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 34.
8. Александровский Б. П., Соколовский В. Г. Словарь клинических терминов с переводным и толковым значением. — К., 1969.
9. Советский Энциклопедический Словарь. — М., 1985.

И. И. КОЛЕСНИК

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИСКУССТВОЗНАНИЕ в конце XX в.: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Находящийся на исходе XX век дает новый ракурс видения прошлого, располагает к переоценке накопленного опыта, готовит, словно трамплин, в близкое наступающее.

Одним из знаковых понятий уходящей эпохи стало понятие Модерн. Сам термин «moderne» появился во Франции в XIV в., что означало осознание людьми Раннего Ренессанса отличия своего времени от прошлых эпох. Позднее этим термином стали обозначать мировоззрение и культурную практику Нового времени (XVII–XX вв.). Соответственно термином «Pre-modernity» («предмодерн») обозначали, «традиционалистское общество» — эпоху средневековья с присущей ей религиозно-теологической доминантой в общественном сознании и духовной практике [1, с. 51]. Понятие «постмодерн», «постмодернизм» характеризует социокультурное пространство 2-й половины XX ст. Как особый стиль мышления постмодернизм оформляется в последней четверти нашего века.

XX век оказался на рубеже двух эпох — модерна и постмодерна, отсюда сложность, амбивалентность его самооценки. Основными константами модернизма являлись идея универсального и принцип развития (в форме эволюции или прогресса), этический идеал внутренней целостности, человек, «направляемый изнутри», с неизменной иерархией духовных и культурных ценностей, идеалов и принципов.

В области философии, науки для эпохи Модерна характерен поиск объективной истины, в сфере истории — индивидуализирующее, психологизирующее историописание, ориентированное на вещественно-деятельное восприятие прошлого (событие—поступок—человек).

В литературе и искусствоведении под термином «модернизм» понималось активное отрицание традиции, мещанской морали противопоставлялся нигилизм, эстетике прекрасного — эстетика безобразного [1, с. 52].

Постмодернистская парадигма мышления означала переход от универсального к локальному, национально-региональному, отказ от идеи развития (в современных постмодернистских дискурсах термин «трансформация» вытеснил привычное слово «развитие»). Доминирующим становится этический идеал компромисса, сотрудничества, идейного плюрализма, образ человека, «направляемого извне». В области философии и научного дискурса — уход от поиска истины, высвобождение и

культивирование творческой субъективности. В политической сфере преобладают идеалы децентрализации, анархизма, деконструкции, разрушения как стремление преодолеть тоталитарность, лимитацию действий общества и индивида.

В искусстве особый интерес проявляется к кичу как искусству «немудреной человечности», противостоящей Искусству и Культуре [2, с. 45–46].

Столкновение этих двух стилей мышления (модернизм и постмодернизм) в сознании и в социокультурной практике человека конца XX в. приводит к ощущению хаоса, конца, растерянности, смятения, ренессансу эсхатологических настроений. Это состояние внутреннего дискомфорта и потерянности передает метафора Венедикта Ерофеева: человек конца века чувствует себя словно во «чреве своей мачехи».

Понимание природы постмодернистского сознания едва ли возможно без осмысления предпосылок его возникновения.

Постмодернизм — это культура среднего класса постиндустриального общества. Идеальный тип представителя этого класса, воссозданный американским социологом Д. Рисменом, представляет собой человека, «направляемого извне» («other-directed»), ориентированного на внешнее, моду, свою референтную группу. Это тип конформиста, готового к любым переменам и изменениям, чтобы находиться в соответствии со своей средой и временем, который является полным антиподом человека XIX ст., «направляемого изнутри», с присущей ему цельностью, иерархией идеалов и ценностей. Культура среднего класса постиндустриального общества ориентирована на «стирание лиц» и «смену масок», «жажду одобрения» референтной группой, погоню за модой, приоритет «малых альтернатив» и отказ от «больших теорий», считавшихся устаревшими и зачастую социально опасными [3, с. 67–68].

На пространстве бывшего СССР источником постмодернистских сдвигов в общественном сознании и практике была тоталитарная система. Иными словами, постмодернизм экспансирует как реакция на идеологию и практику тоталитаризма, тоталитарное подавление личности, человеческой субъективности.

Система постоянного дефицита, нехваток выполняла функции репрессирования личности, напоминала человеку о том, что деваться ему некуда, любой бунт или сопротивление бесполезны, единственный выход — это смирение перед властью. Это была система ежедневного тотального косвенного репрессирования советского человека. Невозможность достойной жизни в условиях дефицита, житейских трудностей и постоянных ограничений являло собой заместитель ГУЛАГа, аналог лагерей и тюрем: советский человек постоянно ощущал себя кем-то и за что-то наказанным, и при этом никто не предъявлял ему никаких обвинений [4, с. 22].

Репрессированным было и сознание советских людей, в структурах которого преобладал идеал борьбы, конфронтации, неприятие успехов других, принцип классового подхода. Оживление эсхатологических построений в результате «распада СССР», «коллапса социализма», ощущение кризиса, конца истории, «культурного шока» посткоммунистических обществ — все это эпифеномен «репрессивного сознания» в постсоветском пространстве.

Естественной реакцией на тоталитарный режим и мышление было развитие повседневной культуры, моды, дизайна, интерьера, стремление к комфорту, культуре быта. Вся эта атрибутика выполняла функции раскрепощения советского человека, самовыражения личности. Мини-мода, сексуальная революция, конкурсы красоты, проникновение эротической стихии в повседневную жизнь, театр, кино, искусство, литературу — все это служило средством самовыражения и самоутверждения личности в её противостоянии с системой тотального репрессирования. К примеру, настоящий вызов тоталитарному сознанию представляет творчество Бориса Моисеева, сознательно ориентированное на кич и эпатаж.

Следует учитывать и глубинные пласты в сдвиге сознания человека постсоветского времени. Крушение командно-административной системы, высокая социальная мобильность, туризм, возможность работы и учебы за границей способствовали раскрепощению сознания человека тоталитарной формации, формированию свободной личности, осознающей собственную ценность, а также возникновению политической культуры, предпосылок для создания открытого общества.

Высвобождение субъективности привело к сближению повседневности и культуры, повседневной и элитарной культуры. Эстрада, непрофессиональное искусство, массовые зрелища, рок-концерты, фестивали, КВН начинают конкурировать с элитарным искусством. Формула известного сатирика А. Арканова: «только то искусство, которое не имеет никакого отношения к искусству, является собственно народным искусством» (речь идет о конкурсе «Серебряная калоша», направленном против безвкусицы и культурной поденщины) — является аллюзией смеховой культуры М. М. Бахтина. Современный украинский философ Алексей Шевченко видит в концепции народной, карнавальной культуры М. Бахтина отражение тоталитарного сознания. В книге М. Бахтина «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» основная оппозиция «власть–масса», официальная культура — культура неофициальная, площадная, взята из реалий «сталинского социализма». Образ Средневековья позволяет Бахтину экранировать неприглядные черты окружающей советской действительности — догматичность, авторитарность. Как воспринималась народная культура в непосредственном опыте советского человека?

По словам украинского философа, «непролазная матерщина, которая в советских условиях превращается из внекультурной реальности в культурную, поскольку становится зеркальным отражением господствующей сверхрепрессивности, тотальной гулагизации, стирания граней между лагерем и бытом. Это единственный возможный ответ раба и уголовника». Вряд ли Бахтин испытывал восхищение перед «этой страшной матерной стихией», носителю которой приписывается высшая правда. В концепции Бахтина происходит отказ от «европейского опыта индивидуального тела» и принятие нового телесного опыта — «тела массы», слившегося в площадном действе. Народная площадная культура вбирает в себя традиционно понимаемый народ, «знакомую подпольную матерную культуру, новый опыт идентификации своего тела в условиях абсолютной репрессии» и превращение этого опыта в «новый вариант соборности и всеединства» [5, с. 110–111].

Нынешнее сближение повседневности и культуры происходит в контексте высвобождения субъективности и осознания самоценности человека.

Изменениями общественного сознания и социокультурной практики определяется и состояние исторической науки конца XX ст. Если кратко выразить суть перемен, охвативших историческую науку нашего времени, то речь идет о так называемой «историографической революции» (Л. Репина), «кризисе исторической науки» (А. Гуревич), «структуралистской революции» (В. Визгин).

Нам более близко понятие «структуралистской революции»: по мнению В. Визгина, «структуралистская революция» в истории не отделима от общенаучной революции XX в., от революции в физике. Следствием «структуралистской революции» было радикальное обновление аппарата исторической науки. В конспективном, сжатом виде смысл «структуралистского переворота» в науке и истории означает:

- 1) утверждение идеи прерывности, дискретности исторического процесса;
- 2) изменение (перенесение) акцентов в оппозиции «вещь–отношение» на второй элемент, что применительно к истории означает изучение не событийной истории, а структур как устойчивой, сложившейся формы отношений;
- 3) признание ведущей роли субъекта познания (исследователя, историка).

Эти ключевые идеи «структуралистской революции» в научном познании определили основные вехи в развитии исторической мысли нашего столетия.

Первый этап, охватывающий первую половину XX ст., характеризуется созданием глобальных объяснительных схем, «больших теорий» истории человечества. Марксизм — порождение эпохи Модерна с его приоритетами социологических абстракций, материальных основ жиз-

ни, целей прогрессивного развития общественных форм (формаций) — пользовался большим авторитетом в социологической и исторической мысли Европы, потрясенной революциями, мировой и гражданскими войнами, крахом монархий. Все это создавало иллюзию практической реализации марксистских гипотез и схем.

Ответом на вызов «скромного обаяния марксизма» послужило возникновение альтернативных «больших теорий» О. Шпенглера и А. Тойнби. В основе их конструкций лежал извлеченный из запасников истории принцип исторического циклизма как антитеза идей прогресса и социального оптимизма. Теория «великих культур» О. Шпенглера и концепция «локальных цивилизаций» А. Тойнби интерпретировали мировую историю не как процесс, а как совокупность культур или цивилизаций, тем самым реализовывали в теории принцип прерывности, дискретности, «разрывного характера» хода истории. Правда, эти схемы были еще тесно связаны с эпохой Модерна, с присущими ей идеалами универсального и поступательного развития.

Следующий акт «структуралистской революции» в истории был связан с практикой изучения социальных и ментальных структур. Смысл «поворота» в сознании историка от вещи к отношениям в форме особых структур нашел отображение в метафоре «поля», заимствованного из физики.

В середине XX в. оформляется новое направление в исторической науке — антропологически ориентированная социальная история, сосредоточенная на изучении социальных структур и структур сознания. Наиболее известным репрезентантом «новой исторической науки» стала французская школа «Анналов». Один из основателей школы Марк Блок рассматривал феодальное общество как особую структуру, живой организм, в котором социальные, экономические отношения переплетаются с социально-психологическими и политическими. Анализ феодальных структур осуществлялся историком как бы изнутри, под углом зрения отношения человека и определенного социума, семьи, системы родства, взаимоотношений с сеньором.

Другой «отец-основатель» школы «Анналов» Люсьен Февр был сосредоточен на изучении структур сознания представителей высокой культуры: Ф. Рабле, М. Лютера, Деспере, Маргариты Наваррской — кружка интеллектуалов времени Франциска I. Изучая стиль мышления Франсуа Рабле или Мартина Лютера, историк намеревался распознать ментальные структуры эпохи Ренессанса. В центре внимания представителей 3-го поколения школы «Анналов» находится изучение истории ментальностей — проблемы смерти, смеха, детства, женщины в сознании людей эпохи средневековья и Ренессанса.

Примат структур («поля») обесценивал идею эволюции и абстрактных конструкций (за приверженность которым Л. Февр подвергал критике А. Тойнби).

Примечательно, что «социальную историю» представители школы «Анналов» писали «по-французски» (Ж. Ревель), т. е. были сосредоточены на локальном и сознательно не выходили за пределы национальной истории.

Принцип проблемного поля актуализировал в творчестве представителей школы «Анналов» междисциплинарный подход. Дело в том, что анализ социальных и ментальных структур вынуждал обращаться к методологическому арсеналу таких смежных дисциплин, как историческая психология, демография, лингвистика, семиотика, социология, культурология и т. д.

Представители французской «новой исторической науки» положили начало изучению истории как истории культуры, культуры «большинства» и культуры элиты.

В 70–80 гг. происходит оформление нового направления в методологии истории, которое определялось по-разному: «постмодернистский вызов истории», «лингвистический поворот», «семиотический вызов».

В парадигму постмодернистского исторического мышления входит новое прочтение предмета и методов изучения прошлого. Для «новых интеллектуальных историков» предметом изучения является «новая культурная» и «новая интеллектуальная история». «Новая культурная история» — это разновидность социальной истории, которая исследует то, как субъективные представления мысли и способности индивидуума реализуются в коллективных структурах [6, с. 31].

«Новая интеллектуальная история» ориентирована не столько на историю звезд, сколько обоснование принципа постижения, понимания прошлого посредством текстов. Новая культурная история не противопоставляет народную и элитарную культуру.

Основным является культурологический подход к истории, который базируется на активной роли языка, текста, исторического нарратива. В 60–70 годах на основе постструктуралистской литературной теории возникает «новая риторика», целая гуманитарная субдисциплина — нарратология. Одним из основных был тезис о родовой общности литературы и историографии как письма, несмотря на жанровые различия. Новые интеллектуалы поставили проблему сходства и различия литературного и исторического нарратива [7, с. 17].

Важнейшей составляющей постмодернистского восприятия истории является концепция активной роли познающего субъекта. Новые интеллектуалы творят реальность посредством слова, речевых конструкций: «Слова конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают» (Бурдьё) [8, с. 49].

Пафос новой «нарративной философии истории» сводится к тому, что историк имеет дело не с объективной реальностью, а с образами этой реальности, историк работает не с прошлым, а документами — образами реальности (Д. Лакапра). Непрерывность рассказа имитирует непрерывность реальности, которая предстает как непрерывность культуры.

В центре внимания находится не исторический субъект, а субъект познания, исследователь, автор текста (нарратор), его взаимоотношения с текстом. Главным, как это было у Мишеля Фуко, становится внеисточниковое, личностное знание как продукт творческой субъективности.

М. Фуко принадлежит и концепция «власти–знания», согласно которой теория, мысль, идеология оказывает обратное влияние на предмет. Марксистская теория классов способствовала тому, что в реальности возникли именно эти структуры. В современных условиях история становится задачей целенаправленного конструирования, слова историка способствуют «производству, сотворению исторической реальности» [8, с. 50].

Отличительной чертой постмодернистской методологии истории является отказ от «больших теорий». Важнейшим признаком постмодернистского мышления является идеал различия. Акцент ставится на региональному, уникальному, культурно-национальному, что ведет к переосмыслению универсалистских тенденций европейского модерна. Примат единичного над всеобщим, универсальным реализуется в таких новейших течениях исторической мысли, как «микроистория», получившая распространение в романских странах Италии, Испании, и «история повседневности» — в Германии.

«Микроистория» возникает как реакция на состояние социальной истории и определяется «парадигмой признака» (Карло Гинзбург). «Микроистория» характеризуется интересом к уникальному, неповторимому в истории.

«История повседневности» также ориентирована на фиксацию единичного, стирание граней между бытом и историей; ей присущ «фотографический эффект» в истории, т. е. интерес к семейным генеалогиям, быту, истории частной семьи, квартала, цеха, улицы, фабрики и т. д.

Культуривирование «принципа различия» стимулирует значение компаративистских исследований, ориентированных на примирение противоречий, противоположностей, таких как Восток–Запад, культура–повседневность, личность–социум, цивилизация–формация.

Коммуникативность, соотнесение себя с другими (позициями, культурами) — это сильная сторона постмодернистского мышления, что находит выражение в признании «культурного полифонизма», «диалога культур», «теоретического экуменизма».

Современный литовский философ А. Андриаускас полагает, «что в рамках постмодернистской методологии историю человечества можно трактовать как нечто единое и неделимое, поскольку разные культуры и цивилизации — это инварианты одного и того же» [9, с. 187].

Приоритеты децентрализации, компаративистских подходов актуализируют внимание к локальному, национально-региональному, к диалогу культур и идей.

Специфика восточнославянской традиции прослеживается во вневременном и конкретно-историческом измерениях, на уровне ментальных и социальных структур. Генетическая черта сознания восточнославянских народов, в том числе и украинского, состоит в преобладании эмоционально-психологического «александрийско-библейского» стиля мышления в противовес рационально-логическому «платоновско-аристотелевскому», свойственному западным народам. Поэтому в славянской культурной традиции рационализм, изысканный гносеологизм не имели глубоких корней. Наоборот, духовная энергия восточнославянских народов стремится не ввысь (в философских конструкциях), авширь, как бы растекается по всему пространству культуры, насыщая собой любое произведение духа — будь то политический трактат, религиозная проповедь, произведение литературы или искусства [10, с. 43].

Отличительными чертами украинской ментальности в таком контексте является мечтательность, кордоцентричность, эмоциональность, романтически-утопическое мышление.

Противоположной вневременной характеристике черт сознания славянских народов является метафора «культурного шока» посткоммунистических обществ.

Культурный шок в посткоммунистических обществах сопровождается быстрым падением уровня жизни, массовой скрытой безработицей, распадом системы социальной защиты населения, что вынуждает людей искать маргинальные возможности заработка, которые возникают в период становления рыночных отношений [11, с. 148].

Примечательно, что в отношении Украины современные социологи и экономисты видят возможность преодоления культурного шока не столько в имитации западной культуры, сколько в культурной синергии (интеграции) — культурное заимствование, взаимодействие призвано способствовать социальному, экономическому, технологическому и человеческому развитию общества, которое находится в переходном состоянии [11, с. 154].

Ситуация в истории искусствознания напоминает ситуацию с историей исторической науки: и то, и другое является продуктом своей эпохи, несет на себе печать постмодернистских веяний — слово о словах, текст о текстах.

Книга выдающегося французского историка и теоретика искусства Жермена Базена с характерным названием «История истории искусства: от Вазари до наших дней» является важным событием в развитии историко-искусствоведческой мысли.

Как раздел искусствоведения история искусства возникает в эпоху Возрождения, «отцом-основателем» ее был живописец и архитектор Джорджо Вазари. Историю искусств он воспринимал в духе античной традиции как форму жизнеописаний, биографий художников.

XVIII в. — следующий этап в развитии исторического искусствознания, связанный с именем Иоганна Винкельмана и его «Историей искусства древности» И. Винкельман совершил радикальный переворот в историко-искусствоведческом мышлении. Предметом его изучения являются не личность или биография художника, а сами произведения искусства, условия, мотивы их возникновения, смысл и логика, которую они несут в себе. От трудов И. Винкельмана идет традиция изучения художественных направлений и стилей.

Современный период в развитии исторического искусствознания (вторая половина XIX—XX вв.) характеризуется расширением проблемного поля исследований (социологические теории и трактовки искусства, его истории, дискуссии вокруг импрессионизма, абстрактного искусства). На данном этапе происходит усиление междисциплинарных связей, обращение историков искусства, искусствоведов к проблемам социальной психологии, культурологии, психоанализу, литературе, религии, гражданской истории и т. д. [12, с. 440–441].

Признаком теоретической зрелости исторического искусствознания является рост его самосознания, рефлексии в форме истории истории искусства.

Первым, кто взялся за создание истории истории искусства, был Жермен Базен, который анализирует не полотна мастеров, а труды искусствоведов и историков искусства. Ж. Базен использует проблемный и странноведческий принципы систематизации материала с биографическими вставками.

Ж. Базен обращает внимание на роль специальных организаций в развитии исторического искусствознания. Речь идет о Международном комитете по истории искусства, созданном в Вене в 1973 г.

В центре внимания этих организаций и специалистов находятся проблемы методологии истории искусства.

Разумеется, исторического искусствознания коснулись и постмодернистские настроения. «Двадцатый век на исходе, — писал Ж. Базен, — и атмосфера кругом приобрела какой-то апокалиптический характер. Такое впечатление, что мы падаем в пропасть» [13, с. 435].

С этой точки зрения характерны названия работ современных искусствоведов: «Бесконечный музей» Франсуа Дагонье (1984), «Смерть изящных искусств» Жана Галара (1970), «История искусства закончилась» Эрве Фишера (1983). «Бесконечный музей» Ф. Дагонье направлен против бессмысленного накопления произведений искусства, музеи являются своеобразным способом изоляции, подобно тюрьме, казарме или больнице. Чтобы «размузейить искусство», автор предлагает новую форму музея — экомузей.

С точки зрения Э. Фишера, нынешняя эпоха означает конец эстетики авангарда, идеи нового, прогресса. Как бы вторя Фишеру, немецкий искус-

ствовав Ганс Белтинг утверждает, что современное искусство взрывает рамки традиционной истории искусства. Необоснованной и вредной представляется специалистам популярная ныне современная теория искусства, согласно которой «каждый современный молодой художник считает, что во имя самовыражения ему следует сотворить нечто такое, что не имело бы решительно ничего общего со всем ранее существовавшим» [13, с. 437].

В постмодернистском духе переосмысливается смысл и значение соцреализма. Русский постмодерный философ Борис Гройс (живущий в Германии и работающий в Мюнстерском университете) полагает, что искусство социалистического реализма представляет не разрыв с русским авангардом начала XX в., а скорее его продолжение. Искусство авангарда и соцреализма различаются лишь стилистически, оба они являются тесно связанными утопическими проектами, направленными на преобразование существующего мира [14, с. 65].

Как видим, в арсенале исторического искусствознания проблема периодизации истории искусства не стоит, наиболее актуальными являются идея трансформации, «принцип поля», предполагающий осмысление «концептуальных позиций и оппозиций» (а не биографий художников), примат локального, национального над универсальным, принцип диалога.

Разумеется, постмодернистская методология имеет своих критиков. Так, немецкий социолог Юрген Хабермас считает ее ущербной, так как абсолютизация множественности, примат уникального, хвала различию, отсутствие ограничений неминуемо ведет к моральному и интеллектуальному хаосу где все непредсказуемо.

Российский философ А. Гулыга в своей концепции «постсовременности» развенчивает апории постмодернизма, который ведет борьбу с целым, но любое творение выступает как целое, человечество так же ощущает себя как целое, которое обязано выжить.

И критики, и апологеты постмодернизма, пожалуй, сходятся в том, что постмодернизм — это этап в осознании целостности, который создает предпосылки для возникновения нового синтеза.

Примечательно, что носителем такой целостности, как считает современный немецкий философ Михаэль Хагемайстер, является произведение искусства. Еще Н. Бердяев в искусстве кубизма и Пикассо видел тотальное разрушение, которое должно вызвать перемены, а П. Флоренский еще в 20-е годы утверждал, что на смену искусству авангарда придет новый синтез.

Конструктивной представляется роль искусства и в современной исторической науке. Известно, что ментальные черты русского характера во всей глубине и полноте удалось передать именно искусству России XIX в. Непревзойденным образцом проникновения в душу украинского народа, в ментальные черты его характера является творчество Н. Гоголя, его малороссийские повести.

Вне всякого сомнения, в нынешних условиях искусство, историческое искусствознание является важнейшей компонентой познания человека, его внутреннего мира и сознания его эпохи, что дает все основания для конструктивного диалога исторического искусствознания с исторической наукой.

Литература

1. *Соболь О. Н.* Постмодерн: Философские и культурные измерения // Философская и социологическая мысль. — 1992. — № 8.
3. *Кнабе Г. С.* Диалектика повседневности // Вопросы философии. — 1989. — № 5.
4. *Ионов И. Н.* Судьба генерализирующего подхода к истории // Одиссей. — 1996.
5. *Якимович А. К.* Тоталитаризм и независимая культура // Вопросы философии. — 1991. — № 11.
6. *Шевченко А. К.* В тенетах идеологии. К психопатологии интеллигентского сознания // Философская и социологическая мысль. — 1992. — № 8.
7. *Репина Л. П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. — 1996.
8. *Зверева Г. И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. — 1996.
9. *Визгин В. П.* Постструктуралистическая методология истории: достижения и пределы // Одиссей. — 1996.
10. *Петякиева Н. И.* Проблемы диалога цивилизаций // Вопросы философии. — 1993. — № 6.
11. *Горський В. С.* Філософія в системі славістики // Історія і культура слов'ян. — К., 1993.
12. *Полунєєв Ю., Загоруйко Ю.* Культурний шок в посткомуністичних суспільствах у період ринкової трансформації (перспектива України) // Сучасність. — 1994. — № 11.
13. *Арзаканян Ц.* Послесловие // Базен Ж. История искусства: от Вазари до наших дней. — М., 1994.
14. *Базен Ж.* История истории искусства: от Вазари до наших дней. — М., 1994.
15. Интервью с М. Хагемайстером. О восприятии не принятого. Русская мысль в европейском контексте // Вопросы философии. — 1995. — № 11.

Т. Н. ПОПОВА

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА: ПРОБЛЕМЫ САМОНАЗВАНИЯ

Важнейшим критерием самоидентификации любого явления служит восприятие принадлежности ему его имени. Это универсальное положение имеет прямую проекцию и в область самоназваний научных дисциплин. Речь идет именно о самоназваниях, т. е. «именах», которые «даются» той или иной науке ее представителями, «именах», которые возникают в научном сообществе — репрезентанте вместе со складыванием этого сообщества и осмыслением им той сферы научного знания, которой они занимаются. «...Только в имени, — писал А. Ф. Лосев, — обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления...» [1, с. 20].

Самоназвание — едва ли не главный критерий когнитивной институализации науки. Поскольку когнитивная и социальная стороны процесса институализации взаимосвязаны, появление институтов какой-либо научной отрасли (системы нормативов, определяющих деятельность конкретных научных структур, в рамках которых осуществляется развитие этой отрасли) и институций («наставлений» — хрестоматийно-дидактической литературы) требует унификации категориального аппарата, в составе которого, в первую очередь, — название этой научной отрасли. Относительно производным от него выступает название специальности, кафедры, учебника и проч., что в совокупности детерминирует процесс превращения научной отрасли в научную дисциплину. Гражданский статус научная дисциплина приобретает тогда, когда ее «признают» «родовая» наука и «коллеги» по «дисциплинарному семейству», когда это «признание» приобретает реальные очертания в форме систематической подготовки «узких» специалистов-профессионалов, постоянного финансирования научных исследований в рамках институально закрепленного предметного поля и др. Наконец, в форме «узнавания» ее, этой дисциплины, представителями «широкой научной общественности». В этом случае речь идет уже о переходе самоназвания в официальное название — «имя» данной научной и учебной дисциплины, под которым она «входит» в официальные, нормативные документы.

Безусловно, следует учитывать «уровни» дисциплин. Дисциплины, превратившиеся уже в дисциплинарные семейства, насчитывающие не одно столетие своей жизни (т. н. классические, фундаментальные науки), «владеют» закрепленным за ними родовым «именем»: физика, математи-

ка, астрономия, философия, история* и др. Это имя стало уже «привычным», т. е. вошло не только в научный обиход, но и в культурно-лексическую практику в образе стандартизированной общецивилизационной традиции. Иное дело т. н. «молодые» науки, приобретшие дисциплинарный статус сравнительно недавно, к тому же имеющие вариации национально-региональной специфики своей институциональной жизни, характеризующиеся дискретностью дисциплинарного процесса и др.

В наше время «интенсивного вхождения» в мировой историографический процесс в странах «постсоветского пространства» происходят сложные и болезненные процессы самоидентификации национальных наук, особенно социогуманитарных. Ученые ищут оптимальные варианты, балансируя подчас между Сциллой и Харибдой — «принять то, что на Западе» (в том числе — терминологический аппарат) или идти «по своему пути», альтернативно уже запрограммированному: сохраняя (и даже культивируя) прежние научные традиции или рождая симбиоз между национально-региональной спецификой и консенсусными нормативами «западной» науки (весьма «демократичной», кстати, в плане научной лексики).

Историография как специальная историческая дисциплина относится к тем дисциплинам, которые можно назвать «молодыми» (ибо ее дисциплинарная стадия насчитывает несколько десятилетий), которые «состоялись» как дисциплины далеко не везде (т. е. дисциплинарный статус историографической науки характерен не для всех классификационных систем национально-регионального научного знания), которые «не знакомы» (либо плохо знакомы) широкому научному сообществу, которые имели не одно название в своей жизни и самоназвание которых до сих пор в достаточной мере не атрибутировано [2].

Историографическая ситуация 90-х годов в независимых государствах постсоветского общества характеризуется, на наш взгляд, пересечением трех традиций: 1) традицией «разрушения традиций» (отноюдь не новой, но в новом облике), которая в данном случае выражается в гиперкритицизме и нигилизме по отношению ко всему наследию советской исторической науки; 2) традицией в области историографических исследований в отечественной и российской науке XIX — начала XX вв. (особым интересом к исторической литературе этого периода и здесь — приоритеты в области сугубо национального наследия); 3) собственными и весьма отличными от «наших» традициями западной науки.

Столкновение этих традиций определило следующую картину: многие достижения советской науки как раз в период дисциплинарного

* С историей дело обстоит сложнее: помимо терминов «история» и «историческая наука», эта сфера научного знания имеет и другие названия — «историография», «историология» и др., которые, исчезая и возникая вновь в лексиконе ученых, свидетельствуют о постоянном поиске ее смысла.

оформления и утверждения историографии были отринуты или забыты в среде «широких» историков; обращение ко второй традиции в разработке образа историографии, которая характеризовалась началом ее дисциплинарного оформления, со всей неопределенностью категориального аппарата, со «свободным плаванием» основных значений самого термина «историография», а также заимствование терминологии западной науки привело к размыванию этого понятия в практике сегодняшнего дня [3, с. 166–172].

В учебных планах, разработанных Министерством образования Украины для исторических факультетов государственных университетов (1997–1998 гг., квалификация «бакалавр»), курсы по историографии по основным специальностям формулируются следующим образом: «Историография истории Украины»; «История исторической науки», «Современная историография истории зарубежных стран» («Всемирная история»); «Историография археологии»; «Отечественная историография этнологии Украины», «Историография этнологической науки». В реальной практике университетских преподавателей эти курсы по содержанию часто строятся по-разному вне зависимости от названия (т. е. под одним названием могут быть курсы с различной архитектурой): стержневой линией выступает либо развитие исторической мысли (обзор основных концепций по проблемно-хронологическому принципу); либо галерея крупных историков; либо обзор литературы (а иногда и источников) — по украинистике, русистике, археологии, этнологии, славистике, американистике и проч.; либо, наконец, история науки и историографического процесса в целом. При этом очень часто нюансы историографической направленности, детерминируемые названием курса, не различаются.

Ситуация последнего десятилетия XX века в области историографической подготовки во многом напоминает положение с историографическими курсами в университетах Российской империи во второй половине XIX в.: одинаковые названия «покрывали» различные по содержанию и структуре курсы либо аналогичное содержание выступало под разными «именами» [4; 5]. Однако, как уже было отмечено, в то время только определился переход к дисциплинарной стадии в развитии историографии как истории исторической науки со всей спецификой, присущей начальному этапу в этом длительном и непростом процессе [6]. Поэтому понимание сегодняшнего дня и перспектив развития историографической области исторического знания зависит от того, насколько мы будем знать позиции первых историографов, их поиски в определении названия сферы собственной научной деятельности.

В свое время М. А. Барг писал, размышляя о категории «ментальность»: «Менталитет — это совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и

закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т. е. путем повторения. Эти символы (понятия, образы, идеи) служат в повседневном обиходе онтологическим (ответ на вопрос: что это?) и функциональным (ответ на вопрос: как и зачем это?) объяснением, способом выражения знаний о мире и человеке в нем. Идентичность менталитета среди его носителей обуславливается в конечном счете общностью исторических условий, в которых формируется их сознание, и проявляется она в их способности наделять одним и тем же значением одни и те же явления объективного и субъективного мира, т. е. тождественным образом их интерпретировать и выражать в одних и тех же символах» [7, с. 4]. В данном случае термин — это символ-понятие, выражающий осознание определенной частью профессионалов существования специального знания в системе исторического знания вообще, которое уже достаточно значимо для придания ему конкретного статуса с собственным «именем».

Р. А. Киреева первой рассмотрела вопрос о понимании историками середины XIX–начала XX вв. термина «историография». Она правомерно связала проблему предмета науки с ее названием, отмечая, что поскольку предмет исследования складывается и осмысливается не сразу, то вновь возникшая отрасль знания какое-то время обходится «без специализированных названий». Если же происходит утверждение определенного наименования и фиксируется отчетливый круг изучаемых проблем — значит, считает Р. А. Киреева, данная отрасль науки прошла начальный, «организационный» период и поднялась на следующий, более высокий уровень своего развития.

Поиски названия новой дисциплины были довольно продолжительны. Формула «история исторической науки» (т. е. название, наиболее полно, по мнению Р. А. Киреевой, отражающее дисциплину) возникла в XIX веке: «...дореволюционная историческая наука подходила к нему, пользовалась им, но не закрепила его в своей практике» [4, с. 74–75].

Если суммировать варианты названия новой дисциплины, выявленные в историографической литературе XIX–начала XX вв. Р. А. Киреевой, В. И. Чесноковым, И. И. Колесник и др., то общая картина будет складываться из следующих понятий: «литература русской истории», «литература науки русской истории», «обозрение литературных мнений», «историческое ведение», «историческое деписание», «история русского самопознания», «течения исторической мысли», «разработка русской истории», «история русской истории», «история работы русской мысли над русской историей», «история русской исторической литературы», «критическая российская история», «история критики», «историческая критика», «наука литературы русской истории», «история науки», «история истории», «история исторической науки», «история историографии», «русская (украинская, западно-европейская) историография» и др.

Для первой половины–середины XIX в. использование термина «историография» для обозначения новой отрасли исторического знания было нехарактерно [4; 8]. Первым, считает Р. А. Киреева, применил его И. В. Лашнюков, и лишь к концу XIX в. слово «историография» стало чаще встречаться в названиях публикуемых работ. По мнению Р. А. Киреевой, ученые постепенно в лекциях, а позже и в печатных работах «вместо этих сложных словосочетаний» все чаще стали применять «как синоним более удобное и компактное слово «историография»». Именно «практичность» в применении способствовала широкой практике этого термина в научной лексике университетских ученых конца XIX–начала XX вв. Однако это слово распространялось на различные виды исторических работ [4, с. 75–76].

Новое же историографическое направление на протяжении второй половины XIX–начала XX вв. продолжало существовать под разными именами, но явственно определялась тенденция к их сокращению: большинство специалистов-историографов предпочитали одно или несколько из шести основных. Это — «история науки русской истории» (в Украине эта традиция шла от П. В. Павлова, профессора университета св. Владимира, к его ученикам — И. В. Лашнюкову и В. С. Иконникову и их ученикам и последователям — А. И. Маркевичу и др.); «история науки», «история истории», «история историографии», «история исторической науки», «историография». И все-таки трудно найти в этот период ученого, который бы однозначно применял только один вариант из самоназваний формирующейся дисциплины.

А. Г. Брикнер, один из немногих, был более последовательным в различении терминологии. Его лекционные курсы в Новороссийском университете в конце 60-х годов XIX в. назывались: «Энциклопедия и методология истории» и «Историческая критика». В 80-е годы в Дерптском университете он читал курсы под такими названиями: «Теория истории», «Обозрение исторической литературы России», «История истории России» и др. [9]. Рассматривая проблему осознания учеными существования своей науки, А. Г. Брикнер не затрагивает вообще вопрос о ее названии. Складывается впечатление, что для него понятия, обозначающие «имена», вполне определены: он нигде не противоречит себе, употребляя то или иное название отрасли исторического знания. В его лексиконе несколько понятий. Сама родовая наука выступает под «именами»: «история» и собственно «историческая наука». А. Г. Брикнер разделяет такие понятия, как «искусство историографии» и «историческая наука вообще». Первое понятие для него — синоним «историописания»: создание исторической литературы, сочинений на историческую тематику.

«История во второй степени» имеет два «имени»: «история истории» и «история исторической науки». Понятие «история историогра-

фии» А. Г. Брикнер употребляет в значении «истории общей литературы истории» или «истории исторической литературы». При этом он совершенно четко указывает на то, что «история историографии есть только часть истории истории» [10, с. 4–16]. Традиция истории историографии как истории исторической литературы, которая имела уже полувекковой период своего развития, по мнению А. Г. Брикнера, ограничивалась оценкой литературных достоинств исторических сочинений, и ее последователи занимались даже не историей общей литературы истории, а делали своим предметом «разбор отдельных историков» — Фукидида, Л. фон-Ранке, А. Шлоссера и др. Общие очерки, констатировал А. Г. Брикнер, встречаются редко, и среди них он выделял диссертацию М. Н. Петрова «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» [10, с. 11–12]. В предмет истории исторической науки в целом А. Г. Брикнер включал историю метода, появление и разработку новых групп исторических материалов, «сообразно с которыми и должны изменяться метод»; историю видов и форм исторических сочинений; историю наиболее привлекающих внимание в тот или иной период тем и выявление причин этого «пристрастия»; историю предмета самой исторической науки, объектов исторических исследований; историю развития понятий о всеобщей истории, истории человечества, истории цивилизации; историю изменения взглядов на глобальные проблемы (крестовые походы, французская революция и др.); историю периодизации истории; развитие национальной и всемирной («космополитической») истории; историю исторических воззрений одной эпохи на другую (восприятие предшествующих эпох и их сравнение) и др. [10, с. 12–13].

Важным, на наш взгляд, является вывод И. И. Колесник о том, что А. З. Зиновьев и А. Ф. Федотов историю исторической науки связывали с появлением в России XVIII в. критической истории [8, с. 201], в основе которой — развитие исторической критики. А. Г. Брикнер вводит в предмет «истории истории» историю метода, включая «развитие критики при занятиях историей» [10, с. 13]. В 1868/69 гг., будучи вольнослушателем Новороссийского университета, лекции ординарного профессора кафедры всеобщей истории А. Г. Брикнера посещал А. И. Маркевич. Первая пробная лекция, прочитанная им, уже приват-доцентом, в январе 1880 г. в университете — «Историческая критика в трудах новейших русских историков», содержала вполне отчетливое положение: «Историческая критика есть часть историографии, поэтому она и совершила свое развитие в прямой зависимости от историографии», а «...развитие исторической науки, как и науки вообще во всех отдельных европейских государствах, идет до сих пор одним и тем же путем» [11, с. 1, 14]. Историческая критика в его понимании — это «способ определить достоверность источника и степени достоверности фактов, открываемых этим источником» [11, с. 1]. Поясняя задачи своей магистерской

диссертации, которая имела подзаголовок «Русская историография в отношении к местничеству», А. И. Маркевич писал, что исследование было посвящено «критическому обозрению того материала, в котором заключался вопрос о древнем русском местничестве, равно как и критика тех мнений и целых теорий, которые были высказаны о нем в историографии» [12, с. 1].

С XVIII в. в общеевропейской традиции постепенно складывалось значение термина «историография» как оценка литературы конкретного вопроса или критическая история изучения конкретной проблемы. Именно эта линия составила основу формирования т. н. «критического направления» («критической истории») в исторической науке, способствуя накоплению теоретико-методологического арсенала исторических исследований и превращая постепенно «историографию» как «историописание» в собственно историческую науку. В. О. Ключевский в своих лекциях по источниковедению (осень 1888 г.), анализируя особенности развития российской исторической науки, формулирует: «Наша историография еще надолго должна оставаться преимущественно исторической критикой» [13, с. 7]. Последующее развитие рефлексивной составляющей «историографии» — «исторической науки» в форме критического анализа воззрений ученых в целом или по отдельным проблемам, анализа применения ими критического метода определило самостоятельное направление исторических исследований, которое по традиции (ибо в основе был обзор литературы) стали называть «историографией», продублировав уже в новом значении старый термин.

«Критическое направление» в исторической науке — это, собственно, формирование историографического метода в конкретно-исторических исследованиях, при котором анализ проблемы осуществляется через призму анализа подходов к решению данной проблемы того или иного ученого. В историографических трудах С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова и др. именно проблема метода, т. е. анализ подходов, выбора методологических средств и проч., стала стержнем оценки творчества отдельных историков этими учеными и, в конечном счете, составила базовый материал для осмысления «истории науки истории».

На протяжении XIX века в системе исторического знания шел интенсивный процесс формирования его историко-научной составляющей в форме уже самостоятельного структурного подразделения. В университетах Российской империи эта линия трансформировалась в учебную дисциплину и определила новое значение термина «историографии» как истории самого исторического знания. Именно «критический стержень» — критический обзор литературы, включая «критику источников» и «критику мнений», а точнее — обзор (анализ) применения историками критического метода (исторической критики) составлял

основное содержание историографических исследований и историографических курсов. А. И. Маркевич пишет о содержании своего курса «Русская историография», который он читал в Новороссийском университете в 1880–1882 гг.: «Оба года я читал собственно об источниках русской истории, присоединив к этому на второй год и очерк науки русской истории... чтению лекций об источниках предшествовало введение в курс историографии, посвященное исторической критике и иным историографическим вопросам...» [14]. П. В. Голубовский, ученик В. Б. Антоновича [15, с. 175–182], в рецензии на работу А. И. Маркевича «О летописях» писал: «Историография имеет две главные задачи: «критический анализ источников первой руки и сведения о них» и «изложение истории изучения известного вопроса в генетическом его развитии», при этом вторая задача следует за первой, «потому что только после ознакомления с самим источником можно критически отнестись ко всем тем теориям и учениям, которые могут о нем существовать» [16, с. 745]. Однако П. В. Голубовский уже рассматривает содержание «изложения истории вопроса» не как «перечисление чужих мнений» (за что он и критикует А. И. Маркевича!). По его мнению, «...для полного и ясного понимания этого вопроса необходимо разделить существующие теории по известным группам или школам, показать, как они способствовали уяснению вопроса, как старания одной школы отстоять свое мнение содействовали развитию теории другой» [16, с. 745]. «Библиографию с историографией смешивать нельзя, — категорически заключает П. В. Голубовский, — водораздел между ними именно критическое начало историографии».

На протяжении второй половины XIX–начала XX вв. среди формирующегося сообщества историографов происходило утверждение более широкого понимания проблемного поля новой научной дисциплины. В него стали включать историю исторической мысли, представленную в критическом обзоре воззрений отдельных историков или течений и школ, в анализе специальных исследований, в истории исторических учреждений и др. Новую дисциплину рассматривали в контексте истории науки в целом, истории культуры, истории идей. А. С. Лаппо-Данилевский поднялся уже до «истории в третьей степени» и отчетливо поставил вопрос о термине, выражающем «имя» новой дисциплины, рассмотрев его в историческом, логическом и феноменологическом аспектах. Он отмечал: «История термина «историография» показывает, что он первоначально обозначал или самый процесс составления (ср. должность историографа) исторического сочинения, обыкновенно в национально-патриотическом, официальном духе, или данную совокупность таких сочинений, рассматриваемую в данных пределах времени и пространства». Постепенно термин «историография» утратил прежний специальный смысл, обозначающий историческую науку вообще, и все боль-

ше стал включати в себе «преимущественно сочинения, обнаружившие какую-либо цельную концепцию истории человечества: или целой страны, или нации и т. п.» [4, с. 80]. С логической точки зрения термин «историография» употребляется «в двойном смысле» — для обозначения бывшего и для обозначения «нашего представления о бывшем или научного его построения, выраженного в каком-либо произведении. В последнем смысле можно употреблять термин «историография». С феноменологической точки зрения под «историографией», в отличие от «исторического исследования», А. С. Лаппо-Данилевский считал возможным «разуметь более или менее цельную концепцию истории человечества, целой страны или нации, концепцию, получившую свое выражение в каком-либо произведении исторической литературы». Именно в этом, делает вывод Р. А. Киреева, он видел предмет историографии, т. е. изучение исторических концепций [4, с. 81]. Тем не менее, и А. С. Лаппо-Данилевский колебался при выборе названия: «история науки», «история истории», «история историографии» и просто «историография». Этими понятиями он «покрывал» одно направление — историю исторической науки.

В советской науке термин «историография» осознавался и применялся учеными в еще большем количестве значений [17], и в эпоху утверждения дисциплинарного статуса историографических знаний историографы неоднократно предпринимали попытки унифицировать названия отдельных направлений историографических исследований, «ввести дополнительные понятия для разграничения различных его более тонких оттенков» [4, с. 77]. В частности, А. М. Сахаров еще в начале 70-х годов XX в. отмечал, что «...пришло время преодолеть ту многозначность термина «историография», которую он ныне приобрел и которая нередко ведет к смешению разных понятий». По его мнению, «слово «историография» должно употребляться там, где речь идет об анализе литературы по какой-либо проблеме. Историографию же в смысле истории исторической науки следует так именно и называть — «история исторической науки» [18, с. 127].

На протяжении 60–80-х годов XX в. в сообществе советских историографов сформировался блок различных понятий, означающий определенные направления историографических исследований: «проблемная историография», «история историографии», «биоисториография» и др. 90-е годы добавили «культурологию историографии», «региональную историографию» и др. И хотя термин «историография» в значении самой исторической науки стал считаться архаичным, он сохранялся в лексиконе ученых. В свое время Р. А. Киреева отмечала, что практика широкого употребления термина «историография» не является спецификой исторической области знания. Так, в литературоведении обособились и получили свои наименования самостоятельные отрасли: тео-

рия литературы, история литературы, литературная критика, хотя термин «литературоведение» покрывает собой все эти направления. Поэтому и термином «историография» традиционно называют различные виды исторических работ [4, с. 76].

Для нас важно то, что в сообществе историографов 50–80-х годов XX в. термин «историография» приобрел новое звучание: он стал обозначать науку. Л. В. Черепнин утверждал: «...понятие «историография» имеет более широкое и глубокое значение — значение науки...» [19, с. 4]. Понятие «историография–наука» фиксировалось уже в официальном издании середины 50-х годов [20, с. 5]. Еще раньше Н. Л. Рубинштейн говорил об «историографии как науке» [21, с. 7, 9]. Рассматривая эволюцию понимания предмета историографии, А. М. Сахаров подчеркивал, что «...развитие предмета историографии в целом отражает процесс углубления и расширения изучения историографических проблем, процесс поступательного движения историографической науки...» [18, с. 104]. Правда, А. М. Сахаров оговаривал, что в его представлении «терминологические границы между понятиями «наука», «область науки» весьма условны, поскольку термин «наука» употребляется в различных смыслах — и как отдельная область науки, и как совокупность всех наук вообще» [18, с. 104]. Поэтому историографию он называет и наукой, и историографической областью исторической науки. Оценивая общую тенденцию формирования историографической науки, А. М. Сахаров писал: «Чем дальше, тем глубже и одновременно шире становится объект изучения (или объекты изучения, точнее сказать); возникшая ныне практика и ее теоретическое обобщение стремятся интегрировать изучение многих объектов в одном понятии историографии» [18, с. 104]. Положение о неизбежном расширении предметно-объектной области научного знания констатировалось многими учеными [22, с. 42–45].

Сторонники различения объекта науки и ее предмета исходят из того, что под объектом следует понимать определенную область реального мира, в то время как предмет представляет собой часть этой области, уже выделенной наукой и ставшей в главном (хотя и не в деталях) содержанием научного познания. Поскольку каждая сфера реального мира многообразна, она подразделяется на множество «подобластей», имеет разнообразные уровни и стороны. В силу этого «каждая наука в процессе своего развития постепенно распадается на множество дисциплин, каждая из которых специализируется на изучении той или иной подобласти, той или иного уровня, той или иной стороны, т. е. имеет свой собственный предмет, отличный от предметов других родственных ей субнаук» [23, с. 3]. Понятие «научная дисциплина» рассматривается в разных планах: в вертикальном, горизонтальном; как структурный компонент науки, как ее конкретно-историческая форма или стадия в раз-

вити и проч. [24]. Одним из вариантов и выступает понятие «дисциплина» как следствие процесса структурирования родовой науки в результате «расширения» ее предметно-объектной сферы. Научная дисциплина предстает в данном случае как разновидность общего знания; ее возникновение связано с осознанием особого «фрагмента» в общем объекте родовой науки, нового направления исследований со своим предметом, формирующимся как особый «образ» объекта. Именно в таком ключе рассматривал в свое время блок теоретических дисциплин истории О. Л. Вайнштейн [25]. По этой схеме идет Ю. И. Семенов, выстраивая комплекс научных дисциплин, составляющих этнографическую (этнологическую) науку (при этом собственно историческую науку он называет историологией) [23, с. 3–17]. Аналогичный подход у Н. П. Ковальского, предложившего свой вариант «видов историографических наук (или дисциплин)»: собственно историография, история историографии, историология (теория исторического и историографического познания) и философия истории [26].

Наибольшая проблема, с нашей точки зрения, на сегодняшний день заключается в том, что термин «историография» опять приобрел обширный спектр значений: он покрывает и сферу исторического знания о предмете собственно истории, и сферу историографического знания о самом историческом знании. Таким образом, включая в историографию различные виды вообще исторических исследований, сторонники «широкого» применения данного термина, по сути, лишают историографическую науку ее специального дисциплинарного статуса. Это «растворение» историографии в общем комплексе исторических исследований создает сложности и в четком структурировании историографической области знания, что отражается на понимании содержания, в первую очередь, учебных историографических дисциплин, на их названиях и самоназваниях.

Историографическая наука как научная дисциплина, изучающая историографический процесс в целом, во взаимосвязи всех его компонентов, имеет сегодня значительное предметное поле. Внутри нее сложились уже самостоятельные научные направления, отрасли историографического знания, репертуар которых будет со временем расширяться. Отныне не только история, но и историография пишется на основе множественности взглядов и оценок и предметом ее интересов выступают часто междисциплинарные сюжеты. Сейчас нельзя решать биоисториографические проблемы без данных психологии, статистики, количественных методов и проч. Социальная история исторической науки немыслима без привлечения экономических и социологических методик, данных социальной психологии и др. Интеллектуальная история — история исторических идей (мысли, концепций, воззрений) — также связана с исторической психологией, культурологией, герменевтикой, политологией и др.

Междисциплинарность в конкретных исследованиях и одновременно усиливающаяся их фрагментарность на фоне новой волны эпистемологических изысканий не должны разрушать ощущения своей принадлежности к дисциплинарной общности среди профессионалов-историографов [27, с. 26–27]. И в качестве инструмента объединения должно выступать стремление к единству в понимании смыслового ядра своей науки, ее структуры, самоназваний ее подразделений и ее официального имени, стремление к развитию тех традиций, которые ориентируют на сохранение территориальной целостности такого сложного феномена, каким является историографическая наука.

Литература

1. Лосев А. Ф. Философия имени. — М., 1990.
2. См.: Колесник И. И. История исторического познания в постсоветском научном пространстве: методологические и социальные функции // Украинська історична наука на порозі XXI століття. Харківський історіографічний збірник. — Вип. 2. — Харків, 1997. — С. 71–90; Попова Т. М. Історіографія в дисциплінарному сімействі історичних наук // Історіографічні дослідження в Україні. Наук. зб. — Вип. 9. — Київ, 1999. — С. 267–276 и др.
3. См. подробнее: Попова Т. Н. Историография сквозь призму дисциплинарных традиций // Записки історичного факультету. — Вип. 8. — Одеса, 1999.
4. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. — М., 1983.
5. См.: Алленова С. Г., Матвеева М. С., Чесноков В. И. К вопросу о преподавании историографии в университетах дореволюционной России // Проблемы истории отечественной исторической науки. — Воронеж, 1981; Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX–начале XX вв.: Сб. ст. — Воронеж, 1996. — С. 3–29; Попова Т. Н. Становление историографии как специальной исторической дисциплины: некоторые аспекты проблемы // Российские университеты в XIX–начале XX вв.: Сб. ст. — Воронеж, 1996. — С. 44–55.
6. См. подробнее: Попова Т. Н. Проблемы формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. — Вип. 1. Историография и специальные исторические дисциплины. — Одесса, 1995. — С. 3–45.
7. Барз М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М., 1987.
8. Колесник И. И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. — Днепропетровск, 1993.

9. См.: Обзорение преподавания наук в Имп. Дерптском университете за 1881–1888 гг. — С. 10; Обзорение преподавания наук в Имп. Новороссийском университете за 1868/69 уч. г. — С. 1–3; Протоколы Совета Имп. Новороссийского университета. 1869. 23 дек. — С. 170–171.
10. См.: *Брикнер А. Г.* О главных задачах исторической науки // Краткий отчет о состоянии и действиях Имп. Новороссийского университета в 1867/68 академическом году. — Одесса, 1868. — С. 4–16.
11. *Маркевич А. И.* Историческая критика в трудах новейших русских историков (Пробная лекция, читанная в Новороссийском университете магистром русской истории университета св. Владимира Ал. Марковичем) [Одесса, 1880].
12. *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв. — Одесса, 1888.
13. *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. — Т. VII. — М., 1989.
14. *Маркевич А. И.* О летописях. Из лекций по русской историографии. — Вып. 1. — Одесса, 1883. — Предисловие.
15. См.: *Михальченко С. И.* Киевская школа в российской историографии (В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский и их ученики). — М.; Брянск, 1997.
16. *Болубовский П.* [Рецензия] // Киевская старина. 1883. — Т. VI.
17. См.: СИЭ. — М., 1965. — Т. 6. С. 511–512; *Нечкина М. В., Городецкий Е. Н.* Историографические исследования в СССР // Развитие советской исторической науки. 1970–1974. — М., 1975; *Городецкий Е. Н.* Историография как специальная отрасль исторической науки // История СССР. — 1974. — № 4 и др.
18. *Сахаров А. М.* О предмете историографических исследований // Методология истории и историография (Статьи и выступления). — М., 1981.
19. *Черетнин Л. В.* Русская историография до XIX века. Курс лекций. — М., 1957.
20. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. — М. 1955. — Т. 1.
21. *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. — М., 1941.
22. См.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. — М., 1987.
23. *Семенов Ю. И.* Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1–998. — № 2.
24. См.: *Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. — М., 1980. — С. 55–56; Дисциплинарность и взаимодействие наук. — М., 1986. — С. 91–93 и др.
25. См.: *Вайнштейн О. Л.* Теоретические дисциплины истории // Труды Ленинградского отделения Института истории. — 1967. — Вып. 10. — С. 7–29.

26. См.: *Ковальський М. П.* Деякі теоретичні питання української історіографії // Джерелознавчі та історіографічні проблеми історії України. Теорія та методи. Міжвузівський збірник наукових праць. — Дніпропетровськ, 1995. — С. 5–9.
27. См.: *Эмар М.* Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Современные методы преподавания новейшей истории. Материалы из цикла семинаров при поддержке Democasy Programme Tacis. — М., 1996.

Л. В. ТАРАН

ШКОЛА «АННАЛІВ», СУЧАСНІ ПІДХОДИ В ІСТОРИЧНІЙ НАУЦІ*

Автор цих рядків не претендує на істину останньої інстанції щодо проблеми кризи сучасної української історіографії, висловлює власну точку зору, яка не була однозначно сприйнята Вченою радою Інституту історії України НАН України.

По-перше, чи є в наявності криза української історіографії? Як не дивно, на перший погляд, але відповісти на це питання дійсно складно. Якщо криза історії як науки, звичайно, є результатом зміни суспільних умов її розвитку, підвищеного запиту людей сьогодення до свого минулого, а також інтересу до історії інших народів та держав, то українська наука все це зараз, безумовно, переживає. По-друге, на сьогодні в наявності криза марксистської парадигми, яка так довго була єдиною дозволеною методологією історії в СРСР та Україні, що виключало можливість творчої розробки соціологічної теорії марксизму з урахуваннями загальної ходи розвитку філософії історії. Нині спеціалісти як далекого, так і близького зарубіжжя єдині в одному: історія повинна писатися на основі багаточисленності поглядів та оцінок [1]; зараз самий синтез теорій, підходів і методів та конкретно-наукових концепцій розглядається як органічний компонент розвитку науки [2, с. 10]. Сучасні вчені «низько вклоняються» позитивізму, марксизму, веберіанству, неокантіанству, структуралізму, школі «Анналів», кризі школи «Анналів», постмодернізму, не вважаючи це якимось вульгарним релятивізмом, а поділяючи переконаність М. М. Бахтіна в тому, що «...не кожний правий по-своєму, а усі праві разом» [3, с. 208]. Так які з цих, зазначених російським вченим, етапів розвитку науки ХХ століття пройшла українська історіографія? Гадаю, що в рамках даної статті відповідь дана. Можна навіть відмітити зміцнення позицій позитивізму в сучасній українській історіографії, оскільки в передмовях до своїх новітніх праць найбільші і найсерйозніші історики України закликають один одного «говорити правду» про минуле, запевняють в тому, що видобуття цієї правди залежить від чесного ставлення до джерел, вірять в те, що історичний факт видобувається шляхом прямого прочитування джерел. Між тим як одним з найдорожчих переконань Л. Февра було переконання в тому, що сам історичний факт є підсумком великої, кропіткої та захоплюючої праці історика, результатом висунутих ним гіпотез та припущень. Зміст історичного дже-

рела залежить не лише від минулого (засновники «Анналів» ніколи не заперечували його об'єктивності: «Минуле, — писав М. Блок, — є дане, де ніщо не зміниться більше»), але й від самого історика, його знань, інтелекту, ініціативи, вміння використати інструменти праці [4]. Крім того, кожне покоління істориків створює свій образ минулого, «пише свою історію», тому що ставить свої питання минулому і свідчення джерел оцінює у відповідності із системою цінностей орієнтацій своєї епохи (габітус). З часів неокантіанців таке ставлення до релятивізму істини в науці історії стало загальноновизнаним. Як сказала, що видобуття правди кожним поколінням істориків залежить просто від ставлення до джерел, і проблеми епістемології історичного знання зараз становлять передній край науки.

Більше ста років тому корифеї французької позитивістської історіографії Ш.-В. Ланглуа та Ш. Сеньобос, книги яких були настольними для російських і українських вчених кінця ХІХ–початку ХХ ст., писали: «Історія є уживання в діло документів». Одне із сучасних зважених визначень науки історії таке: «Історія є однією з форм «наукової» практики — продукуючої знання, але модальності цієї практики залежать від зміни її технічних процедур, від примусів, які поміщають її в соціальне середовище та інститути знання, в яких вона здійснюється, а також правил, які із необхідністю керують її написанням» [3, с. 204].

З часів «перебудови», а особливо незалежності, в Україні, як і в інших країнах СНД, умови праці історика суттєво змінилися: в науковий обіг були введені і продовжують вводитися нові пласти джерел (хоч автор далекий від ідеалізації становища в цій сфері роботи науковців), вийшли друком твори репресованих вітчизняних істориків, які десятиліттями перебували у спецсховищах, увійшли в науковий обіг замовчані праці зарубіжних дослідників, був налагоджений творчий діалог з істориками діаспори. Однак, як слушно відмітив один з найсерйозніших сучасних українців С. В. Кульчицький, історіографічна спадщина зупинилася на початку ХХ ст., а вади зарубіжної україністики багато в чому пояснюються їх відокремленістю від архівів [5, с. 9]. Він вбачає нагальним завданням української історіографії створення узагальнюючих праць з історії України на основі нових концептуальних засад. За останні роки з'явилися як одноосібні, так і колективні роботи з вітчизняної історії, в яких вона переосмислюється концептуально [6]. Нині діюче старше покоління, використовуючи шанс, який дає вченому переломна епоха, одержало унікальну можливість переосмислити свою власну творчість, зважено оцінивши її.

В галузі переосмислення загальних підходів до своєї історії сучасна україністика здійснила справжній прорив. Якщо до останнього десятиліття історія України розглядалася вітчизняними істориками як складова частина російської історії або під кутом зору відносин України з Ро-

* Закінчення. Початок див.: Проблеми історії та методології... — Вип. 3

сією, то відтепер усі їхні зусилля спрямовані на розробку проблеми української історичної самоідентифікації та континуїтету українського історичного процесу. Йде природний процес зміни трактування тих проблем, або періодів, які були пріоритетними для радянської історіографії [7]; багато робиться й для заповнення лакун, відновлення замовчуваних сторінок, відродження навмисно забутих постатей української історії — і тут, природно, роботи в істориків України набагато більше, ніж в сучасних істориків Росії. Вони поспішають, квапляться розповісти «усю» свою історію...

Н. М. Яковенко здійснена й спроба підняти питання про переосмислення загальних методологічних підходів до історії України, переоцінити те, що було напрацьовано в минулому, — йдеться про дослідження еволюції, мутації в умовах радянського періоду в історіографії і дотепер двох основних концепцій історії України — народницької (від М. Грушевського) та державницької (від започаткованої В. Липинським). Така постановка проблеми була цілком слушною, але належить історії історичної науки, бо історичний досвід цивілізованих країн світу в XX столітті розв'язав її. Розв'язав в рамках другої передової (поряд з марксизмом) ідеології XIX ст. — лібералізму, політичною доктриною якого було створення правової держави і захист нею прав людини, а методами дії — пошук компромісів, консенсусу в суспільстві, заперечення плебейських методів вирішення його нагальних завдань. Спадкоємцем лібералізму в кінці XIX ст. стало бернштейніанство, праве крило II Інтернаціоналу, а соціал-демократичні уряди Швеції, Франції, Німеччини та інших країн багато зробили в нашому столітті для того, щоб вивести їх на високий рівень цивілізаційного розвитку. В німецькій історіографії XIX ст. «державницький», панівний, напрям був представлений — Тібо, «історичною школою права» — Савін'ї та Ейхгорном; Гегелем, Ранке. Однак там само розвивалася й Гейдельберзька школа, лідери якої (Шлоссер, Циммерман) віддавали шану народу як головному герою й творцю історії. Таку антиному можна простежити й у французькій історіографії XIX ст. та інших. Так який підхід повинна розробляти сучасна українська історіографія — «державницький» чи «народницький»? «Державницький», а шану народу в історії віддасть «нова соціальна історія» в Україні.

Однак в цілому й український історіографічний процес потребує сучасного переосмислення. Українські історіографічні школи, їхня істи-туалізація та функціонування, як і діяльність окремих українських істориків минулого, часто-густо розглядаються у нас у відриві від загальносвітових та європейських шкіл та течій історико-філософської думки. Останнє призводить до спотворення або до неповноти розуміння їхньої справжньої ролі та значення, до провінціалізму і в цій галузі української науки історії. Спроби подолання останнього поки що поодинокі, і тут знову ж таки можна назвати імена О. Прицака, з його

оцінкою спадщини М. Грушевського, та Я. Д. Ісаєвича, який розглядав в європейському контексті діяльність М. Костомарова, М. Драгоманова, М. Грушевського, В. Липинського.

На сьогодні українська наука історії не може обминути деяких проблем, які є важливими для всієї післярадянської гуманітарної науки. Переважна більшість українських істориків — і це однозначно звучало в обговоренні даної доповіді на Вченій раді Інституту історії України — залишаються марксистами. Марксизм як методологія і в Україні, і в світі слугував розвиткові науки, позитивно впливав на історіографічний процес. Світова історіографія, яка в умовах холодної війни недооцінювала марксистські методи дослідження історії, сама втрачала від цього. Творчий доробок української марксистської історіографії радянських часів ніколи не буде закреслено повністю. Зважено оцінити, вписати українську марксистську спадщину в національний історіографічний процес значило би утримати позитивну частину нашої духовної спадщини в XX столітті, зробити для українського менталітету те, чого, на жаль, не змогли зробити для України її політики. Однак на сьогодні головним завданням і світової (не лише української) історіографії є подолання і позитивізму і марксизму, подолання на шляхах методологічного плюралізму. Це робить нагальною творчу мутацію української науки історії; лише це дасть можливість по-новому висвітлити як історичний шлях України в цілому, так і окремі його складові компоненти.

В контексті сказаного на весь зріст постає проблема пошуку критеріїв історичного синтезу. Останнє робить нагальним перетворення науки історії з такої, якій в радянські часи було приписано засвоювати істини історичного матеріалізму або політичної економії, в самостійну науку, з правом розвивати теоретичну проблематику предмету [8, с. 93–94]. Їй необхідне включення в методологічні дискусії сучасності, діалог із найбільш перспективними течіями світової історіографії, з тією ж французькою історіографією, де найяскравіше у XX ст. проявився рух за історичний синтез. Їй необхідно подолати фрагментацію предмету історії, поєднати в своїх висновках результати усіх наук про суспільство і людину, які до цього часу вивчають лише «автономні процеси», функціонування окремих складових предмету історії.

Не можна сказати, що гуманітарними науками України не вивчається така проблема, як ментальність: вивчається, і термін вживається до речі і не до речі. Ментальністю зацікавлені в нас філософи, соціологи, психологи, політологи, їй присвячують «круглі столи» та цілі конференції [9]. Зроблено й перші кроки застосування ментальності як точки зору на соціальне. Сказати «перші», значить, недооцінити такого, наприклад, серйозного вченого України, як академік Я. Д. Ісаєвич, бо ще в 70-х роках на «Федоровских чтениях» у Москві, в доповіді, присвяченій читачьким інтересам городян XVI–XVII ст. [10], він подав зразок застосуван-

ня нового на той час методу дослідження соціальної історії. З початку 90-х років під його редакцією виходить міжвідомчий збірник наукових праць [11], на сторінках якого висвітлюються й проблеми української історичної ментальності й еволюції національної ідентичності та ін. В тому ж 1992 р. почала виходити й нова серія «*Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей*» [12]. Своім завданням її редактори О. П. Толочко та Н. М. Яковенко вважають вивчення історії середньовічної свідомості, категорій повсякденної культури та елітарних теорій, візантійсько-православного та європейсько-латинського коріння української думки. Співробітниками видання виступають не лише вчені України, а й Польщі, Болгарії, Італії та інші. Однак це приємні винятки, а в цілому українські гуманітарні науки розділені між собою такими високими перегородками, які не дозволяють побачити людину в історії та вивчати її, застосовуючи принцип міждисциплінарності, в певному географічному, економічному, соціальному, демографічному, національному та інших контекстах свого часу (в світі існують цілі школи, що реалізували ці підходи), побачити, як вона бореться й виживає в них [13]. На хвилях нової «українізації» з'явилися вже й біографії видатних діячів України, але бракує біографій як відображення нестандартної поведінки героя, що зумів по-своєму актуалізувати тогочасне соціальне середовище (казус) [14]. Не практикується у нас усна історія, кліометрія. Французька школа «*Анналів*», повторюся, тому дала в ХХ ст. плеяду яскравих, талановитих, обдарованих, неперевершених в світі істориків, що постійно займалася та займається вирішенням проблем історичного синтезу, проблемами епістемології історії. Вона змогла об'єднати на одному-єдиному дослідницькому полі — полі історії — результати усіх наук про людину, змінила своє уявлення про предмет і методи дослідження. Остання проблема просто найболючіша для української історіографії: вона майже не дебатує проблеми теоретичного джерелознавства, епістемології історії, які є зараз пріоритетними для світової й російської історіографії; все це поки що залишається поза увагою українських фахівців.

Для творчої переорієнтації української історіографії необхідні були б й організаційні зусилля. В жодному з трьох Київських історичних інститутів НАН України — Інституті історії України, Інституті археографії, Інституті політології та національних відносин — немає відділу з теорії та методології історії. Конче необхідним є створення Інституту Загальної історії, головне завдання якого, на моє переконання, — працювати над тим, щоб вписати історію України в контекст світової історії.

Про розвиток в Україні всесвітньої історії в дореволюційні часи та до 30-х років дещо нами сказано вище. Тоді взагалі не існувало цього штучного розподілу науки історії на загальну і вітчизняну. Найбільші історики України в минулому (такі як М. С. Грушевський, М. П. Драгоманов,

І. В. Лучицький, М. М. Ковалевський та багато інших) вдало і природньо поєднували в дослідженні сюжети всесвітньої й української історії.

Зараз всесвітня історія в Україні практично втрачена як в дослідженні, так і у викладанні. Немає шкіл античників, візантиністів, медієвістів, зусиллями окремих ентузіастів тримається нова та новітня історія країн світу. Втрачені цілі вітчизняні ушлявлені школи. В той час, як в Росії в 60–70-х роках «російсько-українська історична школа» вивчення аграрних проблем французького ХVІІІ ст. перебудувалася на нових методологічних засадах, в Україні вона просто припинила своє існування. Як твердить львівський історик Я. Грицак, історія України вже вписана в світовий контекст зусиллями істориків діаспори; вони одержали освіту в європейських вищих навчальних закладах і є добре обізнаними із світовим рівнем постановки проблем теорії й методології історії та її концептуальними знахідками [15, с. 5]. Я би не поспішала із таким висновком. Доробок діаспорної історіографії потребує спеціального аналізу, але вже сьогодні ясно, що вона дала блискучих дослідників, серед яких виділяються постаті і вчених таких чеснот, як І. Лисяк-Рудницький, як О. Пріцак. Першим синтезом «всієї» української історії, представленим працями О. Субтельного, зачитувалася вся Україна в роки перебудови, бо відразу перестала вірити «своїм» історикам (фахівець цей список продовжив би). Але вважаю: щоб вписати історію України в контекст всесвітньої історії, — а всім ясно, що вона є лише її окремим випадком, — потрібна ще велика підготовча робота фахівців.

Одним з центральних питань, яке обговорюється зараз, є питання періодизації українського історичного процесу. З цього приводу висловлювали свої думки такі авторитети, як І. Лисяк-Рудницький, Я. Д. Ісаєвич, Н. М. Яковенко [16]. На мою думку, думку спеціаліста з всесвітньої, а не української історії, щоб дійти тут згоди, необхідно вирішити проблему хронологічних рамок перехідної епохи від феодалізму до капіталізму для країни. Перехідна епоха як така привернула до себе увагу вчених світу ще у 50-х роках ХХ ст., дискусія триває й охоплює коло складних питань (хронологічних рамок), різних для різних країн світу, фаз, ритмів та внутрішньої періодизації, особливостей складання та функціонування світового ринку, його структури, основних показників розвитку, які характеризують ступінь втягування національних економік у міжнародний обмін, розвиток інфраструктури світової торгівлі, кредитно-грошової системи тощо. В дискусії, розпочатій американським спеціалістом Р. Палмером, підтриманій французькими вченими Ж. Годшо, Д. Робен та багатьма іншими, брали участь такі відомі співробітники Народної української академії ІЗІ РАН, як О. Л. Нарочницький, М. А. Барг, Є. Б. Черняк, В. Малов та ін. [17]. Українські імена практично відсутні в цьому списку. А між тим перехідна епоха обіймала не лише Англійську революцію ХVІІ ст. та Французьку революцію ХVІІІ ст., але й Визвольну війну під проводом Богдана

Хмельницького та інші події та процеси української історії. Розв'язати її — значить, зробити справжнє зусилля для того, щоб вписати українську історію в контекст світової. Росія долає кризу в історіографії на шляхах численних нових починань; їй це було легше зробити тому, що в Москві був і залишився Інститут Загальної історії РАН та міцні кадри істориків — всесвітників, серед яких чимало й вихідців з України. У російській науки багатшою була і методологічна спадщина. З середини 80-х років в Росії від Москви до Казані й Томська пройшли методологічні конференції. В Україні, із запізненням принаймні на десять років, восени 1995 р. в м. Харкові зібралася єдина така конференція, але ніяких організаційних висновків зроблено не було, нових починань не виникло. Між тим з часів старого Л. фон Ранке всюди в світі існує спосіб навчання молодих дослідників методом історичних семінарів. В Росії ведеться семінар Ю. Л. Безсмертного з історії приватного життя, А. Я. Гуревича та А. А. Горського по вивченню ментальності. Виходять такі періодичні видання, як «Одиссей», «Thesis», «Европейський альманах», «Arbor mundi», «Казус» та ін., на сторінках яких ведеться плідний науковий діалог російських колег з школою «Анналів» та іншими школами, осмислюється сучасний історіографічний досвід світу в цілому. Тільки за 1993–1994 рр. в Росії пройшли три конференції з проблем менталітету: «Менталітет російської культури», «Менталітет та аграрний розвиток Росії», «Російська історія і проблеми менталітету».

Практика кандидатських дисертацій в Росії показує, що в науку вступило «небите покоління 30–40-річних». Вільне від тиску закостенілих догм та ідеологічних стереотипів, воно масово звертається до нової проблематики [18].

Вказаними тенденціями починає позначатися й українське наукове життя. Відомий вчений О. Прицак вів деякий час для наукової молоді Києва семінар з зарубіжної історіографії. Н. М. Яковенко та О. П. Толчко обговорюють із молодими науковцями результати їх досліджень на методологічному семінарі в Інституті історії України НАНУ. Однак цього замало. Як 120 років тому це зробив Габріель Моно, хочу сказати на цих сторінках: потрібне відродження українських університетів (їх робить такими не мода на назву, а праця науковців). Умови для розвитку університетських кафедр в українській провінції в роки радянської влади були кращими, ніж в столиці. Прикладами міцних позастановничих кафедр можуть слугувати хоча б дві такі добре знані мною кафедри (на одній вчилася, на другій — працювала). Мова йде про кафедру загальної історії Одеського університету, де залишили свій слід такі відомі вчені, як О. Л. Вайнштейн, К. П. Добролюбовський, К. Д. Петряев, З. С. Алексєєв-Попов, І. В. Зав'ялова, С. Й. Аппатов, та кафедру загальної історії Ужгородського університету з її професорами І. М. Гранчаком, Г. В. Павленком, Е. А. Балагурі, К. І. Гурницьким. В сто-

лиці ж кафедри історії, в тому числі і всесвітньої, були другою лінією траншей, куди відступала партійна та радянська номенклатура або їх діти. Їх займали люди слухняні, від яких в науці не залишиться ні рядка. Серйозними науковими центрами зараз виступають кафедри загальної історії Дніпропетровського, Харківського університетів, останнім часом міцніє Херсонський педінститут. Проблеми академічної та університетської науки напрому позначаються на історії як шкільному предмету в Україні.

З 1993 року на сторінках журналу «Новая й новейшая история» (Москва) йде дискусія щодо хронологічних рамок та внутрішньої періодизації нової історії. В ній беруть участь як серйозні науковці Інституту загальної історії РАН, так і відповідні кафедри вузів Росії, і точки зору на зазначені проблеми практично викристалізувалися.

Міносвіти України рекомендує для шкіл нашої держави програму, автори якої, не знайомі з матеріалами дискусії, пропонують свою періодизацію всесвітньої історії, яка є довільною, науково необґрунтованою [19]. Кидаються у вічі серйозні лакуни програми, відсутність в ній найважливіших тем з нової історії, а саме: марксизм і лібералізм — дві передові ідеології XIX ст., діяльність II Інтернаціоналу, лєнінська теорія імперіалізму — сучасний погляд і т. ін. Така тема, як «Французька революція XVIII ст.», подається в дусі «Замечаний на конспект учебника новой истории» Сталіна, Жданова, Кірова. Чого варте було запровадження нашим Міністерством освіти викладання в школах та вузах країни такої штучно вигаданої спеціальності, як «народознавство», і відповідної спеціалізації (наприклад, у Київському військовому гуманітарному інституті — офіцер-народознавець!).

І останнє. Якими є умови для діяльності історика-всесвітника в Україні? Вони тяжкі. Бібліотеки України до початку 30-х років передплачували шість тільки французьких історичних журналів «Revue historique», «Revue de Synthese», «Revue d'histoire moderne», «Revue d'histoire moderne et contemporaine», «La Revolution francaise», «Revue des etudes slaves». Зараз систематично не випишують жодного.

З трьох провідних французьких історичних журналів («Revue historique», «Revue de Synthese», «Annales E. S. C.») два перших систематично передплачувалися: перший — до революції, другий — до першої світової війни, потім спорадично у 20–30–40 роки. Журнал «Анналі» у київських бібліотеках за 1939 р. та кілька номерів за 70-ті роки. Україна не має книг з всесвітньої історії ні з близького, ні з далекого зарубіжжя. Переклади їх з іноземних мов здійснюються за випадковим, не завжди кращим вибором, і їх дуже мало, просто одиниці.

Підводячи деякі підсумки, хочеться висловити впевненість у тому, що українська історіографія стоїть на порозі великих змін, вона бачить, усвідомлює й обговорює свої проблеми. Посилання на М. Блока, Л. Февра,

Ф. Броделя, здається, поволі стають модою в українських працях з питань методології історії. Це теж непогано, бо так проявляє себе усвідомлення необхідності для нашої науки історії увійти в світовий історіографічний процес ХХІ століття. Останнє вкрай необхідно тому, що, застосовуючи нові методологічні підходи, визначивши нові завдання своєї науки, вона допоможе зрозуміти не лише тенденції минулого, але й майбутні перспективи розвитку України і людства.

Література

1. Ковальченко І. Д. Вказ. праця. — С. 24; Ковальченко І. Д. Теоретико-методологічні проблеми історических досліджень // Нова й новіша історія. — 1995. — № 1. — С. 3.
2. Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. — М., 1995. — Вып. I (119).
3. Баткин Л. М. Полемические заметки // Исторические записки. — М., 1995. — Вып. I (119).
4. Bloch M. Apologie pour l'histoire. P. 22; Febvre L. Combats pour l'histoire. — P. 116–117.
5. Кульчицький С. В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). — Київ, 1996.
6. Історія України: нове бачення. — Київ, 1995. — Т. I; 1996. — Т. 2.
7. Див.: про «комплексність» вивчення подій періоду Хмельниччини: Колесник І. І. Історія історического познання в пост-советском научном пространстве: методология и социальные функции // Українська історична наука на порозі ХХІ століття. Харківський історіографічний збірник. — Х., 1997. — Вып. 2. — С. 85.
8. Барг М. А. К вопросу о современной структуре предмета истории как науки // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. — М., 1989. — Вып. I.
9. Ментальність, духовність, саморозвиток особистості // Матеріали конференції. / Під ред. О. В. Киричука, О. П. Колісника, А. А. Чепи. — Луцьк. 1994. На конференції обговорювалося надзвичайно широке коло питань — від розвитку духовності, як шляху оновлення людства, до проблем збагачення духовності студентів. Проблеми історичної ментальності потонули в цих матеріалах; Діалоги. Поняття ментальності в суспільних науках. Круглий стіл // Генеза. — 1995. — № 1 (3). — С. 8–13. Діалог поданий рубрикою «філософія».
10. Див.: Ісаєвич Я. Д. Круг читательских интересов городского населения Украины в XVI–XVII вв. // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга. — М., 1978.
11. Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. — Київ, 1992. — Вып. 1; 1995. — Вып. 2.

12. Mediatvalia Ucrainica: ментальність та історія ідей. — Київ, 1992. — Т. 1; 1993. — Т. 2, 1994. — Т. 3.
13. A hos lectures // Annales d'histoire economique et sociale. — 1929. — N 1.
14. Між тим керівник українського Інституту біографічних досліджень чудово обізнаний із сучасними методологічними підходами до біографічного дослідження, про що свідчить, наприклад, його остання монографія. Див.: Чижко В. С. Біографічна традиція та наукова біографія в історії і сучасності України. — Київ, 1996.
15. Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації. ХІХ–ХХ століття. — К., 1996.
16. Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. — К., 1994. — Т. 1–2. Ісаєвич Я. Д. Українська культура в середньовіччі і на світанку нової доби // Україна: культурна спадщина... — Київ, 1992. — Вып. 1. — С. 31–49. Яковенко Н. Вказ. праця. — С. 120–121.
17. Спеціальний огляд літератури з перехідної епохи від феодалізму до капіталізму давнього часу Ж. Годшо. Див.: Современное состояние изучения Французской революции в странах Западной Европы и США // Французский ежегодник. 1970. — М., 1972; вкажемо на деякі праці, що заявилися в зв'язку з 200-річчям Французької революції, в яких обговорення проблеми продовжувалося: Нарочницький А. Л. Юбилей Французской революции: поиски и проблемы // Новая и новейшая история. — 1989. — № 3; Барг М. А., Черняк Е. Б. О роли революций европейского масштаба в межформационном переходе от феодализма к капитализму // Новая и новейшая история — 1988. — № 3; Черняк Е. Б. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции // Французский ежегодник. — 1987. — М., 1989. Капітальною з цієї проблеми є праця: Барг М. А., Черняк Е. Б. Великие социальные революции XVII–XVIII вв. — М., 1990. Див. також: Таран Л. В. Историческая мысль Франции и России.
18. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 1996.
19. Програми для середньої загальноосвітньої школи. Історія України. 5–11 класи. Всесвітня історія. 6–11 класи. Рекомендовано Міністерством освіти України. — Київ, 1996.

В. В. ГОЛОВКО

КАТЕГОРІЯ «ІСТОРИОГРАФІЯ» В УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРИЧНІЙ НАУЦІ В ДІАСПОРІ

Мета цієї розвідки — дослідити, як тлумачили поняття «історіографія» українські історики в діаспорі в другій половині ХХ ст.

Серед жанрів української історичної науки в діаспорі чільне місце займали історіографічні дослідження. Це обумовлено й тим, що головні корпуси історичних джерел знаходилися в УРСР, й тим, що діаспорні науковці своїм головним завданням вважали «нотувати і виправляти фальшиві і тенденційні інтерпретації історії України в історичних працях СРСР і у вільному світі» [1, с. 5]. Але, при наявності відносно великої кількості історіографічних праць, серед них майже немає тих, які б торкалися питань теорії і методології історіографії. Орест Субтельний писав з цього приводу, що наукові дискусії серед діаспорних істориків «фокусуються на періодизації та термінології в більшій мірі, ніж над питаннями інтерпретації та методології» [2, р. 42].

Можна стверджувати, що розуміння поняття «історіографія» в діаспорі своїми коренями уходить у визначення, яке було сформульоване Дмитром Дорошенком в «Огляді української історіографії» (1923). «Українська історіографія є нарисом розвитку на Україні наукової праці над дослідженням минулого життя рідного краю», а також «огляд української національно-історичної думки» [3, с. 3]. Це визначення детермінувало наперед погляд на історіографію як, по-перше, витвір національної свідомості, по-друге, стало прецедентом невідрефлексованості поняття.

Молодший колега Дмитра Дорошенка Олександр Оглоблін, який доповнив «Огляд української історіографії» аналізом періоду 1917–1956 років, в «Енциклопедії Українознавства» (друга половина 50-х років) в статті «Історіографія» подає таке визначення: «Предметом української історіографії є розвиток української наукової праці над дослідженням минулого України і, разом з тим, розвиток української історичної думки» [4, с. 887]. Далі це поняття дослідник розкриває на конкретному матеріалі. Причому особливо не розрізняючи дві вказані ним же іпостасі історіографії. Очевидно, в цьому випадку для Оглобліна це визначення носило практичний, емпіричний характер. В іншій роботі він приводить більш узагальнене визначення: «Історіографія — процес розвитку національно-історичної думки, втілений в історичній науці» [5, с. 22]. Як бачимо, національний принцип залишається ключовим словом у визначенні. В праці «Думки про сучасну українську історіографію» (1963) Оглоблін вказує, що розгляд української радянської історичної науки передбачає дослідження

таких питань, як основні історіографічні засади та методологічні тенденції, а також можливість на конкретних великих наукових працях показати, що являє собою історична наука в УРСР і сучасний український історик [6, с. 6]. Це визначення грає більше роль програми дослідження, ніж тлумачення поняття. Тільки в 1988 році в англійській «Енциклопедії України» Оглобліним (у співавторстві з А. Жуковським) дається вільне від ідеологічного забарвлення тлумачення змісту історіографії — «це вивчення принципів, теорії та історії історіописання» [7, р. 156].

Проблему невідпрацьованості терміну «історіографія» поставив руба Любомир Винар, учень Оглобліна [8, с. 5–29]. Л. Винар розглядає і визначення Д. Дорошенка, і визначення Оглобліна, а також — думки Д. Багалія (про те, що історіографія не може обмежуватися «чисто фактичним її змістом і до неї треба б було додати й те, що торкається теорії історичного процесу») та українського радянського історика Ф. П. Шевченка (історіографія — спеціальна історична дисципліна, яка оснований на марксистсько-ленінському діалектичному методі і вивчає не первинний процес — розвиток суспільства, як це робить історія, а вторинний процес самої історичної науки). Дослідник робить висновок, що наведені окреслення історіографії як окремої історичної дисципліни не є задовільними.

Л. Винар вважає, що, насамперед, історик повинен мати повну незалежність від суспільних чинників, що можуть привести до тенденційних селекцій, тлумаченню і оцінці досліджуваного явища. Тому дослідник пропонує звільнити історіографа від зайвого багажу, а саме, дослідження теорії історичного процесу він повністю відносить до домену філософії історії й історичної теорії. Для історіографії він залишає поле дослідження, яке повинне обіймати дослідження організаційних форм історично-наукової діяльності, аналіз творчості окремих істориків на тлі їхньої доби, характеристику окремих історіографічних шкіл, обставини, за яких розвивається історична наука, впливи історіографічних напрямів і концепцій на історичний розвиток. Тобто дослідник намагається комплексно підійти до визначення історіографії, але фактично зводить її до сукупності методів.

Кардинально нове для діаспорної історичної науки розуміння поняття «історіографія» пропонує Степан Величенко в своїй досить оригінальній монографії «Національна історія як культурний процес» (1992). Він піддає критиці точку зору, що історіографія повинна вивчати процес формування «наукової історії», яка начебто базується на «об'єктивному знанні», і при цьому ігнорувати або спростовувати хибні погляди. С. Величенко слушно зауважує: «Такий підхід має свої переваги, але він не показує нам історію того, як минуле розумілося в минулому» [9, р. ХІІІ]. Витоки цього підходу дослідник вбачає в західній критичній традиції, включаючи до неї марксизм. Критична традиція передбачає чітке розділення між істиною і міфом. Але, з одного боку,

для більшості людей минуле уявляється як серія видатних подій, котрі привели до значних змін в їхньому житті, для них минуле не є чітким хронологічно та причинно побудованим поясненням. Тому історик повинен задаватися наступними питаннями. Що освідчена людина запам'ятовує після того, як забуває факти? Яке відчуття події або країни залишається у свідомості після того, як книга чи стаття була прочитана? Що пам'ятає неписьменна людина, коли оповідач піде? Тобто автор наполягає на тому, що нарративна історія важлива для суспільства не тому, що вона істинна або об'єктивна, а тому, що вона забезпечує корисну або привабливу картину минулого. У відповідності з вищевказаним Величенко наполягає на такій структурі історичного знання. Елітарне знання, офіційне та неофіційне; ця історіографія пишеться представниками правлячої еліти. «Народне» історичне знання, офіційне та неофіційне, що існує в свідомості народних мас. Але обидві гілки історичного знання знаходяться в тісних зв'язках між собою. По-перше, вони базуються на спільному «публічному ґрунті істини» (вираз Д. Віко). По-друге, жоден історик і його читач не є *tabula rasa*, так як, приступаючи до дослідження, вони вже мають напівсвідоме уявлення про своє минуле. Величенко вважає, що кінцевий історичний синтез буде рефлексією переважно з міфологією, з'єднаною з певними методологічними принципами, системою формальної логіки і певним видом ретельної впевненості. Історик повинен усвідомлювати, що «символічне співвідношення між науковцем і міфом... тільки змінювалося, але не усувалося» [9, р. XIV].

Величенко відстоює також посилення рефлексії в історіографічних дослідженнях. Так, він розділяє «історіографію історіографії України» на методологічну теорію, котра пояснює, як треба вивчати і представляти українське минуле, та, власне, історіографію історіописання, котре досліджує, що було написано про українське минуле [9, р. XVIII].

Як бачимо, визначення історіографії Величенком найбільш повне і звільнене від ідеологічних і «документалістських» нашарувань. В ньому відчувається вплив орієнтирів сучасної західної історіографії. З певним ризиком можна стверджувати, що має місце дифузія ідей постмодерністського напрямку.

В цілому для діаспорної історичної науки характерне «національне» тлумачення поняття «історіографія». Такий підхід спрямований на підкреслення окремішності українського історичного процесу. Але він фактично спрощував, в такій же мірі, як і марксистсько-ленінська методологія, погляд на розвиток українських історичних дослідів та ізолював його від загальносвітових тенденцій. По мірі ж зняття «історіографічної» напруги між діаспорною і радянською гілками української історичної науки, коли відпала необхідність виступати *pro domo sua*, має місце відхід від старих уявлень і засвоєння нових методологічних підходів.

Література

1. *Винар Л.* Десятиліття Українського історичного товариства // Український історик. 1–2 (45–46). Рік XII. — 1975.
2. *Subtelny O.* The Current State of Ukrainian Historiography // Journal of Ukrainian Studies 18. — N. 1–2 (Summer–Winter 1993).
3. *Дорошенко Д. І.* Огляд української історіографії. — К., 1996.
4. Історіографія (О. Оглоблин) // Енциклопедія Українознавства. — Т. 3. — Львів, 1994.
5. *Оглоблин О.* Мій творчий шлях українського історика // Оглоблин О. Студії з історії України. Статті і джерельні матеріали. — Нью-Йорк, Київ, Торонто, 1995.
6. *Оглоблин О.* Думки про сучасну советську історіографію. — Нью-Йорк, 1963.
7. *Historiography (O. Ohloblyn, A. Zhukovsky)* // Encyclopedia of Ukraine. Vol. II. Toronto, Buffalo, London, 1988.
8. Див.: *Винар Л.* Думки про «Українського історика» і сучасний стан української історичної науки // Український історик. 1–3 (57–59). Рік XV. — 1978.
9. *Velychenko St.* National History as Cultural Process. A Survey of Interpretation of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. — Edmonton. 1992. Там само. — Р. XIII.

О. Б. ВОВК

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

На современном этапе развития исторической науки большое значение приобретает исследование методологических проблем. К числу последних относятся и проблемы терминологии. Становление понятийного аппарата историографии как специальной исторической дисциплины состоялось относительно недавно. Не удивительно, что уточнения и систематизации требуют даже такие, казалось бы, основополагающие понятия, как «историографический факт» и «историографический источник».

Категория «историографический факт», по мнению многих исследователей, является одной из важнейших в ряду историографических понятий, составным звеном в последующем построении системы выводов [7, с. 51; 9, с. 95]. Историографический факт часто определяется как объект исследования историографии и факт исторической науки, несущий информацию об исторических знаниях [7, с. 45]. То есть под историографическим фактом понимается некое знание о событии, явлении или процессе, которые имели прямое или косвенное отношение к истории исторической науки и которые позволяют исследователю судить о ее развитии.

Историографический факт, так же как и факт исторический, имеет в современной специальной историографической литературе множество трактовок, что вызвано, в первую очередь, многоаспектностью его сущности. Каждый исследователь, давая свое определение историографического факта, стремится подчеркнуть наиболее важную, на его взгляд, особенность, некую отличительную черту данного понятия. Некоторые исследователи называли историографическим фактом авторскую концепцию, другие — те исторические труды, которые вносят новое слово в историю исторической науки на том или ином этапе, третьи — творческую лабораторию ученого.

Одновременно следует вспомнить дискуссию относительно правомерности выделения «главных историографических фактов» и справедливое указание на то, что историограф должен рассматривать как равнозначные различные ипостаси науки [9, с. 106–109].

Постоянное и непрерывное развитие исторической науки ведет к расширению понятия «историографический факт». То, что еще вчера не считалось заслуживающим внимания, завтра вполне может стать важным историографическим фактом. Ряд исследователей неоднократно

обращали внимание на то, что необходимо расширять круг историографических фактов за счет привлечения новых данных по истории исторической науки [8, с. 203 и др.].

Историографический факт изначально, по своей сути, является, конечно же, фактом историческим. В отечественной специальной литературе, посвященной проблемам историографического исследования, неоднократно подчеркивалось, что различие между фактом историческим и фактом историографическим заключается в том, что первый является понятием более широким, более полным, а второй — более узким, специализированным. Другими словами, если в историографическом факте содержится информация по истории исторической науки, то в факте историческом эта же информация не всегда четко определена и не в полной мере доступна для непосредственного изучения историком науки. Важно помнить, что в историческом факте выделяют три его состояния: во-первых, это исторический факт как реальное событие (это первая, исходная ступень, отражающая исторический факт как «факт-событие», «фрагмент исторической действительности», «историческое событие», «факт истории» или «исторический факт»), во-вторых, это исторический факт как информация (вторая, промежуточная ступень, определяющая исторический факт как «факт-источник», «факт-информацию» или «сообщение источника») и, в-третьих, исторический факт как научное представление (третья, завершающая ступень, на которой исторический факт превращается в «факт-знание», «историографический факт», «факт-историческое знание», «научно-исторический факт») [11, с. 12–13]. На основании этого мы можем говорить об историографическом факте как о факте историческом, который переходит в историографический ранг на этапе превращения информации, извлеченной из источника, в историческое знание. И в этой связи определение историографического факта как данных, полученных из любого вида историографических источников по становлению и развитию исторических знаний и исторического образования, выглядит несколько сузненным.

По крайней мере, сегодня мы можем выделять две ипостаси историографического факта-знания: 1) в широком смысле — как факт-знание вообще и 2) в узком смысле — как факт, извлеченный из историографического источника и осмысленный исследователем. Однако сказанное несколько не исключает существования историографического факта как явления прошлого и историографического факта как отражения действительности в источнике. Мы лишь хотим подчеркнуть неоднозначность возможной трактовки историографического факта-знания. Смешение ипостасей историографического факта, игнорирование их существенных особенностей приводит зачастую не только к терминологической, но и к методологической путанице.

Кроме того, говоря об историографических фактах, как правило, имеют в виду явления истории исторической науки, оставившие заметный след и ставшие определенной вехой в развитии исторических знаний: это могут быть труды известных ученых, их исторические концепции, факты их биографии или особенности их творческой лаборатории. Но не меньшее значение имеют и факты не столь высокого уровня — это факты, свидетельствующие о популярности определенных концепций, о распространенности идей тех или иных исторических школ. Это так называемые факты общего значения или факты «не-вершины», как называют их некоторые исследователи (в отличие от фактов первостепенной важности, которые можно считать «вершинами») [15, с. 87]. Так, например, сравнительный анализ школьных учебников по истории позволяет определить, какие направления, школы и концепции доминировали в науке и были популярны не только в научных кругах в тот или иной период, какие из них получили выход в социальную практику [21, с. 32; 22, с. 7–8]. Некоторые исследователи, как, например, Е. В. Гутнова, отмечали, что само по себе появление новых учебников, popularизирующих ту или иную концепцию, имеет большое значение как историографический факт [5, с. 96]. Это утверждение основывается на том обстоятельстве, что большая часть учебников создавалась не учеными-исследователями, а педагогами и методистами, которые в своих учебниках лишь воспроизводили ту или иную историческую концепцию. Это позволяет судить как о самом процессе становления, развития и взаимовлияния основных исторических теорий, так и об их восприятии общественностью.

Рассмотренные выше проблемы тесно связаны с вопросом отбора историографических фактов исследователем. Требования объективности при отборе историографических фактов весьма относительны — ведь этот процесс связан с оценочными суждениями, что прослеживается на примерах любых эпох и стран. Отбор строго определенных фактов для обоснования той или иной теории приводит к тому, что факты начинают рассматриваться в отрыве от всей их совокупности и не отражают всей полноты картины историографических явлений, что, в свою очередь, может привести к их искаженной трактовке и самым противоречивым выводам.

Самым мощным фактором, который может оказать воздействие на отбор фактов, является мировоззрение исследователя. Это относится к историографическим фактам так же, как и к фактам историческим [2, с. 253–257]. В процессе перехода информации источника в историографическое знание исследователь сознательно или подсознательно руководствуется определенной системой или шкалой ценностей, принятой в науке и обществе. Причем этот подход присутствует на всех этапах работы исследователя с историографическим фактом.

Не случайно историографические факты отражают не только такое явление в науке, как противоборство концепций, но и противоборство идеологий. В отечественных историографических и методологических исследованиях неоднократно отмечалось, что отражение этих явлений и объективная оценка характера и уровня исторических знаний на разных этапах процесса познания является неременным и важным условием для историографа [6, с. 94], а историографический факт может быть проявлением как прогрессивных, так и регрессивных явлений в истории исторической науки [6, с. 94–95; 10, с. 64; 12, с. 101].

Историографический факт в достаточной мере отражает и общий уровень состояния науки в обществе. По мнению некоторых исследователей, это связано с неким фундаментальным принципом стилевого единства (или стилевой меры), согласно которому каждая эпоха предполагает определенное единство в развитии наук, в том числе и внутри их, каждая эпоха имеет свои характерные черты мышления [20, с. 25]. Поэтому, как правило, историческая концепция или идея в определенной степени соответствует этому принципу, общему уровню развития наук в данную эпоху и развитию исторической науки в частности.

Изучение и уточнение категории «историографический факт» влечет за собой необходимость определения источниковой базы историографических исследований. Эта проблема уже поднималась в работах по проблемам методологии историографии [1, с. 47; 13 и др.]. К историографическим источникам относят, как правило, научные документы и исторические труды, которые дают информацию по истории исторической науки. Такое положение вещей часто приводит к смешению понятий «историографический факт» и «историографический источник». Некоторые исследователи считают историографические источники фактами истории науки [7, с. 45; 26, с. 92]. Другие справедливо возражают, что не следует их отождествлять, так как установление факта возможно лишь на основе соответствующих источников, хотя и отделять эти понятия друг от друга тоже нельзя [9, с. 95–96; 18, с. 80–81].

Некоторые исследователи относят к категории «историографический источник» любые исторические источники, которые прямо или косвенно касаются фактов исторической науки [16, с. 103]. Нам ближе точка зрения тех авторов, которые относят к историографическим источникам и те, которые не имеют прямого отношения к истории науки, но позволяют определить так называемое «веяние времени», ту социально-политическую атмосферу или тот «климат и микроклимат» общества и науки, которые сложились в каждый конкретный исторический период [4, с. 120]. Иначе говоря, историографическим источником можно считать памятник прошлого, предоставляющий исследователю информацию о закономерностях развития исторических знаний и исторической науки, то есть о самом предмете историографических исследова-

дований. Таким образом, к категории историографических источников можно отнести разнотипные исторические источники, содержащие информацию о творчестве и жизни известных историков, о возникновении и развитии исторического образования и науки, о характерном для каждой данной эпохи политическом и научном мышлении. Даже отсутствие каких-либо данных в определенном историографическом явлении становится по справедливому мнению некоторых исследователей важным историографическим фактом [3, с. 122 и др.].

Как уже отмечалось, большое значение имеет проблема соотношения рассматриваемых категорий. Положение о первичности историографического источника неоспоримо — только из источника может быть извлечен факт. Так, например, труд ученого-историка, его автобиография или историческая учебная литература являются историографическими источниками, а определенная информация, которую они содержат, в процессе осмысления превращается в историографическое знание, которое и становится историографическим фактом. Поэтому мы можем говорить о первичности историографического источника по отношению к историографическому факту, хотя не следует забывать, что, как и применительно к историческому факту, мы можем говорить об историографическом факте в источнике (отраженном, но не осмысленном). Таким образом, соотношение понятий «историографический источник» и «историографический факт» не настолько однопланово, как может показаться. К тому же, и тот, и другой являются основой для воссоздания прошлого и понимания настоящего исторической науки, и тот, и другой являются научно и социально обусловленными историографическими категориями. Но при всем этом существует и ряд различий. Историографический источник, и это неоднократно отмечалось исследователями, по своей функциональной нагрузке уже, чем историографический факт [9, с. 122–123 и др.]. Процесс превращения информации, содержащейся в историографическом источнике, в историографический факт-знание многоступенчат и многовариантен. Часто это становится причиной смешения понятий «историографический источник» и «историографический факт». Проиллюстрируем это, для примера, на учебной исторической литературе, которую разные исследователи относят к различным категориям. Так, некоторые авторы считают учебники бесспорным историографическим фактом [5, с. 96; 6, с. 95 и др.]. Это объясняется прежде всего той специфической ролью, которую учебники истории играют в процессе исторического исследования: во-первых, они представляют собой констатированную информацию по истории в контексте той или иной исторической концепции (как правило, в этом случае речь идет об учебниках, созданных исследователями-учеными — представителями определенных исторических направлений и школ), во-вторых, учебники истории содержат определенный идеологический эле-

мент, отражающий социально-политические взгляды «заказчика» (чаще всего, в отношении учебников для средней и высшей школы, таким «заказчиком» выступает государство) или, говоря иначе, определенные, характерные для данного общества идеологические и политические догмы. Исследователи неоднократно подчеркивали тот факт, что господствующие в определенные периоды исторические теории всегда бывают тесно связаны с философско-религиозными и общественно-политическими взглядами, характерными для данного времени и определенной социальной среды, и всегда определяются тем или иным типом идеологии носителей этих взглядов [23, с. 11].

Другие исследователи относят учебники по истории к категории «историографический источник» [21, с. 32; 22, с. 7–8]. В отечественной литературе по теоретическим и методологическим проблемам историографии уже поднимался вопрос о расширении источниковой базы посредством введения в ее состав школьных учебников истории [14, с. 137; 24, с. 265; 25, с. 109–111 и др.]. Это связано с тем, что, во-первых, школьный учебник истории дает исследователю возможность уточнить ряд важных историографических моментов (например, степень популярности той или иной теории), отражает процесс борьбы и взаимовлияния различных историографических школ, то есть процессы внутреннего развития истории исторической науки); во-вторых, учебники истории, применяемые в школьной практике, отражают социальные функции истории (влияние исторической науки на общественное сознание и, одновременно, влияние определенных идеологических и политических стереотипов на историческую науку).

Поскольку учебники по истории содержат важную историографическую информацию и, одновременно, самим своим существованием представляют важный историографический факт, то, на наш взгляд, правильнее было бы говорить о том, что учебная литература по истории является одновременно и историографическим источником, и историографическим фактом. С одной стороны, в ней отражается уровень достижений исторической науки: ее теоретическая база, методология исторических исследований и методика преподавания исторических знаний. При этом учебник (и это в первую очередь касается учебников, написанных исследователями-историками) предоставляет материал для изучения определяющих моментов в исторических концепциях и схемах, господствующих в рассматриваемые периоды в исторической науке, и, одновременно, для уточнения исторических теорий, созданных авторами этих учебников. Большое значение имеет и сам факт издания и переиздания учебников одного направления (то есть популяризации определенных исторических теорий). Таким образом, на примере учебников мы имеем возможность проследить развитие этих теорий, их взаимовлияние, борьбу и выход в социальную практику. В этом случае

учебники по истории выступают в качестве источников историографического исследования.

С другой стороны, в учебниках истории концентрированно реализуются социально-политические функции исторической науки. Исследователями отмечалось, что история в том виде, в каком ее преподносят в процессе образования, позволяет одновременно узнать то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени. Поскольку историография тесно связана с историей общественной мысли как формой социального знания, то естественно, что база источников историографии будет нести в себе элементы этого социального знания. Это обусловлено тем, что историографические источники, отражающие определенные теории, господствующие в те или иные периоды, тесно связаны с философскими и политическими взглядами, определяющими специфику данной эпохи. Ведь историческая наука и социальное сознание настолько тесно взаимосвязаны, что любые процессы или явления, происходящие в науке (и, в частности, в исторической науке) имеют прямое или косвенное отражение в общественной жизни, и, конечно, наоборот — все происходящее в общественно-политической жизни государства так или иначе находит свое отражение в научной сфере (особенно в сфере общественных наук, к которым относится история). Поэтому любую историческую теорию мы должны рассматривать как результат взаимодействия огромного количества самых разнообразных факторов, включая сюда как факторы чисто научные, так и факторы социально-политического и морально-этического характера.

Таким образом, категории «историографический факт» и «историографический источник» являются весьма многовариантными и обширными в смысле информационной нагрузки. Налицо взаимозависимость и взаимообусловленность данных категорий, что, однако, не исключает необходимости более четкого разделения этих понятий.

Литература

1. Барг М. А. Исторический факт: структура, форма, содержание // История СССР. — 1976. — № 4.
2. Вайнштейн О. Л. Очерк развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках. — Л., 1979.
3. Волин И. С. О разнотипности историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. — Калинин, 1980.
4. Бородецкий Е. Н. О многозначности понятий «историографический факт» и «историографический источник» // Методологические и теоретические проблемы...

5. Гутнова Е. В. О типах историографических фактов и концепции историографа // Методологические и теоретические проблемы...
6. Дахилейгер Г. Ф. О концепциях историков, историографической теории и практике // Методологические и теоретические проблемы...
7. Дурновцев В. И. О содержании понятия «историографический факт» // Методологические и теоретические проблемы...
8. Жуков Е. М. Очерки методологии истории. — М., 1987.
9. Зевелев А. И. Историографические исследования: методологические аспекты. — М., 1987.
10. Лисовина А. П. Категория «исторический факт» в марксистской и буржуазной методологии истории. — Кишинев, 1981.
11. Зевелев А. И., Наумов В. П. Историографический факт: критерии оценки и анализа // Методологические и теоретические проблемы...
12. Мошков Ю. А. Оценка и анализ историографических фактов // Методологические и теоретические проблемы...
13. Нечкина М. В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. — М., 1965.
14. Нечкина М. В. Об историографическом источнике // Методологические и теоретические проблемы...
15. Олгина И. Н. Об отборе историографических фактов // Методологические и теоретические проблемы...
16. Пушкарев Л. Н. Определение, систематизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы...
17. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. — М., 1941.
18. Сахаров А. М. Методология и методика историографического исследования // Методологические и теоретические проблемы...
19. Сахаров А. М. О предмете историографических исследований // История СССР. — 1974. — № 7.
20. Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. — Калинин, 1973.
21. Фукс А. Н. К вопросу о школьных учебниках истории как историографических источниках // Вопросы методологии, истории, историографии и источниковедения. — Томск, 1984.
22. Фукс А. Н. Школьные учебники по русской истории. — М., 1985.
23. Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. — М., 1957.
24. Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. — М., 1976.
25. Шмидт С. О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы...
26. Шмидт С. О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. — М., 1997.

В. В. БЕЗДРАБКО

ТЕРМІНОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ БУТТЯ ВІТЧИЗНЯНОГО КРАЄЗНАВСТВА початку ХХ століття

Питання про те, як слід трактувати і сприймати краєзнавство, ще з моменту його зародження завжди викликало чимало полеміки і дискусій. Початки визначення об'єкта краєзнавства датуються ХVІІІ століттям, але перші помітні спроби витлумачити його належать ХІХ століттю. Між його різними транскрипціями не існувало конкретного сутнісного розмежування і віддалення. Значний внесок у становлення семантичного осмислення краєзнавства належить освітянам, педагогам, які, керуючись розпорядженнями та інструкціями, наказами і програмами перебудови форми і змісту освітньої системи країни від урядових кіл Російської імперії [1; с. 5, 68, 265–290], намагаючись вирішити проблему усунення односторонності дидактичних методів, шкільних програм, обмеженості набутих учнями вмінь, навичок у здійсненні мисленневих операцій, апелюють до досвіду західноєвропейської педагогічної науки, що запропонувала школі батьківщинознавство. Особливим успіхом у педагогів Росії користувалися роботи з *Vaterlandskunde*, *heimatliche Altertumskunde* видатних науковців А. Брикмана, М. Вебера, Р. Мозера, А. Льозекке, К. Ріттера, А. Роммеля, А. Фінгера та інших представників німецької науки, які характеризували краєзнавство як вивчення історії та географії рідного краю [2; № 7, с. 70–80; № 8, с. 25–38]. З появою у другій половині ХІХ ст. розробок комплексної теорії у педагогічній науці, за якою доводилися переваги викладання навчального матеріалу на основі певного предмету (для Г. Герберта — на основі географії, Ф. Тішендорфа — історії, К. Ушинського — мови і т. д.), батьківщинознавство було прийняте як варіант злиття (в умовах популярності позитивізму) природничих і гуманітарних наук, основа вивчення соціуму в обмеженому континуумі [3, с. 18–20].

Творча думка Росії, звернувшись до досвіду Західної Європи, творила оригінальні зразки власної культури. Починаючи з 60-х років ХІХ століття, з'являються окремі книги, брошури, журнальні публікації, присвячені проблемам буття батьківщинознавства в освітній системі, у виконанні вітчизняних представників гуманітарних і природничих наук. Підручники, програми, методичні рекомендації педагогів-теоретиків стосовно його поширення і практикування знайшли підтримку серед педагогів-практиків, а діалог між ними сприяв гуртуванню розмаїтих ідей. «Отечественноеведение» Д. Семенова, С. Нікітіна [4], «отчизноведение»

М. Овчинникова, М. Малиніна, М. Весселя [5], «родиноведение» І. Білова, Р. Більдта, В. Бітнера, Є. Звягінцева [6], «батьківщинознавство» Олени Пчілки, Лесі Українки, С. Русової [7] та ін. засвідчили понятійну нестабільність означень того, що розумілося як наочний метод викладання, виховний засіб, пропедевтичний курс історії, географії, окремий шкільний предмет, основа студій для більшості навчальних дисциплін [8, с. 12].

Роботи науковців перших десятиліть ХХ століття продовжили розбудову опорних ідей, висловлених раніше, демонструючи складання певних традицій сприйняття батьківщинознавства. Тоді ж з'являється й термін «краєзнавство», «краеведение», перші історичні й історіографічні дослідження генези його входження і закорінення в ідейну систему науки Західної Європи, Російської імперії. Особливістю розвитку батьківщинознавства у перше десятиріччя ХХ століття стало переростання камерних масштабів, унаслідок чого дедалі частіше про нього стали говорити як про рух, головною ознакою якого є масовість, а її прикметами — численні випадки заснування нових краєзнавчих осередків, проведення ними зібрань, конференцій, з'їздів, збільшення матеріалів відповідного змісту на сторінках періодики, поява перших монографічних наукових робіт з краєзнавства, запровадження за аналогічною назвою навчального курсу, системи виховних заходів у початковій, середній ланках школи, дошкільних закладах тощо [7, с. 12].

Посиленою була увага до краєзнавчої термінології й у 20-ті роки ХХ ст. Сучасники тієї доби справедливо з цього приводу зазначали, що наполегливі шукання відповіді на питання «Що таке краєзнавство?» носять переважно академічний характер, спалахуючи то на краєзнавчих з'їздах та конференціях, то на сторінках спеціальних книг та журналів, при цьому мало відображаючись на практиці [8, с. 8].

Здобутки російських краєзнавців на теренах складання власної наукової лексики у 20-ті роки були помітнішими і вагомішими, ніж у їхніх колег у УСРР. Розглядаючи стан української краєзнавчої термінології, а на тлі цього — рівень оперування науковцями і аматорами «так званими абстрактними або загальними чи простими ідеями» [9, с. 58], відмічаємо неконкретність, позірність змісту у визначеннях основних її понять. Справедливо вказуючи на важливість упорядкування нормативності термінів задля суб'єктного комунікування, «витворення ... національних форм» науки [10, с. 10], представники вченого світу виступили організаторами відкриття Інституту української наукової мови (1921 р.) [11, с. 96]. Мета його діяльності — наповнити спеціальну лексику загальноприйнятими внутрішнім навантаженням вартостями та вартісною оцінкою у єдиній зовнішній формі.

Визначаючи досягнення у галузі краєзнавчих термінологічних шукань Інституту, як, власне, й інших установ, що займалися цим (інсти-

туції історичної науки здебільшого розробляли теоретичні проблеми регіональної історії, а не історичного краєзнавства, хоча позитивної оцінки у цьому відношенні заслуговує досвід Комісії по складанню історико-географічного словника [12, с. 100]), констатуємо успіхи на теренах географічного краєзнавства. Так, за перші п'ять років праці ІУНМ його структурними підрозділами були підготовлені до друку і видані тримовний словник (терміни подавалися українською, німецькою, російською мовами) фізичної та математичної географії й картографії (у т. ч. й історичної) за авторством проф. К. Дубняка, україно-французько-російський словник А. Носова, загальноекономічний словник О. Синявського та інші книги, у яких досить широко представлена різноматична, різнооб'єктна краєзнавча лексика [11, с. 96]. Їхні термінопояснювальні тексти володіли високим ступенем репрезентативності останніх досягнень європейської науки, а спроба інтерпретувати різномовні слова в одному досвіді з метою передачі їх єдиного значення підвищувала ймовірність розуміння між суб'єктами науки у парадигмі діалогу. Передача іманентності поняття набуває виразу змісту мислення К. Дубняка, А. Носова, О. Синявського, П. Тутковського, О. Янати та інших авторів, які прагнули до рефлексії здобутків вітчизняної науки через розкриття їх звукового і значеннєвого словесного відображення в їхній мові. Ці термінологічні студії не позбавлені спроб калькування, але введення значної кількості неологізмів, синонімів, омонімів, на думку С. Рудницького, зробило лексично багатими словники, які за кількістю мовних одиниць не поступаються ніяким «поміж слов'янськими» [13, с. 274].

При аналізі стану розробки наукової лексики з краєзнавства 20-х років особливий інтерес являють ті роботи, в яких досліджується стан і намічаються перспективи накопичень знань на цій царині. Мало опанованою, незрозумілою на кінець 20–початок 30-х рр. ХХ ст. залишалася, на думку фахівців, географічно-краєзнавча термінологія [14, с. 30]. Більшості з них терміни сприймалися як своєрідна форма опису суті, перелік зовнішніх і внутрішніх ознак факту, події, процесу, явища. Якщо краєзнавці-науковці намагалися, принаймні у пояснювальній описовій манері, досягнути реальність, яка позначалася термінами, то краєзнавці-аматори оперували термінологічними одиницями, поданими авторитетними науковими постатями, переписуючи описане ними.

Динамічність науки і мови, якою та говорить, не дозволяє одноактно, тобто раз і назавжди, зафіксувати її термінологію. Але термінологічні розробки забезпечують споживача подібної інформації, закоріненого у своїй історичності, можливість проникнути в історичність науки за допомогою спеціальної мови. К. Дубняк, виходячи з емпіричної історіографії проблеми, запропонував і аргументував переваги впорядкування української термінології і номенклатури, апелюючи до передових зразків західноєвропейської та всієї східноєвропейської новітньої на-

уки, а не тільки до російської, як здебільшого робилося раніше [11, с. 96]. Ним обстоювалася необхідність складання краєзнавчих словників топонімів (з історичним поясненням до них) різних класифікаційних груп: астіонімів, дримонімів, драмонімів, гелонімів, ліммонімів, ойконімів, оронімів, урбанонімів, фітононімів, хоріонімів тощо [11, с. 97]. Критичне вивчення інформаційного навантаження топонімів через їх ареальний, історичний, етнічний, статистичний, типологічний, порівняльний аналіз мало, за міркуванням К. Дубняка, пояснити мовні, а отже, й етнічні, а разом з цим і генеалогічні аспекти культури українського суспільства певного просторово-часового етапу і з характерним для нього зразком людської активності, творчості [11, с. 97].

Великі сподівання з приводу упорядкування географічного краєзнавчого термінологічного словника поклалися на структури Українського науково-дослідного інституту географії та картографії, відкритого на початку 1927 року [14, с. 33]. Втім, у 1934 році через репресії проти наукового потенціалу країни провідна новостворена установа географічної науки не встигла реалізувати ряд дослідницьких проектів, у тому числі й на царині укладання понятійно-категоріального апарату географії загальної, галузевої і регіональної, фізико-географічного, економіко-географічного, історико-географічного (історичного) краєзнавства.

Термінологічні краєзнавчі дослідження 20-х років у межах історії, географії, графофонетичний склад змісту понять отримували трактування також контекстуальним способом: у зв'язку з текстовою системою, у якій вони існують. Тому аналіз уживання авторами краєзнавчих публікацій географічної, історичної регіональної і краєзнавчої термінології ускладнюється без розгляду фабули, сюжетної організації тексту, в якому лише вона є значущою. Інакше кажучи, поняття робить вагомим увесь текст, у якому його використано. Тому, оперуючи лексикою А. Анджено, нарративні конструкти та конструкти аргументації, тематичні максими, прагматичні маркери, семантичні парадигми, соціоелектричні маркери та риторичні фігури краєзнавчого змісту стануть зрозумілими за умови багатоваріантної дискурсивної практики стосовно нього [15, с. 604].

Значним був внесок педагогічної науки у витлумачення краєзнавства як методу, навчального курсу, виховного засобу, каркасу розбудови навчальної програми.

Пошуки відповіді на питання у 20–на початку 30-х років ХХ ст. яскраво відобразилися на сторінках тематичної періодики, книг. Аналізуючи тексти, можна визначити декілька варіантів відповідей на нього, які не є новим витвором в історіографії:

- 1) наука, що об'єднує природничі та гуманітарні дисциплінарні цикли і спрямована на вивчення певного географічного та історичного регіонів країни, або ж частина фундаментальних наук;
- 2) особлива методична дисципліна;

- 3) науково-педагогічний наочний метод, що дає змогу вивчати батьківщину;
- 4) виховний засіб у формуванні нової людини та громадянського суспільства;
- 5) наукове всебічне пізнання краю;
- 6) форма масової діяльності у вивченні рідного краю. Всі ці визначення, співіснуючи, взаємодоповнювали і взаємозбагачували одне одного, малюючи поліфонічну картину ставлення науковців та громадських кіл до змісту і ролі краєзнавства 20-х років [16].

Використовуючи надбаний у ході дослідження досвід, констатуємо, що українське краєзнавство 20–початку 30-х років стало резервуаром конкретизованих, загальних принципів марксизму і позитивізму, неоромантизму і неопозитивізму. У рамках марксизму доводиться зверхність матеріальної (виробничої) практики в краєзнавстві над духовною (теоретичною), демонструється ставлення до краєзнавчих знань як до зумовленості економічним і культурним розвитком суспільства. За цих обставин краєзнавство сприймається не тільки як результат іманентного розвитку науки, а й виступає окремою деталлю відображення розгортання взаємозв'язку її з соціумом. У краєзнавстві інтродуцуються ідеї позитивізму і неопозитивізму. Воно стало втіленням прагнення позитивістів розбудувати на базі конкретних наук синтетичну систему теорії наукового пізнання і її реалізації в регіонально обмежених рамках. Від них у краєзнавстві посилена увага до факту, достатність його пояснення з відповіддю на питання «як?» і, зрештою, логічний емпіризм в історико-географічних, етнографічних, фольклористичних, діалектологічних та інших краєзнавчих дослідженнях. Неоромантизм відгукнувся у краєзнавстві передусім у його історичному складнику, а з цим — в екзистенціальному тлумаченні історичного знання: усвідомлення культурної самобутності виявів людської життєдіяльності в межах певного регіону, іронізація над винятково раціональним поясненням розвитку «Я» і «Ми». Вказані течії об'єктивізували і суб'єктивізували, абсолютизували і співвідносили краєзнавче знання; єднали емпіричний і теоретичний, індивідуальний і колективний рівні дослідження; визначали його місце в системі науки і суспільстві.

Література

1. Демков М. И. История русской педагогики: В 3 т. Т. 3. — М., 1909.
2. Шульце Ф. История развития родоношения // Естествознание и география. — 1904. — № 7; № 8.
3. Кагаров Е. Комплексная система преподавания в германской школе // Просвещение Донбасса. — 1924. — № 5–6.
4. Никитин С. Отечественное образование: В 4 вып. — М., 1875. — Вып. III; Семенов Д. Отечественное образование: В 5 т. — М., 1864–1878.

5. Вессель Н. Местный элемент в обучении // Учитель. — 1862. — № 17; № 18; I. Ш. Новый способ изучать Россию // Отечественные записки. — 1864. — Т. CLV; Малинин Н. Беседы о наглядном обучении и отчизноведении. — М., 1883; Овчинников М. О преподавании отчизноведения // Детский сад. — 1873. — № 2–10; Його ж. Элементарное обучение: Об элементарном преподавании географии (отчизноведение). — М., 1894 та ін.
6. Белов И. Руководство к родоношению. Ознакомление ребенка с окружающим его миром при посредстве наглядного обучения. — СПб., 1875; Белох П. Учебник всеобщей географии. — СПб., 1878; Ряднов В. Уроки родоношения и элементарный курс отечественной географии. — СПб., 1874; Звягинцев Е. К вопросу о преподавании истории и географии // Вестник воспитания. — 1896. — № 1 та ін.
7. Бездрабко В. Досвід історіографії з актуальних питань краєзнавчої педагогіки // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Зб. праць молодих вчених. — Х., 1998. — Вип. 3.
8. Книга краеведа / Гейнике Н. А., Елагин Н. С., Зимин Н. П., Соловьев К. А. / Под ред. Н. А. Гейнике. — М., 1927.
9. Бергсон А. Вступ до метафізики // АСЛКД ХХ ст. — Львів, 1996.
10. Яната О. Перспективи розвитку природознавства на Україні та завдання відділу природничих наук Українського наукового товариства // ВП. — 1921. — № 1.
11. Дубняк К. Стан і завдання української географічної термінології // Записки УНДІГК. — 1928. — Вип. 1.
12. Верменич Я. В. Роль М. С. Грушевського у становленні системи регіонально-історичних досліджень в Україні // УІЖ. — 1998. — № 2.
13. Рудницький С. Досягнення географії України в десятиріччя Жовтневої революції // ВП. — 1927. — № 5–6.
14. Рудницький С. Завдання Українського Географічного Інституту і його видавництва // Записки УНДІГК. — 1928. — Вип. 1.
15. Термінологічний словник: Мовлення (parole) // АСЛКД ХХ ст. — Львів: Літопис, 1996.
16. Анищферов Н. О методах и типах историко-культурных экскурсий. — Пг., 1923; Байсутов Н. Начатки краеведческой работы. — М., 1926; Вернадский В. И. Очерки и речи: В 2 т. — Пг, 1922. — Т. 1: Об изучении естественных производительных сил России; Ветухов О. В. Віхи на шляху від старої статичної етнографії до сучасної динамічної етнології та краєзнавства // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. Етнологічно-краєзнавча секція. — 1927. — Кн. 1; Вишне夫斯基 Б. Н. Краеведение, его задачи и культурное значение. — Казань, 1921; Вопросы краеведения: Сб. статей. — Н. Новгород, 1923; Вопросы страноведения: Сб. ст. — М., 1925; Гревс И. М. Краеведение в современной герман-

скої школі. — Л., 1926; *Грушевський М.* Развитие украинских изучений в XIX в. и раскрытие в них основных вопросов украиноведения // Вісник НАН України. — 1994. — № 9–10; *Дзенс-Литовський А. И., Абрамов И. С.* Познание местного края. — Л., 1925; *Дзенс-Литовський А., Дорогутин Н.* Первые шаги краеведа. — Иваново-Вознесенск, 1926; За большевистскую партийность в краеведении: Сб. ст. — М., 1931; *Звягинцев Е. А.* История в народной школе. — М., 1918; *Катинський М.* Основи сучасного краєзнавства і як вони переломлюються в школі // Радянська освіта. — 1926. — № 6–7; *Кисловський С. В.* Краеведение, культурная революция и социалистическое строительство. — Кашино, 1928; *Марр Н. Я.* Краеведческая работа // Научный работник. — 1925. — № 1; *Матвієнко-Гарнага Ф. Т.* Краєзнавство і краєзнавча робота. — Х., 1930; *Муратов М. В.* Изучение местного края. — М., 1930; На путях краеведения: Сб. ст. — М., 1926; *Новоселов Ф. П.* Изучение местного края в школе. — М., 1925; *Постоев П.* Підручна книжка з краєзнавства для вчителів трудових шкіл Волинської округи. — Житомир, 1926; *Семенов-Тянь-Шанський В. П.* Район и страна. — М.; Л., 1928; *Смидович П. Г., Кржижановський Г. М.* Социалистическое строительство и краеведение. — М., 1930; *Толстов С.* Введение в советское краеведение. — М.; Л., 1932; Экскурсии в культуру: Сб. ст. — М., 1925 та ін.

Розділ II

Сторінки історії Харківського університету

С. И. ПОСОХОВ

В. И. АСТАХОВ КАК ИСТОРИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Виктор Иванович Астахов (1922–1972) прожил недолгую, но яркую жизнь. Щедро наделенная талантами личность В. И. Астахова привлекала к себе внимание окружающих. Достаточно было состояться лишь одной встречи с ним, и эта встреча оставалась в памяти навсегда. Но после него осталась не только добрая память, не только начинания, которые мы и сегодня стремимся продолжить в Харьковском университете. Остались написанные статьи и книги. Пришло время пристальнее взглянуть в оставленное им творческое наследие.

Первые научные публикации В. И. Астахова появились еще в студенческие годы, а в 50-е годы он издал в соавторстве с Ю. Ю. Кондуфором три монографии, посвященные революционным событиям на Харьковщине в начале XX в. Его перу принадлежат десятки статей, глав и разделов в коллективных монографиях, энциклопедических изданиях. Он был научным редактором ряда книг и сборников документов [см. 1]. Наибольшую же известность В. И. Астахову принес один из первых учебников по историографии (в 1959 и 1962 годах были изданы две части курса лекций, которые в 1965 г., значительно доработанные и дополненные, вышли одной книгой [2]). Творческое наследие Виктора Ивановича довольно многогранно. В данной статье предлагается рассмотреть те работы, которые характеризуют В. И. Астахова как историка Харьковского университета.

Истории Харьковского университета посвящено два крупных исследования Виктора Ивановича. Это его кандидатская диссертация «Студенческое движение в Харьковском университете накануне и в период первой русской революции (1895–1907 гг.)» [3], а также

два раздела книги «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет» [4].

Анализируя эти работы Астахова, задача виделась не в том, чтобы в позитивистском духе показать процесс механического приращения знаний, и не в том, чтобы отрицать оценки тех или иных явлений историографией 50-х годов.

Прошло почти полвека с момента выхода указанных работ и, естественно, за это время стали известны новые факты, а ряд оценок не выдержал проверку временем. Задача иная — обозначить вклад В. И. Астахова в изучение истории университетов Российской империи (в частности, студенческого движения), возможные пути развития тех выводов, которые стали общепринятыми (в том числе и благодаря усилиям В. И. Астахова).

Основное внимание уделим его кандидатской диссертации (научный руководитель — д-р ист. наук, проф. А. Г. Слюсарский). Выбор темы диссертации, по всей видимости, был обусловлен несколькими факторами. С 50-х годов в историографическую практику уже вошла традиция «приурочивания» исследований к юбилеям (в данном случае, к 50-летию первой революции в России и 150-летию Харьковского университета). Но, думается, не меньшее значение при этом имели интерес научного руководителя проф. А. Г. Слюсарского к истории Харьковщины и любовь Виктора Ивановича к университету.

К сожалению, диссертация В. И. Астахова осталась неопубликованной, а потому малоизвестной как современникам, так и исследователям последующих лет, которые работали вне пределов Харькова.

История студенческого движения в университетах Российской империи стала объектом изучения в конце XIX в. Известно, что министерство народного просвещения специально направило осенью 1878 г. А. И. Георгиевского в Германию для изучения опыта борьбы и пресечения «разрушительных» идей среди молодежи. Однако по возвращении из Германии Георгиевский решил обратить внимание прежде всего на факты российской действительности. В результате появилась книга «Краткий исторический очерк правительственных мер студенческих беспорядков» (СПб., 1890). Консервативно-монархические позиции автора определили поиск причин «зла» в ограниченности знаний студентов, их отчужденности от «христианского смирения и самоотвержения».

Активные действия студенчества не могли не заинтересовать представителей либеральных, оппозиционных самодержавию кругов. П. Н. Милоков, С. П. Мельгунов, Р. И. Выдрин начали анализировать требования студенчества на различных этапах его борьбы, использовать разнообразные источники (в т. ч. нелегальные студенческие издания). Уже тогда наблюдались разногласия в оценке студенческих выступлений. Одним эти выступления виделись изолированными от общественно-политической борьбы, движимыми лишь корпоративными интересами (С. П. Мельгунов). Другие называли студенчество «авангардом» всего освободительного движения в России, «невольными депутатами от всех слоев общества» (журнал «Освобождение» под редакцией П. Б. Струве). Третьи разделяли студентов на группы со своими интересами, соответственно выделяя «разночинцев» и «буржуазную» интеллигенцию (Р. И. Выдрин).

В советской историографии первоначально возобладал тезис М. Н. Покровского о том, что студенчество являлось «главным корпусом» левой интеллигенции», что по своим причинам, форме и в своих исходных требованиях студенческое движение 1905 г. не отличалось от движения 60–70-х годов XX ст. Этот тезис, с одной стороны, противоречил ленинскому выводу о том, что «русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной», с другой — был во многом умозрительным и не подкрепленным фактическим материалом [5, с. 8].

Процесс относительно свободных методологических исканий в рамках марксистских построений, период создания всякого рода логических схем в истории к середине 30-х годов XX ст. (формальным рубежом может выступать постановление о преподавании гражданской истории 1934 г.) сменился этапом конкретно-исторических исследований в весьма жестко очерченных методологических рамках.

Одной из первых таких работ стала книга В. И. Орлова «Студенческое движение Московского университета в XIX в.» (М., 1934). Впрочем, в ней еще много личных воспоминаний и необоснованных оценок. Качественно новые исследования по истории студенческого движения появятся лишь в начале 50-х годов. В частности, в 1951 г. в Ленинграде была издана работа П. С. Гусятникова «Революционное студенчество Петербурга накануне и в период революции 1905–1907 гг.».

Кандидатская диссертация В. И. Астахова если и не была первой, то, по крайней мере, одной из первых в ряду конкретно-исторических исследований, посвященных студенческому движению накануне и в период первой революции в России.

В 1954 г., уже после Виктора Ивановича, была защищена кандидатская диссертация О. И. Латышевой «Московский университет в революционной борьбе в период первой русской революции (1905–1907 гг.)» (М., 1954), в 1957 г. — диссертация Л. К. Эрингсон «Тартуский университет в период первой русской революции (1905–1907 гг.)» (Тарту, 1957), затем — М. И. Матвеевой «Студенты Томска в революционном движении накануне и в период первой русской революции» (Томск, 1962), И. С. Бережного «Студенческое движение на юге Украины в конце XIX — начале XX вв.» (К., 1964)* и т. д. Потребовалось около двадцати лет для того, чтобы в начале 70-х вышла работа П. С. Гусятникова «Революционное студенческое движение в России 1899–1907 гг.» (М., 1971), где обобщены данные указанных выше работ.

В сравнении со сходными по тематике исследованиями, диссертация В. И. Астахова отличается насыщенностью фактами (а им использован большой круг источников, в том числе основу составили документы ЦГИАЛ, а также ЦГИА СССР, ЦГИА УССР, Харьковского областного

* По сути, работа посвящена истории студенческого движения Новороссийского университета накануне и в период первой революции в России.

исторического архива, он первым начал изучение студенческих переписей Харьковского университета, часто цитирует нелегальные студенческие издания и т. д.). Для диссертации Астахова характерна яркость изложения (то, что отличало не только его научные работы, но и стиль преподавания). Достаточно лишь указать на описание им студенческой стачки 1 апреля 1899 г. [3, с. 103–108]. И у других исследователей студенческого движения есть примеры удачного цитирования, яркие эпизоды, но такой образности нет.

Диссертационную работу В. И. Астахова отличает стремление подчеркнуть специфику Харьковского университета: более реакционный состав профессуры и, наоборот, более демократический состав студенчества, чем в столичных университетах [3, с. 32], более высокий процент отсева студентов [3, с. 78] и т. д. Среди прочего причины этой специфики автору виделись в худших материальных условиях студенчества и в шовинистической русификаторской политике царского правительства [3, с. 32–34].

Работа В. И. Астахова на долгие годы определила понимание этапов и сути студенческого движения в Харьковском университете в конце XIX — XX вв. Насколько такой взгляд соответствует современному пониманию общественно-политических процессов указанного периода, какие позиции и положения требуют переосмысления?

Уже хронологические рамки диссертационной работы заставляют нас вспомнить этапы освободительного движения в России, предложенные В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена». Как известно, 1895 годом традиционно в советской историографии начинается пролетарский этап освободительного движения. Стремление показать переход студенчества к новому этапу борьбы, изменения его характера пронизывает всю работу, несмотря на верное, с нашей точки зрения, замечание на одной из страниц диссертации о том, что «в общем и целом это было оппозиционное буржуазно-демократическое движение» [3, с. 52]. Схема, которая стала самодавлеющей в историографии социальных движений XIX — начала XX вв. в Российской империи, определила не только общую направленность, но и оценки отдельных событий.

Диссертационное исследование В. И. Астахова во многом характерно для советской историографии. Изучение исторических процессов через призму классовой борьбы, поиск социально-экономических подоснов явлений стали обязательными атрибутами марксистского подхода к истории. Безусловно, именно благодаря использованию этих принципов открылось понимание исторического места многих событий и процессов. Логической стройностью отличается и диссертация Астахова. И все же «тотальность» такого подхода не могла не привести к тому, что логичность в ряде случаев вступала в противоречие с историзмом.

Поскольку данные чтения посвящены терминологическим проблемам исторической науки, остановлюсь на такого рода моментах. В со-

ветской историографии студенческого движения используются такие термины, как «демократическое студенчество», «мелкобуржуазная интеллигенция», «пролетарская часть студенчества», «студенты-представители «третьего элемента» или «буржуазной интеллигенции», «революционное студенчество», «реакционное студенчество», а также «радикальное», «консервативное», «передовое» студенчество. Нередко при этом различные понятия используются в сходных ситуациях, то есть выступают как синонимы. Насколько действительно близки понятия «оппозиционное», «революционное», «радикальное» студенчество? Или «консервативное» и «реакционное» студенчество? Можно ли говорить о студенчестве как о «мелкобуржуазной» или «буржуазной интеллигенции»? И что значит «демократическое студенчество»?

Возьмем последнее из приведенных понятий — «демократическое студенчество». Общеизвестно, и на это указывал В. И. Астахов, что в начале XX в. студенты-дворяне составляли в университетах Российской империи около половины всего студенчества (из них не менее трети принимали самое активное участие в студенческом движении). Относятся ли этих студентов-дворян к демократическому студенчеству? С одной стороны, вроде бы «да», если иметь в виду направленность их выступлений, с другой же, «нет», если ориентироваться на их социальное происхождение и социальное положение.

Казалось бы, достаточно зафиксировать общий характер движения (как уже приводилось: «оппозиционное буржуазно-демократическое движение»). В этом случае становятся понятными «академические» требования студенчества как требования общедемократические (свободный доступ в университеты вне зависимости от национальности, пола, вероисповедания, свобода собраний, свобода преподавания и т. п.). Эти требования, по сути, означали отрицание чиновно-бюрократического монархического строя, а не только зарегламентированного устройства университетов. В силу этого, независимо от масштабов, студенческое движение второй половины XIX—начала XX вв. было оппозиционным, демократическим движением. Однако этого вывода было недостаточно. В советской историографии стал обязательным поиск социальной природы движения, который подразумевал соотнесение его с определенными классами общества. В этом отношении интеллигенция, а тем более студенчество, были сложны для подобного рода процедуры. Незавершенность проблемы «классового сознания» (общественного сознания как такового) приводила к однобоким и неоправданным построениям типа «студенчество — представители буржуазной (вариант: мелкобуржуазной) интеллигенции». В свою очередь, это приводило к тому, что изменения в характере студенческого движения непременно связывали с влиянием извне, в частности, с «могучим подъемом рабочего движения». Таким образом, студенчество не виделось самостоятельной социальной

силой. Хотя уже на примере харьковских событий непонятно, каким образом мощная студенческая стачка апреля 1899 г. (в рамках всероссийской стачки студентов), могла предшествовать многотысячной мавке 1900 г. и всероссийской стачке рабочих на юге Российской империи в 1903 г.

В силу сказанного, на наш взгляд, очевидно, что, говоря о студенческом движении, необходимо ставить проблему роли интеллигенции как таковой в оппозиционном движении Российской империи конца XIX—начала XX вв. К сожалению, в советской историографии студенческое движение оказалось оторванным от либерального и национально-освободительного движения. А ведь известно, что кадеты победили при выборах в I Думу (по Харькову их победа была еще более внушительной), среди кадетов было немало университетской профессуры (достаточно вспомнить Н. А. Гредескула!). Но студенчество в исторической литературе оказалось изолированным от либеральной интеллигенции, от университетской профессуры. Эти и другие вопросы остаются по-прежнему актуальными, несмотря на то, что в 1987 г. вышла фундаментальная работа Г. И. Щетининой «Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в.».

Возвращаясь к творчеству В. И. Астахова, следует сказать, что, вне всякого сомнения, его труды были не напрасны. И сегодня его кандидатская диссертация — единственная основательная работа по истории студенчества Харьковского университета конца XIX—начала XX вв. Хотя, безусловно, время, прошедшее с тех пор, высветило проблемы в изучении темы и противоречия, имеющиеся в выводах, а формирующаяся на наших глазах новая научная парадигма заставляет продолжить начатое В. И. Астаховым дело на новых методологических основаниях.

Литература

1. Виктор Иванович Астахов — профессор Харьковского университета: Биобиблиографический указатель. — Харьков, 1991.
2. Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии: В 3 ч. — Харьков, 1959—1965.
3. Астахов В. И. Студенческое движение в Харьковском университете накануне и в период первой русской революции (1895—1907 гг.). — Дис... . канд. ист. наук. — Харьков, 1953.
4. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. — Харьков, 1955.
5. Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. — М., 1987.

В. Г. САРБЕЙ

**МІСЦЕ І РОЛЬ ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ
У ЗАПОЧАТКУВАННІ ПРОЦЕСУ
УКРАЇНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО ВІДРОДЖЕННЯ
XIX – поч. XX ст.
(ПРИЧИНКИ ДО ІСТОРІЇ ТА ІСТОРІОГРАФІЇ ПРОБЛЕМИ)***

Зазначена проблема не зникла з історіографічного творчого доробку української діаспори, в тому числі і в аспекті теоретичного осмислення місця і ролі Харківського університету в історії українського національного відродження XIX – початку XX ст.

Докладно передумови і початки українського національного відродження на лівобережжі України (включаючи й Слобожанщину) висвітлюються у виданому вперше 1933 р. у Варшаві двотомному «Нарисі історії України» Дмитра Івановича Дорошенка (1882–1951). Автор відзначає, що Харківський університет, заснований 1805 р. «з почину місцевого культурного діяча Василя Каразіна коштом місцевого дворянства й купецтва», «скупив біля себе найкращі культурні сили українського громадянства, діячів на полі української літератури, історії й етнографії», і оскільки переважно це були дворяни, «весь літературно-національний рух початку XIX ст. ... носив певні сліди класової дворянської ідеології» [1, с. 274, 275] (щоправда, цей ледве чи не ультрамарксистський авторський висновок у двотомнику Д. І. Дорошенка фактами не конкретизується).

В «Історії України» Івана Петровича Крип'якевича (1886–1967), яка кілька разів з авторським виправленнями і доповненнями перевидавалася на західноукраїнських землях під польським і німецьким окупаційними режимами, заснування Харківського університету «заходами місцевого дворянства (тут розходження з Д. І. Багалієм, який, як нами вже відзначалося, вважав, що так чи інакше у цій події брали участь й інші верстви населення Харківщини та інших регіонів країни. — В. С.) під проводом В. Каразіна (1805)» згадано у розділі «Початки відродження» і там же відзначено, що останнє «в перші часи мало характер культурний»: «Вся праця йшла в тому напрямі, щоб сприйняти і привласнити собі те, що нарід створив протягом минулого» [2, с. 286, 288]. Чіткіше в контекст історії українського національного відродження Харківський університет, «що постав заходами Василя Каразіна в 1805 р.» (отже, тут уже зовсім не відзначена участь будь-яких кіл громадськості, що можливо, є наслідком безкомпромісних історико-державницьких переконань

автора В. Радзикевича — В. С.), поставлено у вперше виданій 1937 р. у Львові за загальною редакцією І. П. Крип'якевича колективній праці «Історія української культури». Тут наголошено, що цей університет «розбудив наукові зацікавлення та, без сумніву, причинився до скріплення національної свідомості серед української інтелігенції» [3, с. 290].

На час видання вищезазваної «Історії української культури» один з її співавторів, Микола Голубець, уже був відомий як автор-упорядник двотомної «Великої історії України», що вийшла у світ першим виданням 1935 р. у Львові і набула відомості серед читацьких кіл головним чином за ім'ям і прізвищем її видавця — Івана Тиктора. Для нас ця ґрунтовна науково-популярна праця являє собою особливий інтрес (і пробачимо автору допущені ним персоналіїну та хронологічну помилки!), бо у ній, як у ніякій іншій до неї, знаходимо найяскравішу за викладом і найрозважнішу за змістом характеристику Харківського університету саме у контексті початкового етапу українського національного відродження XIX – початку XX ст.: «Коштом слобідського дворянства й купецтва, а заходами вельможі Миколи Каразіна, що був повірником царя Миколи I, закладено в Харкові університет (1808). Перший і одинокий тоді на Подніпрів'ю, найвищий науковий інститут, зразу зробився центром літературно-наукового руху всеї України. Зроджений на ґрунті, що його зрушив й запліднив своїми філософічними ідеями Сковорода, харківський університет не тільки що згуртував довкола своїх катедр цвіт української інтелігенції й жадібної знання молоді, але дав життя та створив умови розвитку для цілої низки культурних ділянок, як журналістика, театр і мистецтво. Правда, і мова навчання на університеті й мова харківських журналів та газет була російська, але й тут і там панував український дух, далекий ще від повної національної свідомості, та близький до неї місцевими традиціями дворянства та любов'ю й уважністю для простолюду» [4, с. 230].

Процитоване узагальнення тут же підкріплене конкретно-фактичним матеріалом про харківську пресу 10–40-х років XIX ст., стислішими чи розгорнутішими авторськими визначеннями творчих особистостей П. Гулака-Артемівського, Г. Квітки-Осн'яненка, М. Костомарова. Авторська характеристика останнього («Учнем харківського університету був пізніший письменник, історик та громадський діяч Микола Костомарів, що зв'язав собою перші спроби харківської громади з київською 40-х років, а ідеали старого масонства й політичних конспірацій Лівобережжя розбудував і оформив у програмі Кирило-Мефодіївського Братства» [4, с. 231]) привертає найбільшу увагу з точки зору аналізу історичного процесу українського національного відродження XIX – початку XX ст. Адже в українській історіографії це фактично перше порушення питання про тяглість зазначеного процесу від його харківського (культурницького) етапу, в центрі якого перебував Харківський університет, до київського (політизованого), що розпочався з середини 40-х років XIX ст. діяль-

* Закінчення. *Початок див.:* Проблеми історії та методології... — Вип. 3.

ністю пов'язаної вже насамперед з Київським університетом першої української нелегальної політичної організації національно-визвольного і антикріпосницького спрямування.

На жаль, і донині ця естафета від Харкова до Києва у розвитку українського національно-визвольного руху глибоко не простежена в історичних дослідженнях, а вона ж бо не замикалася лише на діяльності М. Костомарова, що підтверджує навіть і побіжний аналіз матеріалів виданого 1990 р. у Києві фундаментального тритомного документального збірника «Кирило-Мефодіївське товариство». Харків, Харківський університет, його професори І. Срезневський, А. Метлинський, П. Гулак-Артемівський, книги хоч би й того самого М. Костомарова, («Українські балади», «Вітка»), надруковані університетською друкарнею, заходи, з одного боку, харків'ян щодо видання 1844 р. збірника «Записки о Южной России и о славянах», з другого, киян-кирило-мефодіївців щодо видання 1846 р. спільно з харків'янами українських праць — всі ці відомості фігурують у документах слідства у справі Кирило-Мефодіївського товариства [5, с. 70, 77, 100, 284, 288, 354; 6, с. 40, 63, 309, 337; 7, с. 20, 352]. Найчастіше там з тодішніх харків'ян, причетних до українського національно-культурного відродження, згадується на той час уже померлий Г. Квітка-Основ'яненко [6, с. 50–51, 63, 310, 429], творчість якого жандармські «експерти» у галузі української літератури кваліфікували такою вкрай упередженою і примітивізовано-пасквільною характеристикою: «Этот писатель, повести которого весьма уважались русскими, отзывался о русских чрезвычайно бурно и почти везде называет их кацапами, дурнями» [6, с. 310]. Пильну увагу звернули слідчі на листування з Г. Квіткою-Основ'яненком Т. Шевченка, з виразною антипатією проанотували російською мовою зміст Шевченкового вірша «До Основ'яненка» (1839) [6, с. 63, 314–315, 639 (прим. 149)].

Отже, слідчі матеріали у справі Кирило-Мефодіївського товариства явно спрямовують сучасних дослідників на пошуки слідів його витоків у культурно-просвітній діяльності харків'ян — зачинателів українського національного відродження, в центрі якого тоді, безперечно, перебував Харківський університет. Зокрема, напевно значний конкретний фактаж крився за упевненим висловленням кирило-мефодіївця Івана Посяди з приводу наміру його однодумців у Києві створити товариство для підготовки й видання українською мовою навчальних посібників, словників, Святого Письма, популярних книг з вітчизняної і всесвітньої історії: «Без сомнения, мы на Полтаву больше еще надеемся, чем на Киев; Харьков со своей стороны не откажется быть братом, он еще выше пойдет в деле этом» [7, с. 20]. Знаменно, що це було сказано в одному з листів 1846 р. до Левка Боровиковського (1806–1889) — тодішнього вчителя Полтавської гімназії, колишнього випускника (1830 р.) Харківського університету, учасника народознавчого гуртка І. Срезневського та його

«Українського альманаха» (1831), пізніше уславленого байкаря, що став класиком української літератури.

Немає нині й даних, щоб спростувати або підтримати зовні парадоксальний, але, можливо, й не безпідставний висновок Михайла Голубця — автора уже вище аналізованої нами «Великої історії України»: «Безпосередні зв'язки харківських діячів (передусім йдеться про професуру Харківського університету» — В. С.) з Варшавою й Прагою зробили Харків першим осередком українського слов'янофілства, що з усіма хибами й прикметами своїх концепцій так дуже заважило на дальшому розвитку українського культурно-політичного відродження» [4, с. 2–3].

З цим «українським слов'янофілством» слід уважно і всебічно розібратися дослідникам, у тому числі й тим, що вивчають історію Харківського університету, знаючи, що воно було дуже виразним як у діячів першого (харківського) етапу українського національного відродження, так і не було чужим діячам другого (київського).

Про вияви симпатій перших «українофілів» харківського періоду українського національного відродження до слов'янської ідеї — ідеї згуртування слов'янських народів на основі їхньої культурно-етнічної спорідненості, про їх особисті і листовні зв'язки із західно- і південнослов'янськими «будителями» національної самосвідомості відомо ще з історичних праць Д. І. Багалія про Харківський університет [8]. Проблема розроблялася багатьма іншими дослідниками, в результаті накопичилася величезна своїм обсягом література [9]. Відповідні факти містять й окремі вище проаналізовані нами праці. Мабуть, варто, зокрема, нагадати з цього приводу таку багатозначну узагальнюючу ремарку у Франковому «Нарисі історії українсько-руської літератури до 1890 р.»: «Интересний факт, що при Харківським університеті обік росіян і українців служили професори поляки, був причиною зав'язаних живіших зносин між Харковом і Варшавою, так що деякі вірші Гулака, приміром, перерібка Міцкевичевої балади «Пані Твардовська», були друковані майже рівночасно в Харкові і в Варшаві в тодішній «Bibliotece Warszawskiej» [10, с. 261].

А от найновіша «Історія України», видана 1996 р. у Львові (автор розділу «Національне відродження (кінець XVIII–початок XX ст.)» Я. Грицак), прямо поєднує «українське національне відродження» з «слов'янським пробудженням». Тут відзначено, що відкритий «у 1805 р. у Харкові, столиці Слобідської України, за ініціативою місцевого діяча Василя Каразина» університет «став першим значним осередком українського наукового і культурного життя», а як його головний чинник у розвитку нової української літератури названо університетський гурток, «душею» якого був І. Срезневський і якому водночас «належить безперечна заслуга у впровадженні ідеї словенської єдності серед українських інтелектуалів». Дуже високою є загальна авторська оцінка цього започаткованого «харківськими романтиками» літературно-наукового

руху: хоч він й «не мав організованої форми, однак збирання культурної спадщини створило винятково сприятливе середовище для викристалізування національної ідентичності українців» [11].

Минулого року у Львові вийшла ще одна узагальнююча праця з історії України. Її автор — Василь Верига, авторитетний професійний історик з української діаспори, прямо пов'язує між собою «Українське Національне відродження» і «Відкриття університету в Харкові». Саме так іменуються два підрозділи його книги, що ґрунтуються на таких головних авторських положеннях: 1) «Дев'ятнадцяте століття в історії українського народу — це доба, в якій національне відродження почало набирати окреслені форми»; 2) «Новозаснований університет у Харкові, столиці Слобідської України, допоміг згуртувати українських учених, професорів і студентів, завдяки цьому Харків став центром українського руху, а в парі з тим й українського національного відродження» [12, с. 50, 57]. В цих своїх висновках автор спирається (є прямі посилання) на розвідки українських учених: як тих, що жили у радянській Україні (П. Овчаренко), так і тих, яких доля закинула за кордон (Ю. Лавріненко). А от завершальний авторський висновок про те, нібито лише одне українське дворянство, як матеріальними засобами, так і освітою, дало «підвалини під українське національне відродження», видається нам надто категоричним та ще й суперечним до процитованого у цій же книзі твердження з «Нарису історії України на соціально-економічному ґрунті» (Харків, 1928) Д. І. Багалія про те, що почин Каразіна щодо відкриття Харківського університету підтримали «майже всі стани — дворянство, купецтво і громадянство, військові обивателі... цехові і міщани» [12, с. 59, 57; 13, с. 90].

На нову, відповідну до сучасного рівня світової історичної науки, площину поставлено проблему визначення суб'єктивних суспільних чинників українського національного відродження у контексті історії Харківського університету в книзі українсько-канадського професійного історика Ореста Субтельного «Україна: історія», англomовний оригінал якої, надрукований у Торонто, 1988 р. було перекладено українською і, починаючи з 1991 р., у Києві вже видано масовими тиражами тричі (в світ вийшов тут же і російськомовний переклад). Українське національне відродження автор розглядає у контексті всієї історії Європи XIX ст., де в той час у суспільній думці багатьох країн посилювалася увага до проблеми національної ідентичності, а продукувала нові ідеї щодо цього нова категорія людей, що одержала назву «інтелігенція». Сформована вихідцями з різних верств населення, вона тоді скрізь присвячувала себе «покращанню культурного, соціального і політичного становища мас», а в Україні, незважаючи на свою малочисельність, «мала забезпечувати українців культурним, а згодом і політичним проводом усієї новітньої доби» [14, с. 281, 282]. Як один «з перших осередків інтелігенції, що народжувалася в країні» О. Субтельний називає Харків із заснованим у ньому 1805 р. університе-

том і з ним же пов'язує її провідну роль, яку перейняла у розвитку української культури у 20–30-х роках XIX ст. Слобідська Україна — ця «найсхідніша з усіх українських земель» [14, с. 282, 291].

Із загальнолюдських космополітичних (розуміємо цей термін не у вузькополітичному радянському його тлумаченні!) позицій, лише як до феномену культурного розвитку підійшов до історичної оцінки Харківського університету видатний філософ Дмитро Іванович Чижевський (1894–1977), «німецький українець», жартома прозваний саме так, бо більшу частину свого життя прожив за межами України і більшість своїх праць писав і друкував німецькою мовою. В даному разі йдеться про його невелику статтю «Значення Харківського університету в українському духовному житті», яку вперше опубліковано 1955 р. у пресі української діаспори і яка нинішнього року побачила світ в Україні на сторінках журналу «Кур'єр Кривбасу».

Стаття Д. Чижевського передусім привертає увагу тим, з чого вона починається, а саме загальною постановкою питання про культурну роль провідних вищих навчальних закладів у розвитку культури будь-якого народу: «Не можна недооцінювати значіння високих шкіл у духовному житті кожного народу. Правда, до такої школи в старі часи належало лише вузьке коло людей — професорів та слухачів. Але якщо вплив такої школи на ширші шари здається мінімальним, можна все ж говорити про впливи на «народ» в цілому. Висока школа утворює певну традицію наукової праці, виховує певні кола до наукового життя, утримує традиції духовного життя в несприятливі доби життя народу» [15, с. 98–99]. А далі автор наголошує на величезному значенні заснування першого в Україні університету — Харківського; ділить його історію XIX–початку XX ст. на три доби і у першій з них перші 10 років визначає як блискучі, бо «університет зумів стати в центрі, може, й не дуже видатної, але досить широкої культурної праці»; на перше місце у тодішній «історії української думки» ставить творчу діяльність запрошеного з Німеччини професора філософії Харківського університету Й. Б. Шада та його учнів, які пізніше також стали професорами; розповідає про перше покоління університетських «українських романтиків» і відзначає, що харківські видання 30–40-х років XIX ст. читалися й пізніше, «коли українське слово мусіло замовкнути» [15, с. 100–101].

Відзначений Д. Чижевським факт видання 15 філософських праць учнями і дослідниками професора Шада у Харківському університеті [15, с. 100] знаходимо й на сторінках капітальної праці «Тисяча років української культури» Мирослава Семчишина, вперше виданої англійською мовою 1985 р. за кордоном Науковим товариством ім. Шевченка, а 1993 р. перевиданої українською мовою у Києві. Автор навіть посилює історичне значення того факту, слушно зауваживши, що це «було рекордовим числом для тодішньої імперії, в якій провінційний Харків зайняв передове місце», що «поява в Харкові кафедри філософії зробила зай-

вим посередництво в цій ділянці Петербурга чи Москви», що «професор Шад, будучи незалежним дослідником філософії Канта і Фіхте, підкреслював у своїх викладах (зокрема, у своїй праці «Теорія надії») високий респект до свободи і гідності людини і в тому відношенні був дуже співзвучний з ідеями українського відродження та філософськими традиціями України (Сковорода, Козельський і ін.)», що «брутальний поліційний погром філософії у Харківському університеті» започаткував очолений першим дорадником царя Олександра I — О. Аракчеєвим протиукраїнський курс, змістом якого стала «продумана система ударів по українському відродженню і його ідеалах» [16, с. 220–221].

Процитовані вище положення з дуже ґрунтовної праці М. Семчишина наочно показують читачам, як уміло автор пов'язав конкретно-фактичний матеріал, почерпнутий ним з спеціальних розвідок Д. Багалія, Д. Чижевського, Ю. Лавріненка, з концепцією українського національного відродження XIX–початку XX ст. у контексті початкових сторінок історії Харківського університету. В даному разі йшлося про педагогічну і науково-творчу діяльність у Харківському університеті першого з часу його заснування професора філософії, запрошеного з-за кордону. Але автор не обмежується розповіддю про становлення справи викладання і вивчення філософії у Харківському університеті, а послідовно впроваджує вище згадану концепцію на висвітлення університетської діяльності у галузі літератури, журналістики, театру тощо, підкреслюючи, що з самого заснування цього вищого навчального закладу довкруги нього «скупчились кращі представники української науки і культурні діячі Слобожанщини», що він став «чинником, якому у великій мірі треба завдячувати, що започаткований наприкінці XVIII ст. процес національного відродження України почав у перших декадах XIX ст. кристалізуватись і прибирати конкретні форми, зокрема, в науці й літературі» [16, с. 209, 218].

Відкриваючи перспективу майбутнім дослідникам, М. Семчишин звертає їх увагу на те, що історія Харківського університету творить окремих (ще далекий від повного й глибокого вивчення — додамо ми) розділ як щодо процесу «українського культурного ренесансу», так і щодо «розвитку шкільництва й освіти на східноукраїнських землях першої половини XIX ст.» [16, с. 272].

Переконливо автор доводить, що й перше, й друге явище так чи інакше зазнавали політичного впливу, бо, по-перше, навіть «науково-педагогічна роль університету мала теж поважне політичне значіння: своєю діяльністю університет закріпив за Україною не тільки Слобожанщину і Донбас, але теж східні і південно-східні історичні і етнографічні території України»; бо, по-друге, «процес українського національного відродження чи, радше, пробудження» розпочався «з руху русифікованого дворянства за свої права, отже, мав він політично-соціально-підклад; а далі пішло себе виявлення і в народності, що його рефлексом стали

праці історичного і географічного змісту та етнографічні дослідження; пішла боротьба за огнище української науки, за Харківський університет, який став кузницею нових національних вартостей і виховав нову генерацію українських культурних діячів»; бо, по-третє, у порушених українським романтизмом дошевченківської доби проблемах національної мови, національної культури визріли елементи «української державно-політичної ідеології» [16, с. 220, 222, 223, 229]. Нарешті, й самі догми триєдиного формулювання «православ'є, самодержав'є і народность», покладеного в основу імперської освітньої політики за царя Миколи I, М. Семчишин розглядає як такі, що «своїми мацками були спрямовані передовсім на Україну і твердию її відродження — харківський центр з університетом, професурою і пресовими виданнями» [16, с. 236].

Звичайно, всі свої узагальнюючі висновки автор підкріплює конкретно-фактичним матеріалом, що робить їх особливо переконливими. А його цитовані й нецитовані нами міркування і спостереження — добрий орієнтир для дальшого розгорнутого й поглибленого дослідження теми «Харківський університет у контексті українського національного відродження XIX–початку XX ст.». Не можна обминути в цьому зв'язку і нещодавно (1994 р.) виданої у Києві двотомної збірки історичних есе найбільшого в українській діаспорі знавця історії України XIX–початку XX ст. Івана Лисяка-Рудницького (1919–1984), якого близький його приятель академік НАН України Омелян Прицак образно поіменував амбасадором української інтелектуальної творчості, світовим «комунікатором» українських інтелектуальних вартостей [17, с. XIII]. З багатьох проблем історії України обидва названі історики — однодумці.

Зокрема, І. Лисяк-Рудницький, спеціально висловлюючись про початки українського національного відродження, прямо посилався на думку О. Прицака про те, що Харків саме тому започаткував це історичне явище, бо, мовляв, Слобожанщина була вільна від баласту автономістичної традиції, що тяжіла над «Малоросією» [18, с. 207]*, тобто Гетьманщиною, Лівобережною Україною. І хоча І. Лисяк-Рудницький оцінив цю думку не більше як «сміливу гіпотезу», у своїх власних міркуваннях він, по суті, відштовхується від неї, розвиває її, підкріплює просторою цитатою з бібліографіч-

* Цю ж свою думку (але вже без полемічного заострення) О. Прицак повторив через 15 років на одному із засідань «першого круглого стола українських істориків з двох світів»: «1805 р. було утворено Харківський університет західного типу, починається секулярна думка. Слово «Україна» з'являється вперше на Слобідській Україні, як і всякі «Украинские вестники» і т. д. Звідтам починається вживання слова «Україна» для всього того, що породив романтизм, зокрема записування різних пісень і т. д. Інша надзвичайно важлива справа, якщо йдеться про нашу політичну думку: цю думку створили люди, які розуміли, що таке держава, які розуміли, що таке є влада. Це була якраз малоросійська старшина, люди з Малоросії» (Проблеми дослідженні історії України. 36. матеріалів першого круглого стола істориків. — Славське, вересень 1990. — Львів, 1993. — С. 152).

ного раритету — розвідки «Вільний нарід» Бориса Ольхівського, виданої 1937 р. у Варшаві. Адже на відміну від цитованих нами розумувань М. Семчишина, які підкреслюють в історії навіть культурницького (харківського) етапу українського національного відродження політичний аспект багатьох тодішніх подій і явищ як «унизу», так і «нагорі» суспільного й державного життя, І. Лисяк-Рудницький несхитно обстоював традиційну історичну концепцію, в основі якої категоричні твердження: харківські романтики «були вільні від будь-яких політичних тенденцій, вони були чистими культурниками». Харківський університет не був винятком й серед інших тодішніх університетів Російської імперії, розташованих у її неросійських національних регіонах, бо всі вони так чи інакше посередньо сприяли «розвиткові місцевих народних мов і культур» [18, с. 208, 211]*.

Гадаємо, що далі спеціальні дослідження (в тому числі й монографічні, а вони ж бо ой як потрібні сьогодні в умовах становлення незалежної Української державності!) розкроють істину в питанні про роль як Харківського університету на першому етапі українського національного відродження, так і його конкретних діячів. А поки що на завершення звернімо увагу на те, що той же І. Лисяк-Рудницький, який досить різко розкритикував видану 1975 р. у Мюнхені розвідку Юрія Лавріненка (1905–1987) «Василь Каразин — архітект відродження» за нібито ідеалізацію і модернізацію «згідно з ідеологічними смаками нашої доби» світогляду й діянь цієї «дещо призабутої постаті нашої історії» [18, с. 203, 205, 211, 213], і водночас, немов би піддавшись чарам привабливості утвердженого в історіографії образу цієї постаті, сам до безмежжя гіперболізував її, коли проголосив: «Можна погодитися, що роля Каразина, як основоположника Харківського університету, була ключова у початковій, зародковій стадії становлення новітньої української нації» [18, с. 208]. Ясно, що у «даному контексті «особа» й «нація» — це непомірні величини!

Однак основоположним у концептуальних поглядах І. Лисяка-Рудницького щодо теми нашої статті вважаємо таке його розважне, без будь-яких перехльостів і упереджень, твердження: «Харківський університет, урочисто відкритий у 1805 році, був першим новітнім ви-

* Згадуючи Харків у своєму іншому есе і відзначаючи, що цьому місту «судилося стати 1805 року місцем осідку першого модерного університету на українських землях», І. Лисяк-Рудницький й тут розмежовує за політичним критерієм: з одного боку, аполітичних, за його переконанням, «харківських романтиків» і, з другого, прихильників політичного автономізму з Лівобережної України. Ось як буквально він висловлюється з цього приводу: «У 1820-х і 30-х роках група письменників й учених, пов'язаних з Харківським університетом, поклали основи під українське письменство народною мовою та під наукове вивчення української етнографії та фольклору. Їхні спонуки були аполітичні, але захоплення «народом», надхненне Харківською школою романтиків, стало тривалою складовою частиною новітньої української національної свідомості і його важливість була не менша, ніж традиція політичного автономізму, яка виводилася з Лівобережжя» [18, с. 154].

щим навчальним і науковим закладом на землях підросійської України. Наявність університету зробила з Харкова — на той час малого провінційного міста — важливий культурний центр, з якого власне й почалося українське національне відродження». Тепер загалом відомо, що Харків і Харківський університет не пасли задніх на всіх трьох етапах українського національного відродження XIX–початку XX ст. Якомога повніше наповнити конкретно-фактичним змістом це загальне положення — патріотичний обов'язок сучасних істориків. Отже, вважаємо, що цілком на разі створення у хронологічних рамках 1805–1919 років колективної монографії «Харківський університет у контексті історії українського національного відродження XIX–початку XX ст.». Причому не слід розтягувати роботу над підготовкою цієї праці аж до двохсотрічного ювілею Харківського університету. Гадаємо, що висококваліфікований професорсько-викладацький колектив історичного факультету Харківського університету здатний завершенням такої фундаментальної праці зустріти вже зовсім недалекий календарний рубіж, що відкриває людству шлях у нове століття і нове тисячоліття.

Література

1. Дорошенко Д. Нарис історії України. — К., 1991. — Т. 2.
2. Крип'якевич І. Історія України. — Львів, 1992.
3. Історія української культури. За загальною редакцією І. Крип'якевича. — К., 1994.
4. Голубець М. Велика історія України від найдавніших часів. — К., 1993. — Т. 2.
5. Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. — К., 1990. — Т. 1.
6. Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. — К., 1990. — Т. 2.
7. Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. — К., 1990. — Т. 3.
8. Див.: Дмитро Іванович Багалій — професор Харківського університету. Біобібліографічний покажчик. — Харків, 1992.
9. Див.: Історія славяноведення в Харьковском университете. Ч+. 1. 1805–1917. Библиографический указатель. — Харьков, 1988.
10. Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. // Франко І. Зібрання творів: У 50 т. — К., 1984. — Т. 41.
11. Історія України. — Львів, 1996. — С. 176. Прикро, бо висвітлюючи передумови заснування університету в Харкові і називаючи у цьому зв'язку Києво-Могилянську академію (вона тут фігурує просто як Київська), Чернігівську і Переяславську колегію (с. 173), автор зовсім не згадав найближчого попередника Харківського університету — Харківський колегіум, який функціонував з 1727 р. і в якому викладав Григорій Сковорода [див.: Посохова Л. Ю. Харківський колегіум (XVIII–перша половина XIX ст.) — Харків, 1999]. І вже

зовсім нерозуміло, як опинився тут (с. 176) у списку «харківських романтиків» 1820–1830-х років Орест Левицький (1848–1922) — широко відомий учений-історик, один із фундаторів Української Академії наук (1918) та її Президент (1922).

На жаль, подібного роду неувважності трапляються й у деяких інших нещодавно виданих в Україні синтетичних працях з вітчизняної історії. Ось, приміром, репринтне відтворення 1992 р. мюнхенського видання 1972–1976 років двотомної «Історії України» Н. Полонської-Василенко. В цій праці знаходимо у двох різних місцях майже тотожний за змістом невеликого обсягу абзац про заснування 1805 р. Харківського університету. Про українське національне відродження авторка не обмовлюється ні словом. Але її виразне прагнення наголосити на українськості нововідкритого вищого навчального закладу через стисліть викладу призводить до хронологічної плутанини: «Засновно його заходами шляхетства та купецтва, на чолі поміщиків стояв Н. Каразін. Навколо університету, ректором якого був П. Ґулак-Артемівський, скупчилися українські вчені та письменники» [Полонська-Василенко Н. Історія України. — К., 1992. — Т. 2. Від середини XVII ст. до 1923 р. — С. 276]. Отже, необізнаний у деталях історії Харківського університету читач сприйме у такому викладі згадку про П. Ґулака-Артемівського як про першого ректора Харківського університету, хоча насправді він був на цій посаді одинадцятим (1841–1849). Серед професорів Харківського університету разом з І. Срезневським та А. Метлинським авторка називає й М. Костомарова, хоча насправді він тут лише навчався і захистив 1844 р. магістерську дисертацію, а професорську посаду вперше отримав 1859 р. у Петербурзькому університеті.

12. *Верига В.* Нариси з історії України (кінець XVIII–початок XX ст). — Львів, 1996.
13. *Багалій Д.* Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті. — Харків, 1928.
14. *Субтельний О.* Україна: історія. — К., 1993.
15. *Чижевський Д.* Значіння Харківського університету в українському духовному житті // Кур'єр Кривбасу. — 1997. — № 73–74.
16. *Семчишин М.* Тисяча років української культури. Історичний огляд культурного процесу. — К., 1993.
17. *Приймак О.* Іван Лисяк-Рудницький як учений і «комунікатор» // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. — К., 1994. — Т. I. — С. XIII.
18. *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе. — Т. I. — В даному разі процитовано витяг з праці: Omeljan Pritsak. «Prolegomena to Ukrainian Intellectual History: The First Period 1805–1860» // Minutes of the Seminar Studies Held at Harvard University. — Cambridge, Mass. — 1975–1976. — № VI — pp. 46–52.

Розділ III

Проблеми історичної освіти

О. В. ГРИШАЕВ

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР в середине–второй половине 30-х годов XX века

Для правильного понимания наступивших во второй половине 30-х годов XX в. перемен в исторической науке необходимо проследить не только те изменения, которые происходили в организации самой науки и ее учреждениях, но и в системе исторического образования, тщательно проанализировать перестройку школьного и высшего исторического образования в стране. Причем, сразу отметим, что реформы в этой области шли снизу вверх. То есть перестройка школьного исторического образования вызвала необходимость реформирования в высшей школе. В свою очередь, необходимость создания новых учебных программ, учебников, учебных пособий ставила перед учеными-исследователями новые задачи, требовавшие реорганизации самой науки и изменения тематики исследований.

До 1932 г. в школьных учебных программах история как предмет отсутствовала. Изменение этого положения наметилось после появления Постановления ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 26 августа 1932 г. [1, с. 2]. В нем отмечалась «...недостаточность исторического подхода к программам по общественным предметам, выражающаяся в том, что в них крайне слабо дается представление об историческом прошлом народов и стран, о развитии человеческого общества и т. д. Существенным недостатком является и то, что не разработаны еще программы по истории» [2; 3]. Фактически в Постановлении ставилась задача создания программ по истории, что значило введение ее преподавания в школе. Так, в постановляющей части прямо говорилось: «Признать необходимым в учебных программах по <...> истории ввести важнейшие знания, касающиеся национальных культур народов СССР, <...> исторического развития, а также элементы краеведения СССР...» [2, л. 11]. Однако, несмотря на положительную роль этого Постановления в восстановлении школьного исторического образования, следует отметить и его недостатки. Так, в нем не шла речь о введении в школьные программы полного курса гражданской истории.

Зимой 1934 г. Наркомпрос РСФСР организовал совещание учителей средней школы по вопросам преподавания истории и провел конференцию в московской школе им. Радищева с заслушиванием докладов о состоянии преподавания обществоведения и истории в школе [3, л. 86].

Стенограмма совещания учителей в НКП РСФСР 27 января 1934 г. показывает состояние школьного исторического образования на тот момент. Так, учительница 1-й Василеостровской школы (г. Ленинград) Новопашенная отмечала, что «необходимы хорошие учебники, наглядные пособия хорошего качества, доступные школе по цене» [4, л. 26–27], без чего «трудно добиваться прочных знаний» [5, л. 114–114 об.]. В своем выступлении она анализировала неудачные результаты контрольной работы по истории, что было типичным явлением [6, с. 10–13]. Присутствовавший на совещании учитель 17-й школы Краснопресненского района г. Москвы Сипкин (учитель с дореволюционным историческим образованием) вообще отмечал, что до него историю в школе вел студент технического вуза [7, с. 30]. Низкий уровень школьного исторического образования отмечали все выступавшие без исключения, среди них были такие учителя, как Мулин (5-я образцовая шк. Воронежа), Нефедьева (20-я образцовая шк. Ленинграда), Дубосарская (1-я образцовая шк. Савельевского р-на Москвы) и др. [8, с. 240]. На конференции в школе им. Радищева 14 февраля 1934 г. отмечалось не только низкий уровень преподавания истории, отсутствие учебников, стабильных программ, но и «безграмотность педагогов» [9, с. 26–27].

Начало новому этапу в развитии исторического образования положило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. В нем уже четко говорится о введении истории как предмета в школьные программы, о необходимости создания учебников и об открытии исторических факультетов в МГУ и ЛГУ, где бы готовились высококвалифицированные преподавательские кадры. Следует обратить внимание на то, что школьное историческое образование в этом постановлении было первично по отношению к вузовскому.

Введение истории как дисциплины в школьные программы было невозможно без наличия подготовленных педагогических кадров. Для решения этой проблемы Наркомпрос РСФСР предполагал в течение 1934–1935 гг. для всех школьных учителей истории организовать ускоренные курсы повышения квалификации. Эти курсы должны были действовать при исторических факультетах университетов [10, с. 104–105]. Так, на курсах при МГУ для учителей читались лекции по истории древнего мира, средних веков, истории зависимых и колониальных стран, новой истории и истории СССР [11, с. 6–10]. То есть переподготовка школьных педагогов осуществлялась в полном объеме.

Уже в 1934/35 учебном году история как предмет вводится в неполных средних и средних школах. Причем, по количеству часов, отведенных на изучение, история уступала лишь математике, родному и русскому языкам [12, с. 170]. Предполагалось в неполных средних школах (городских) — 2 часа истории в неделю в 5–7 классах; неполных средних школах

(сельских) – 2 (3) часа в неделю в 5–6 классах и 3(2) – в 7 классах; в средних школах (городских) – 2 часа в 5–7 классах; 4 часа – в 8–9 классах, 2 часа истории ВКП(б) – 10 класс; в средних школах (сельских) – 2 (3) часа в 5–6 классах, 3 (2) часа – 7 класс; 4 (5) часов – 8–9 класс, 2 часа истории ВКП(б) – 10 класс [13]. При этом курс истории ВКП(б) практически заменил собой историю с 1917 г., но был несколько шире, так как давал историю партии с момента ее создания. Исторический материал распределялся по годам обучения в школах следующим образом: «5 кл. – история Древнего Востока и Греции; 6 кл. – история средних веков и Древнего Рима; 7 кл. – история средних веков; 8–10 кл. – история СССР, новая история» [14, с. 2–9].

Таким образом, с 1934/35 учебного года в школах СССР было восстановлено преподавание истории. Для нормальной организации школьного исторического образования требовались квалифицированные кадры и стабильные учебники по истории.

К началу 30-х годов в системе высшего исторического образования сложилось следующее положение: во-первых, отсутствовали специальные учебные центры по подготовке профессиональных историков, учителей для школы. До революции подготовка кадров историков проводилась, главным образом, на историко-филологических факультетах университетов страны: в Московском, Петербургском, Казанском, Харьковском, Киевском, Одесском и других, где работали квалифицированные научные и педагогические кадры. В результате реорганизаций, проведенных в 20-е годы, эти факультеты были заменены этнологическими и др. Так, к началу 1930 г. в МГУ действовал этнологический факультет, а в ЛГУ – факультет языкознания и материальной культуры [15, с. 241]. В этом же году, в связи с реорганизацией университетов, в МГУ на базе этнологического факультета был создан историко-философский факультет, а в ЛГУ – Историко-лингвистический институт, которые в 1931 г. выделились в самостоятельные институты философии, литературы и истории (МИФЛИ и ЛИФЛИ – Институт философии, истории, литературы и лингвистики) [16, с. 83–84]. В результате этой реорганизации из состава университетов были выведены гуманитарные факультеты.

Этот шаг лишил университеты их главного качества – универсальности и превращал в обычное высшее техническое учебное заведение. Еще более плачевное состояние было в периферийных университетах, где исторические и гуманитарные факультеты вообще фактически исчезли, а на их базе были созданы пединституты. Таким образом, с 1931 по 1934 гг. университеты, в том числе Московский и Ленинградский, не имели в своем составе исторических факультетов. Это отрицательно сказывалось на работе университетов и на подготовке специалистов-историков.

Во-вторых, в начале 30-х годов происходит заметное снижение теоретического уровня выпускников вузов. Причинами этого послужили как поверхностный характер обучения истории, когда существовал выборочный подход к изучению отдельных наиболее актуальных проблем, а не всей совокупности исторического процесса в его хронологической последовательности, так и сокращение сроков обучения. Все возрастающий спрос на специалистов требовал ускоренной подготовки кадров. Поэтому многие вузы страны, в том числе и пединституты, где готовили преподавателей по общественным наукам для школ, стали переходить на укороченный срок обучения – вначале три года, а в 1932/33 учебном году – даже два с половиной. Эта ускоренная подготовка кадров, оправдывавшая себя лишь с количественной стороны, проходила за счет снижения профессионального и общетеоретического уровня молодых специалистов. Были отменены экзамены, зачеты, защиты дипломных работ [17, л. 6].

В-третьих, объем лекционной работы в конце 20–начале 30-х годов был сведен до минимума и стал внедряться порочный в своей основе бригадно-лабораторный метод обучения [18]. Разбивка студенческих групп на бригады, занимавшиеся без должного контроля преподавателей и коллективно сдававшие зачеты, привела к замене индивидуальных форм работы коллективными, что также сказалось на уровне знаний будущих специалистов. Бригадно-лабораторный метод не предполагал ни лекций, ни консультаций. Постановлением НКП РСФСР от 11 марта 1932 г. он повсеместно внедрялся в вузах [19, л. 49]. В связи с распространением этого метода стали раздаваться голоса, отрицавшие ведущую роль лекций в учебном процессе. Академик М. Н. Покровский (фактически возглавлявший историческую науку), например, заявлял, что «лекционная система в общем и целом великолепно отвечает требованиям буржуазной демократии» и служит показателем того, насколько университетское преподавание приспособляется к потребностям капитализма [20, с. 24].

В-четвертых, в связи с уходом значительной части специалистов в научно-исследовательские учреждения произошло заметное ухудшение профессорско-преподавательского состава.

В-пятых, отсутствовали, о чем уже говорилось выше, учебники, хрестоматии и учебные пособия по истории как для средней, так и для высшей школы.

Все это не могло не сказаться отрицательно на подготовке специалистов-историков и, в первую очередь, на постановке вузовского образования. Именно поэтому 19 сентября 1932 г. появилось Постановление ЦИК СССР, подготовленное и разработанное Наркоматом просвещения РСФСР, «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» [21, с. 301], которое дало толчок к серьезным изменениям в подготовке специалистов, развитию научно-исследовательской работы в ву-

зах. Оно логически продолжило постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 26 августа 1932 г.

В деятельности исторических факультетов, входивших в состав МИФЛИ и ЛИФЛИ, эти изменения выразились в увеличении срока обучения (сначала до четырех, а затем до пяти лет). Факультеты готовили младших научных сотрудников и преподавателей вузов. С ликвидацией бригадно-лабораторного метода в основу учебного процесса был положен твердый учебный план. Для поступающих в вузы вводились вступительные экзамены, утвердилась зачетная система и защита дипломных работ [22, с. 45]. Основной формой учебных занятий стали лекции и семинары. Ведущие курсы читали квалифицированные специалисты-историки: в Ленинграде — И. Ю. Крачковский, В. В. Струве, В. И. Равдоникас, Е. В. Тарле и др.; в Москве — Ю. В. Гюгье, С. В. Бахрушин, Н. П. Грацианский, А. С. Ерусалимский, Е. А. Косминский, И. И. Минц, С. А. Пионтковский и др. Научно-исследовательская работа, в которую широко вовлекалась молодежь, стала неотъемлемой составной частью деятельности факультетов. Учебный план исторических факультетов, готовивших квалифицированные научные и педагогические кадры различной специализации, предусматривал в течение первых трех лет общую историческую и методологическую подготовку, необходимую для углубленных занятий в течение последних двух лет. В эту программу обучения историков входило изучение политической экономии, диалектического и исторического материализма, прослушивание общих курсов по истории Греции, Рима, средних веков, нового времени, колониальных и зависимых стран, народов СССР, истории ВКП(б) [23, с. 167–173].

Начало новому этапу в развитии исторического образования положило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. В нем уже четко говорится об открытии с первого сентября 1934 г. исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах [23, с. 80]. На восстановленные исторические факультеты для ведения учебной и научной работы были привлечены квалифицированные кадры историков. В числе преподавателей Московского госуниверситета были К. Б. Базилевич, С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, С. Д. Сказкин, В. С. Сергеев, Г. С. Фридлянд и др. В МГУ на историческом факультете было создано пять кафедр, которые отражали состояние развития исторической науки: истории древнего мира, средних веков, нового времени, истории народов СССР (в этом проявилась установка на изучение не только истории России, но и народов, населяющих ее) и кафедра истории колониальных и зависимых стран; в ЛГУ — истории СССР, Древней Греции и Рима, Древнего Востока, средних веков, новой истории, археологии. Названия кафедр соответствовали изменившемуся содержанию учебного процесса: все социологические кур-

сы были заменены курсами гражданской истории (история эпохи феодализма — историей средних веков, история промышленного капитализма — историей нового времени, история внеевропейских обществ — историей колониальных и зависимых стран и т. д.). Был установлен пятилетний срок обучения со специализацией с четвертого курса, введена обязательная сдача государственного экзамена и защита дипломных работ [24, с. 27–29].

Вслед за открытием исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах, в тот же год открываются истфаки в Баку, Махачкале, Нальчике, Одессе, Саранске, Уфе, а в 1935 г. — в Саратове [25, с. 15]. С восстановлением исторических факультетов университетов заметно выросли масштабы и повысилось качество научно-исследовательской работы, которая проводилась на кафедрах.

Приказом № 611 от 19 августа 1934 г. новая структура вводится и в пединститутах. В основу была положена факультетская система с делением на кафедры [26, с. 308]. В 1934 г. еще сохранялся двухлетний срок обучения в пединститутах, готовящих учителей для семилетних школ, но существовали эти институты как филиалы при педвузах с четырехлетним сроком обучения. Параллельное существование двухлетнего обучения для учителей семилетней школы было вызвано острой нехваткой педагогических кадров для преподавания истории в школах. Впоследствии и в пединститутах вводится пятилетний срок обучения.

Таким образом, в 30-е годы происходит восстановление факультетской и кафедральной структуры университетов и институтов. Принятое еще в 1933 г. Постановление Наркомпроса РСФСР отменило секторы, циклы и уклоны как «надуманные структурные единицы, заменившие собой в ходе малооправданных реорганизаций 20–начала 30-х гг. факультеты, кафедры, деканаты». По «Типовому уставу высших учебных заведений», утвержденному СНК СССР в 1938 г., кафедра была признана «основной учебной организацией вуза, непосредственно осуществляющей учебно-методическую и научно-исследовательскую работу по одной или нескольким тесно связанным между собой дисциплинам».

Таким образом, в 1938 г. было подтверждено дореволюционное положение кафедр в высших учебных заведениях. Большое значение для поднятия уровня научно-исследовательской и учебной работы имело созданное в 1935 году Наркомпросом РСФСР Всесоюзное совещание представителей исторических факультетов университетов и пединститутов, а также Коммунистической академии и Института красной профессуры. Совещание проходило с 7 по 13 мая 1935 г. С докладом выступили деканы исторических факультетов: Московского госуниверситета — Г. С. Фридлянд, Ленинградского — С. М. Дубровский и Белорусского — В. К. Щербаков. Созданные на совещании секции по истории ВКП(б) (руководитель — В. Г. Юдовский), диалектического и исторического материализма (М. Г. Смирнов), поли-

тической экономики и экономической политики (И. Д. Удальцов), истории СССР (С. М. Дубровский, А. М. Панкратова), истории зависимых и колониальных стран (Х. З. Габидуллин), новой истории (Н. М. Лукин, В. М. Далин), древней истории и доклассового общества (А. В. Мишулин), истории средних веков (Е. А. Косминский, А. Д. Удальцов), латинского языка (проф. Кубицкий) подготовили проекты программ по этим дисциплинам. Были разработаны также учебные планы для исторических факультетов университетов и педагогических институтов. На этом совещании были выработаны основные принципы подготовки специалистов-историков для средней и высшей школы, которые учитывали многолетний опыт университетского образования: лекционные курсы (от 37 до 50 % всего объема) и семинарские занятия (не более 15 тем при 80-часовом лекционном курсе) на 1–3 курсах, специализация с четвертого курса, работа в спецсеминарах, чтение спецкурсов. Эти принципы сохранились на всех последующих этапах развития исторического образования в отечественной высшей школе вплоть до наших дней, подвываясь лишь незначительным изменениям. После Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1934 г. о преподавании гражданской истории исторические факультеты в СССР в довоенный период были открыты в Казанском, Томском, Воронежском, Ростовском университетах, а также в девяти университетах союзных республик – Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении, Узбекистана и Казахстана. Помимо университетов, истфаки создавались при пединститутах. До 1936 г. существовал исторический факультет ЛИФЛИ, присоединенный затем к истфаку ЛГУ. 28 ноября 1941 г. произошло объединение исторических факультетов МИФЛИ и МГУ на базе последнего. К университетскому типу учебных заведений относился Московский государственный историко-архивный институт, готовивший историков-архивистов. Институт был основан в 1930 г. на базе «архивного цикла» историко-археологического отделения историко-этнологического факультета Московского университета.

Большое значение для поднятия уровня научно-исследовательской работы в высшей школе имело утверждение в ноябре 1934 г. Наркомпросом РСФСР списка вузов, которым разрешалась подготовка аспирантов. По историческим дисциплинам аспирантура открывалась: на историческом факультете МГУ; в Московском институте философии, литературы и истории, на историческом факультете ЛГУ; Ленинградском институте истории ВКП(б); Государственной академии литературной культуры; Татарском, Уральском, Северокавказском институтах марксизма-ленинизма; Марийском, Бурято-Монгольском и Карельском научно-исследовательских институтах. В мае 1935 г. разрешается подготовка аспирантов в пединститутах: Московском им. Бубнова, Ленинградском им. Герцена, Воронежском. Это существенно сказалось на повышении уровня преподавания в вузах и квалификации преподавателей высших учебных заведений и ученых-историков.

Дальнейшее развитие исследовательской работы в вузах определило Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июля 1936 г. «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школы», в котором отмечалось, что «без ведения научно-исследовательской работы не может осуществляться вузами успешная подготовка научно-преподавательских кадров и повышение их квалификации». Помимо преподавательской и научно-исследовательской работы, коллективы кафедр проводили консультации для учителей школ, выступали перед широкой аудиторией с лекциями и докладами, принимали активное участие в создании учебников для средней и высшей школы. Работа по созданию учебников вела к расширению научно-исследовательской проблематики, к усилению роли конкретно-исторических исследований.

Таким образом, во второй половине 30-х годов XX в. произошло существенное качественное изменение исторического образования в СССР. Прежде всего оно нашло отражение в восстановлении преподавания гражданской истории в полном объеме в средней и неполной средней школе. В свою очередь, восстановление школьного исторического образования дало толчок к реформе высшей школы, которая проводилась на основе синтеза лучших традиций дореволюционного исторического образования и марксистского понимания истории.

Это процессы проявились, прежде всего, в создании специализированных учебных центров по подготовке профессиональных историков, учителей средней школы; в восстановлении исторических факультетов университетов с их кафедральной системой; в составлении учебных планов для исторических факультетов, которые предусматривали пятилетнее обучение с обязательными лекционными и семинарскими занятиями в их взаимосвязи и неразрывности.

Трудно переоценить значение введения специализации для студентов с четвертого курса и открытия в ряде учебных и научно-исследовательских учреждений аспирантуры для подготовки высококвалифицированных специалистов-историков.

Качественные изменения высшего исторического образования в СССР, происходившие во второй половине 30-х годов, создали возможность подготовки высококвалифицированных кадров, историков-исследователей, преподавателей высшей и средней школы, без чего невозможно было решение задач, стоявших перед исторической наукой середины 30-х годов. Большим толчком к исследовательской работе явилась необходимость подготовки учебных программ и учебников для средней и высшей школы, составление которых было невозможно без изучения истории широким фронтом.

Литература

1. Бюллетень Народного Комиссариата просвещения РСФСР. – 1932. – 5 мая (№ 49).

2. ГАРФ. – Ф.–А 2306. Оп. 70. Д. 1981. Л. 1–55.
3. ГАРФ. – Ф.–А 2306. Оп. 70. Д. 1982. Л. 31–87.
4. ГАРФ. – Ф.–А 2306. Оп. 69. Д. 2167а.
5. ГАРФ. – Ф.–А 2306. Оп. 69. Д. 2174.
6. Бюллетень Народного Комиссариата просвещения. – 1934. – 1 сентября (№ 25).
7. ГАРФ. – Ф.–А 2306. Оп. 70. Д. 2006.
8. Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1966. – Т. 4.
9. *Маньковская И. П.* Московский университет в борьбе за создание кадров советской интеллигенции в годы первой пятилетки // Из истории Московского университета. – М., 1955. – С. 248–249; Ленинградский университет за советские годы 1917–1947. – Л., 1948. – С. 26–27.
10. См.: На штурм науки. – Л., 1971.
11. Бюллетень Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. – 1932. – 20 марта (№ 17).
12. Цит. по: *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы. – Уфа, 1973.
13. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. – М., 1932. – № 62. – Ст. 671.
14. Бюллетень Народного Комиссариата Просвещения. – 1932. – 20 ноября (№ 64).
15. Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1966. – Т. 4.
16. Историк-марксист. – 1934. – Т. 3.
17. ГАРФ. – Ф.–А 2306. Оп. 69. Д. 66(1).
18. См.: Вопросы истории. – 1959. – № 12. – С. 185–187; Там же. – 1960. – № 1. – С. 205–207; Кабардино-Балкарскому университету десять лет. – Нальчик, 1967. – С. 36; Одесскому университету 75 лет. – Одесса, 1940. – С. 164.
19. ГАРФ. – Ф.–А 2306. Оп. 69. Д. 2171.
20. Бюллетень Народного комиссариата просвещения. – 1934. – 10 октября (№ 29).
21. См.: *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы. – Уфа, 1973.
22. Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции. – М., 1948. – С. 45.
23. Историк-марксист. – 1935. – Т. 5–6.
24. Бюллетень Народного Комиссариата Просвещения. – 1934. – 1 августа (№ 22).
24. Бюллетень Народного Комиссариата Просвещения. – 1935. – 1 августа (№ 22).
25. Собрание законодательных актов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. – 1936. – № 34. – С. 308.

Розділ IV

Критика та бібліографія

В. Г. ПИКАЛОВ

РЕГИОНАЛЬНАЯ «ИСТОРИОГРАФИЯ В ЛИЦАХ»: ПОИСКИ И УСПЕХИ

Распад СССР и окончательное разрушение тоталитарной модели советской исторической науки активно стимулировали в Украине начало нового процесса развития национально-ориентированной историографии.

В новых условиях национально-государственного строительства перед историками Украины стояла цель: выяснить взаимоотношение национального и общеисторического, построить новую концепцию исторического прошлого своего народа. Внедрение таких методологических концептов не только было провозглашено, но и реально претворялось в жизнь исследовательской практикой научных центров нашей страны в последнее десятилетие. На пути к этой цели в первую очередь необходимо было вернуть к жизни историко-научное наследие, славноизвестные и не стертые временем имена корифеев исторической науки и образования.

В этом важном деле особое место принадлежит региональной историографии, которая по сути своей призвана сочетать единичное и общее, национальное и всемирное, в пространственно-временном измерении общего историографического процесса.

Украина издавна славилась многими мощными университетскими центрами исторической науки, в которых трудилось не одно поколение известных ученых-историков. Но в литературе, посвященной истории Украины в целом или отдельным ее регионам и центрам, о их жизни и творчестве лишь упоминалось, а зачастую имена их были почти забыты или по каким-либо причинам умалчивались.

Именно поэтому в эффективном решении проблем региональной историографии важное место занимает «историография в лицах». Цель ее «простая»: через призму изучения жизни и творчества ученого-историка показать его место в истории, глубоко оценить вклад в развитие отечественной и мировой науки. Этой цели успешно служит такая форма биоисториографического жанра, как биобиблиографические указатели.

В рамках проекта «Профессора-историка Новороссийского университета» сотрудники научной библиотеки и преподаватели исторического факультета Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова издали в 1997/98 гг. две работы (общий объем: 18,33 усл. п. л.), посвященные А. И. Маркевичу и Е. Н. Щепкину [1].

Эти библиографические указатели являются удачной попыткой суммировать все доступные сведения о жизни и творчестве выдающихся

профессоров-историков Новороссийского университета. Они выполнены в строгой и добротной манере, имеют четкую структуру.

Указатели состоят из двух частей: биографического очерка с приложением основных дат жизни и деятельности и собственно библиографического указателя, в который включены сведения о материалах и документах архивных фондов, монографиях, статьях в сборниках, периодических и энциклопедических изданиях, справочно-библиографической литературе на украинском, русском, сербском, немецком, французском и английском языках.

В указателях представлены два основных раздела: первый — опубликованные и неопубликованные работы авторов; второй — литература о жизни и деятельности ученых. При этом опубликованные работы расположены в хронологическом порядке, а в пределах каждого года — в алфавитном. В разделе о материалах архивных фондов отдельно представлены научные и публицистические работы, материалы к курсам лекций и собственно лекции, деловая и научная документация, письма.

В разделах: литература о жизни и деятельности ученых и сведения об архивных материалах, расположенных по алфавиту, научная и публицистическая литература в хронологическом порядке, а внутри каждого года — по алфавиту.

Указатели имеют также вспомогательный справочный аппарат, состоящий из алфавитного указателя работ, указателя использованных фондов архивов и библиотек, именного указателя, а также списка сокращений названий источников, учреждений и организаций.

Библиографические указатели подготовлены на базе фондов научных библиотек, музеев, архивов и частных коллекций, которые находятся в различных городах Украины и России. В них указаны также шифры всех публикаций из Научной библиотеки Одесского университета.

Несомненным творческим успехом составителей биобиблиографических указателей можно считать вступительные статьи и разделы, посвященные жизни и творчеству А. И. Маркевича и Е. Н. Щепкина.

Краткие и емкие статьи от редактора, написанные Т. Н. Поповой, представляют собой эссе, которые раскрывают отличительные черты личности и творчества выдающихся историков, поясняют истоки «штампов-наклеек», которые сопутствовали им при жизни и остались в литературе после смерти, в то время как реальный человек со своей мятущейся душой и вечными поисками истины оставался за пределами «беспристрастной» науки.

Биографические очерки о А. И. Марковиче и Е. Н. Щепкине составляют по объему львиную долю текста указателей и написаны под девизом: «Человек неравен своей биографии». Именно поэтому они являются блестяще удавшимся шагом к преодолению разрыва между реальной личностью с ее жизненными устремлениями, переживаниями, успеха-

ми и ошибками и теми оценками деятельности ученых-историков, которые были даны с точки зрения «запросов дня».

В то же время следует отметить, что каждый из очерков имеет свою отличительную доминанту, равную особенностям жизни и творчества этих выдающихся личностей.

Заметки к биоисториографическому этюду о А. И. Маркевиче поданы в канонической форме, то есть поэтично, как в жизни. В них особенно интересно выписаны среда и атмосфера, окружавшие его в годы формирования и становления как личности и как ученого-историка.

Биографический очерк с освещением известных и неизвестных граней личности Е. Н. Щепкина построен на основе идеи структуры духа как некой особой области, специфической сферы творчества — описание личной жизни в письмах, когда видны не просто личность и не просто факторы ее роста, а именно человек в контексте своего времени.

В исследованиях биоисториографического жанра биобиблиографические указатели относят к работам, имеющим вспомогательный характер. Но, суммируя опыт библиографов и историков Одесского государственного университета, отраженный в указателях об А. И. Маркевиче и Е. Н. Щепкине, можно с полной уверенностью сказать, что эти работы, на самом деле, имеют самостоятельное значение, выступая в роли персоналогического обобщения. Именно такие исследования создают благоприятные условия, задают «высокий тон» для написания синтетических работ, вплоть до монографий научно-биографического направления.

Выход в свет этих изданий и опубликованных ранее работ, посвященных профессорам-историкам Одесского университета Н. М. Якунову, П. О. Карышковскому, А. Д. Бачинскому, а также наличие (как пишет Т. Н. Попова в работе о Е. Н. Щепкине [1, с. 6]) в портфеле редакции материалов для новых изданий, посвященных профессорам-историкам Ф. И. Успенскому, И. А. Линниченко, П. М. Бицилли, показывают пристальное внимание университетских историков к «историографии в лицах».

Широкая публикаторская деятельность историков Одесского университета ярко отражает развитие региональной биоисториографии, стимулирует своим примером подъем региональной историографии в Украине.

Историки Одесского университета успешно стартовали, им предстоит долгий исследовательский путь в избранном направлении, так пусть же: «Дорогу осилит идущий»!

Литература

1. Алексей Иванович Маркевич (1847–1903). Библиографический указатель. / Сост.: В. В. Самодурова, И. В. Максименко; Науч. ред., автор вступ. ст. Т. Н. Попова. — Одесса, 1997. — 150 с.; Евгений Николаевич Щепкин (1860–1920). Библиографический указатель. / Сост.: И. В. Максименко, В. В. Самодурова; Науч. ред., соавтор вступ. ст. Т. Н. Попова. — 1998. — 129 с.

В. К. МІХЕСЬ

РЕЦЕНЗІЯ

Матяш І. Б. Українська архівна періодика 1920–1930-х рр.: історія, бібліографія, бібліометрія. — К., 1999. — 480 с.

Старший науковий співробітник Українського державного науково-дослідного інституту архівної справи та документознавства, кандидат історичних наук І. Матяш давно і плідно працює в галузі історії архівної справи в Україні. Її нова книга підводить підсумок багаторічним дослідженням і присвячена історії української архівної періодики 20–30-х років ХХ ст.

Як і будь-яка інша праця, що фундаментує нову важливу тему в українській історіографії, дослідження І. Матяш читається з величезним інтересом. Цілісно сприймати книгу допомагає логічно продумана, раціонально виважена структура монографії. У її першому розділі з історичних, історіографічних позицій аналітично, осмислено розглядаються особливості і загальності процесу (і фактів, явищ, які його складають) становлення та розвитку архівної періодики в Україні у вказаний проміжок часу. У другому — здійснюється комплексне бібліографічне анотування за хронологічним, проблемним, видовим принципами змісту української архівної періодичної продукції, яке завершується її аналітикою у бібліографічному, наукометричному вимірах, розташованих у третьому розділі.

Кожен з логічно завершених розділів відкриває цікаві перспективи для подальших досліджень, можливості наслідувати їм у подібному, а також з'ясувати, збагнути і подолати давні стереотипи щодо розвитку архівної справи в Україні.

У коло уваги дослідниці потрапили такі центральні видання, як «Українська старовина» (1919, м. Кам'янець-Подільськ), «Архівна справа = Радянський архів» (1925–1931, м. Харків), «Червоний архів» (1926–1927, м. Харків), «Бюлетень Центрального архівного управління УСРР» (1925–1931, м. Харків), «Архів радянської України» (1932–1933, м. Харків), «Архівознавчий збірник» (1937–1938, м. Київ), а також видання місцевого значення — «Червоний архівіст» (1924–1925, м. Київ), «Архивный работник» (1926–1927, м. Луганськ). Джерельну базу їх вивчення склали унікальні архівні документи Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України, Державного архіву при Раді міністрів Автономної Республіки Крим, Державного архіву Російської Федерації, місцевих архівів, що визначило аргументованість висновків автора, новизну їх положень.

Для написання роботи І. Матяш залучає безперечно цінну й здебільшого неопрацьовану архівознавчу спадщину Д. Багалія, В. Веретеннікова, О. Водолажченко, О. Гермайзе, В. Дубровського, Є. Іванова, В. Міяковського, В. Романовського та інших, розширюючи тим самим діапазон сюжетів спеціальної історіографії.

Зібраний автором фактичний матеріал добре систематизований і опрацьований, завдяки чому перед читачем постає картина конкретно ілюстрованих фактів, явищ, процесів архівної справи 20–30-х років. При подачі матеріалу вдало чергуються і, узгоджуючись, співіснують вивірена практикою інформативність і виважена логікою концептуальність, що надає можливість комплексно сприймати розвиток української архівної періодики того часу.

Високий науковий рівень монографії досягнутий за рахунок широкої ерудиції автора в галузі історіографії, наукознавства, бібліографії, книгознавства, джерелознавства, що дозволило при вивченні архівних періодичних видань користуватися, поряд з традиційними методами історичної науки, спеціальними іншогогалузевими.

Монографія споряджена діаграмами, таблицями, схемами, гістограмами та іншим ілюстративним матеріалом, який містить кількісні характеристики архівної періодики; повним бібліографічним описом періодичних видань; збіркою узаконень, розпоряджень і інструкцій в архівній справі того часу; покажчиком імен, географічних назв, криптонімів до видань, що є важливим для перспективних досліджень української архівної періодики у контексті інформаційної моделі.

Без сумніву, дослідження І. Матяш є цікавим для науковців й до нього будуть звертатись дослідники в майбутньому.

Розділ V

Документи та матеріали

В. И. АСТАХОВ

**ОТЗЫВ
О РУКОПИСИ ДИССЕРТАЦИИ Н. В. КОМАРЕНКО
«ЖУРНАЛ «ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ»
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)»**

Рукопись диссертации Н. В. Комаренко «Журнал «Летопись революции» (историографический очерк)», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, составляет 323 страницы машинописного текста и при рецензировании позволяет сделать следующие замечания:

1. Тема, избранная автором свежа и оригинальна. До сих пор историографического обзора основных советских исторических журналов не было.

А, между тем, исторические журналы нового типа, созданные после 1917 года, вместо закрытых буржуазных, играли большую роль в сложном и трудном процессе становления советской исторической науки.

По своей идейно-теоретической и научно-методической направленности советские исторические журналы имели принципиальное отличие от дореволюционной исторической периодики.

Их отличал определяющий интерес к публикации источников и научной разработке истории производителей материальных благ, истории трудящихся масс, их революционной борьбе против угнетателей. Здесь регулярно публиковались работы В. И. Ленина, статьи и отзывы о печатавшихся произведениях Маркса, Энгельса, Ленина.

Страницы советских исторических журналов отражали естественную тягу молодой пролетарской науки к первоочередному изучению истории Великой Октябрьской социалистической революции, Коммунистической партии, гражданской войны, социалистического строительства.

Рожденные Октябрем новые марксистские журналы были той массовой идеологической ареной, на которой молодые советские историки давали бой маститым буржуазным профессорам и выигрывали его.

Трудно переоценить то значение, которое имела периодическая печать в руках пролетарского государства в борьбе за преодоление влияния буржуазной идеологии и разоблачение враждебных мелкобуржуазных теорий общественного развития.

Если иметь ввиду, что борьба эта проходила красной нитью через всю первоначальную историю советской исторической науки,

то можно сказать, что исторические журналы были ее и «красной летописью», и «красным архивом».

В связи с этим историографический обзор журнала Истпарта ЦК КП(б)У «Летопись революции» (в 57 номерах которого было опубликовано около полутора тысяч исторических документов и воспоминаний участников революции и более 300 исследовательских статей по Октябрю) представляет большой научный и практический интерес.

2. Одобряя выбор столь актуальной, не изученной и, вместе с тем, весьма сложной темы, следует отметить, что Н. В. Комаренко подошла к ее исследованию во всеоружии. На основе ленинской методологии, глубоких знаний истории Украины, изучения имеющейся литературы и некоторых архивных фондов (около 20) она приступила к исследованию 57 номеров журнала не только как «трибуны» или «барометра» украинской советской исторической науки, но прежде всего как историографического памятника, показывающего уровень утверждающейся пролетарской науки.
3. Структура диссертации, ее основные положения и выводы не вызывают принципиальных возражений. Более того, по форме изложения, стройности построения основных разделов, методу изучения материалов журнала, языку и археографическому оформлению диссертация находится на достаточно высоком уровне и заслуживает одобрения.
4. Обосновав во введении (1–28) актуальность темы, ее научное и практическое значение, Н. В. Комаренко показывает степень изученности журнала, а затем обстоятельно и умело характеризует основные источники, использованные в работе. После обзора источников и литературы на стр. 26 четко определяется основная задача: «на основе произведений В. И. Ленина, решений Коммунистической партии, опубликованных источников, а также архивных документов исследовать в историографическом плане основные вопросы, поднятые на страницах журнала «Летопись революции», за период его издания, этапы в его работе, связанные с определенным развитием научных исследований, определить вклад журнала в развитие советской исторической науки».

Необходимо отметить, что автор во введении весьма своевременно пишет о своем стремлении «оценивать материалы журнала исторически; с позиций современной науки видеть не только слабые стороны и недостатки журнала, печатавшего работы историков 20–30-х годов, но и объяснять их, показывать возможность, а в некоторых случаях, если учитывать уровень развития марксистской исторической науки в то время, когда она делала свои первые шаги, и неизбежность ряда отдельных ошибок» (6).

5. Первый раздел диссертации посвящен общей характеристике журнала, освещает историю его создания (29–81). Значительная часть раздела характеризует авторский актив журнала (55–77). Особенно удачно это сделано по первой группе авторов, которую выделяет Н. В. Комаренко — активных деятелей партии, профессиональных революционеров — Бубнова, Ю. Коцюбинского, Крупской, Затонского, А. Иванова, Квирина, Мануильского, Межлаука, Петровского, Постышева, Скрипника, Чубаря, Шлихтера и др.
6. Публикациям произведений В. И. Ленина в журнале автор отвел тридцать страниц второго раздела (82–110). Подчеркнув значение ленинских публикаций в периодической печати, Н. В. Комаренко обращает внимание на то, что «Летопись революции» печатала ленинские материалы в историческом аспекте «с широким показом установления и укрепления связей Ленина с Украиной, направления работы большевистских организаций в соответствии с ленинскими указаниями» и в историографическом плане «с анализом ленинских трудов по вопросам истории России и Украины» (87).

В этом разделе глубоко и обстоятельно охарактеризованы воспоминания Чубаря, Адамович, Шлихтера о Ленине (95–102) и сделан вполне обстоятельный вывод: «таким образом воспоминания о В. И. Ленине, опубликованные в 20-х годах в журнале «Летопись революции» воскрешают в памяти прекрасный, незабываемый образ великого Ленина, вдохновителя и организатора Великой Октябрьской социалистической революции, борца за дело пролетарской революции, учителя и вождя партии и народных масс. Их публикация в журнале, — пишет автор, — сыграла большую роль в деле воспитания трудящихся на героических революционных традициях, на примерах жизни и деятельности В. И. Ленина, отданных народу и его лучшему будущему» (102).

В разделе рассматриваются 9 публикаций ленинских работ, рецензии на произведения В. И. Ленина, статьи о нем и прежде всего крупные теоретические статьи с разбором важнейших работ вождя революции.

Автор диссертации показывает, говоря его словами, вклад журнала «в распространении вечно живого ленинского учения среди широких трудящихся масс Украины, в дело овладения глубокими мыслями и идеями вождя, в дело изучения политической деятельности В. И. Ленина» (110).

7. Третий раздел показывает, как освещалось в журнале революционное движение трудящихся в дооктябрьский период (111–179).

Здесь на большом фактическом материале в определенной хронологической последовательности рассматриваются положительные и отрицательные стороны воспоминаний, исследовательских статей,

различных публикаций по истории рабочего и крестьянского революционного движения. В разделе много ярких, содержательных страниц, раскрывающих историографическую ценность многообразных материалов журнала. Так на стр. 130–132 дан обстоятельный анализ статьи Лобахина «Февраль в селах Харьковщины», в котором имеются обоснованные и справедливые критические замечания.

Особо следует выделить часть раздела, посвященную Первой русской революции (132–173). В ней объективная, всесторонняя оценка материалов по революции 1905–1907 гг. сочетается с исчерпывающим рассмотрением почти всех публикаций «Летописи революции» по изучаемому вопросу. Автор отмечает недостатки публикаций по январским событиям 1905 г., обусловленные уровнем науки тех лет (141); по восстанию на броненосце «Потемкине» (163) и в этой части работы оценивает статью А. Риша («Очерки по истории «Спилки») как «вообще ошибочную и порочную» (167).

Объективное изучение всех материалов журнала дает возможность сделать вполне обоснованный и аргументированный вывод о том, что «журнал «Летопись революции» в определенной мере создал предпосылки для более широкого и глубокого изучения Первой русской революции» (173).

8. Сорок пять страниц четвертого раздела отведены для анализа материалов по истории КП(б)У. Этот очень важный раздел диссертации наиболее характерен в смысле полноты и стройности (180–223). Автор последовательно рассматривает воспоминания и исследовательские работы, посвященные периоду народничества и перехода к марксизму (182–184); борьбе за создание пролетарской партии (186–190); деятельности большевиков в годы Первой русской революции (191–196); периоду реакции и нового революционного подъема (197–201); империалистической войны и Второй революции (202–208); борьбе за победу социалистической революции на Украине (208–213); за завоевание Советов (214–215); фабзавкомам (215); союзу рабочего класса с крестьянством (216–217); деятельности большевиков среди солдат (217).

Раздел содержит резкую, но справедливую критику статьи Виктора «Первый этап революции на Николаевщине» (207), работ Ан. Марка (М. Факторова) (213).

Основной вывод раздела о том, что «деятельность большевистских организаций Украины в Первой русской революции на страницах журнала не показана достаточно четко, ярко и выпукло» (196) и что «специфические черты деятельности большевистских организаций Украины в подготовке к Октябрю не показаны достаточно рельефно на страницах «Летописи революции» (220), ни в коей мере не противоречит правильному утверждению автора о стремлении жур-

нала воссоздать одну из важных черт в деятельности большевиков Украины — стремление всячески помочь в борьбе своим русским братьям, идти вместе с российским народом под руководством единой общероссийской партии к общей цели — победе революции.

9. В пятом разделе (посвященном борьбе за победу Советской власти) (224–258) правильно подчеркнута, что почти 2/3 материалов по Октябрю составляют воспоминания участников этих событий (230).

Н. В. Комаренко акцентирует внимание на правильном выводе И. Кулика о событиях Октябрьской революции на Украине (235–236), умело и принципиально критикует воспоминания Мазлаха («Октябрьская революция на Полтавщине»), в которых автор объявил «Центральную Раду первым этапом украинского Октября» (243).

Привлекают внимание зрелые страницы диссертации, где рассматриваются исследовательские статьи конца 20-х годов, в частности, научные работы М. А. Рубача — «К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной радой», «Из истории украинской революции» и особенно его статья «Против ревизии большевистской схемы движущих сил и характера революции 1917 г. на Украине» (244–248).

Выводы по этому разделу полновеснее и аргументированнее; автор здесь смелее и убедительнее показывает недостатки, ошибки, искажения, вскрывает их историографические корни и значение.

10. Последний шестой раздел диссертации касается изучения гражданской войны и иностранной интервенции (259–297).

Правильно заметив, что по этому вопросу в журнале в 20-е годы преобладала мемуарная литература, Н. В. Крамаренко, также как и в предыдущих разделах, дает развернутую и объективную оценку мемуарам участников гражданской войны (261–267); особенно удачной мне представляется характеристика воспоминаний о подполье в тылу Деникина (272–274).

После анализа воспоминаний, в соответствии с принятой схемой, автор исследует научные статьи Кина, Рубача, Редина, Свидзинского, Качинского и других (275–284).

В конце раздела содержится зрелая оценка ошибок журнала в освещении истории КП(б)У (296–297).

11. К работе прилагается библиография очень скрупулезно и добросовестно составленная, фотокопии обложек журнала и таблица с выходящими данными «Летописи революции».
12. В целом диссертационная работа Н. В. Комаренко является результатом кропотливого и самостоятельного исследования сложной и неизученной темы. Сам факт появления этого исследования отраден и является убедительным доказательством успехов в развитии украинской историографии.

13. Что касается наиболее заметных недостатков диссертации, они в серьезной степени обусловлены сложностью темы и ее неизученностью:
- а) Определенная фактологическая перегруженность почти всех разделов работы связана, конечно, с трудным положением «первооткрывательницы», которой все материалы журнала кажутся необычайно ценными и дорогими.
 - б) Увлеченная темой и бесспорно яркими материалами журнала, Н. В. Комаренко подчас в ущерб интересам синтеза изученных фактов, необходимых обобщений и выводов злоупотребляет описанием или перечнем имен, названий и фактов.
 - в) Поэтому уже во введении, например, автор приводит большое количество рецензий на «Летопись Революции» без должной систематизации их и обобщения (13–21). Хорошо показанные недостатки в третьем разделе слабо связаны с состоянием исторической науки того времени. Так, верный вывод о фрагментарности и схематичности в показе интернационального единства, во-первых, несколько неожиданно появляется на 179 странице, а во-вторых, он не обусловлен тогдашним уровнем решения этой проблемы в молодой марксистской науке.
Вывод на стр. 223 слабоват и грешит опять же тем, что в нем не содержится характеристика уровня изученности Истории КП(б)У в 20-е годы.
 - г) Вопросы борьбы с враждебной буржуазной идеологией решены в диссертации односторонне — только в плане борьбы с буржуазным национализмом.
Не получили отражения в работе вопросы борьбы с троцкизмом на страницах журнала.
 - д) Выводы следовало бы расширить, сосредоточив здесь четкое вычленение этапов в развитии журнала, его проблемных рамок и историографической значимости.
 - е) Более мелкие недочеты отмечу постранично:
(стр. 1) Октябрь в издание исторических журналов принес не только много «нового, своеобразного и неповторимого», как пишет автор, — он создал принципиально иную периодическую печать.
(стр. 40) Сохранилось несколько больше полных комплектов «Летописи революции», чем думает автор. Так, полный комплект журнала имеется в Центральном Архиве Октябрьской революции, где была Н. В. Комаренко.
(стр. 87) Не совсем ясно, о каких впервые опубликованных в «Летописи революции» ленинских материалах идет речь. Если о телеграмме Антонову-Овсеенко, то здесь, на стр. 101

и 261, сам автор правильно говорит о ее некачественной, искаженной публикации.

(стр. 92) Мне кажется неубедительным, что «опубликование трех ленинских работ свидетельствовало о все возрастающем интересе...» Скорее наоборот – о недостаточном внимании, тем более Н. В. Комаренко справедливо говорит о «произвольных редакционных правках и пропусках...» (89).

(стр. 146) Анализируя материалы октябрьской стачки 1905 года, автор ошибочно утверждает, что в Харькове «это было всеобщее выступление рабочих города, закончившееся их победой».

(стр. 234) Страница слишком сильно пестрит именами авторов воспоминаний.

(стр. 290–292) Освещение национального вопроса подано здесь слишком схематично.

14. Отмеченные в отзыве недостатки, не умаляя проделанной работы, указывают пути ее дальнейшего совершенствования.

Диссертация Н. В. Комаренко, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, является серьезным и оригинальным исследованием. Автореферат диссертации верно отражает ее содержание.

В заключение считаю своим приятным долгом сказать, что автор диссертации Н. В. Комаренко бесспорно заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук, а рукопись ее диссертации – публикации.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук

В. И. Астахов

20 мая 1968 г.

Розділ VI

Memoria

ВІТАЛІЙ ГРИГОРОВИЧ САРБЕЙ

Пішов з життя видатний український історик, історіограф, член редакційної колегії і фундатор «Харківського історіографічного збірника» — Віталій Григорович Сарбей.

Народився В. Г. Сарбей 30 січня 1928 р. в с. Янчекрак Василівського району Дніпропетровської (тепер Запорізької) області у родині службовців. Складне передвоєнне десятиліття, війна, евакуація — ось що собою являло його дитинство. Здавалося б, і наступні події його життя (школа — університет — робота шкільним вчителем за розподілом) такі ж, як й у тисяч його однолітків. Однак неординарність особистості В. Г. Сарбея виявилася у тому, що він був просвітителем по натурі. Бажання вивчити і розповісти іншим супроводжувало все його життя. Навчання в стаціонарній аспірантурі Інституту історії АН УРСР у 1953–1956 рр. надало можливість показати себе як вченого, активніше залучитися до наукової роботи. Молодого науковця помітили, віддали йому належне і залишили на посаді молодшого співробітника інституту. Блискучий захист кандидатської дисертації, яка була присвячена аналізу історичних поглядів О. М. Лазаревського, засвідчила, що в Україні з'явився новий талановитий історіограф. І у подальшому, при всій різноплановості його інтересів, В. Г. Сарбей залишатиметься перш за все історіографом. Про це свідчать не лише його наукові праці, але й офіційні посади та звання; старший науковий співробітник із спеціальності історіографія і джерелознавство (1963), доктор історичних наук (1976) та професор (1981) з цієї ж спеціальності.

За ті п'ятдесят років, які пройшли з моменту його першої наукової публікації, вийшло друком більше 1000 (!) його наукових, науково-популярних та навчально-методичних праць. Ще у 60 значних виданнях він був відповідальним редактором, входив до складу 70 редколегій. Воістину це

був великий труженик. В літературі ще у 50-х роках була висловлена думка про те, що продуктивність автора може бути одним із надійних критеріїв визначення тих, хто може називатись видатним вченим. Було підраховано, що середня кількість праць у вченого, який одержав міжнародне визнання і прожив близько 70 років, становить більше 200. Зрозуміло, наукові праці не пишуться випадково. Обсяг попередньо накопиченої інформації суттєво впливає на результативність її наступної обробки. За кількістю друківаних праць В. Г. Сарбей став до ряду таких істориків, як І. І. Срезневський та М. Ф. Сумцов. В чому загадка такої продуктивності? На наш погляд, вона — в систематичній праці, яка базувалася на захопленні історією і історіографією, минулим і сучасним. Так, він був істориком, але гостро відчував настрої епохи, відгукувався на її запити. Можливо, хтось скаже, що він не запобіг кон'юнктурності. Ми вважаємо інакше. Віталій Григорович ніколи не відокремлював себе від інших, навіть тоді, коли не погоджувався з ними. Він жив у свій час і як історіограф добре розумів, що бути вільним від думок, які панують у суспільстві, неможливо. Втім, захоплення не виключало критичності. Мабуть, ще з того часу, коли він вивчав творчість О. М. Лазаревського, йому став притаманний критичний підхід до явищ та подій. Ця критичність, яку не всі розуміли, призводила та призводить й сьогодні до того, що ставлення до Сарбея вельми неоднозначне. Але хто б і що б не казав, одне незаперечно: Віталій Григорович — видатний український історіограф століття, що минає, митець, творчість якого залишила по собі помітний слід.

Аналізуючи динаміку наукової творчості В. Г. Сарбея, можна виділити принаймні чотири періоди: 1957–1972, 1974–1977, 1979–1989, 1994–1999 рр. Перший період (особливо до кінця 60-х років) відзначається переважанням публіцистичних та науково-популярних праць, невеликих за обсягом статей різноманітної спрямованості та тематики. На 1965 р. приходиться 57 друківаних праць при обсязі у 10 др. арк. Але кульмінацією періоду став 1970 р., коли кількість праць становить 40 одиниць, а їх обсяг сягає 45 др. арк. Можливо, складнощі, пов'язані із затвердженням докторської дисертації, обумовили падіння інтересу до наукової творчості. Криза особливо помітна у 1974 р., коли вийшло друком усього 11 праць обсягом 3 др. арк. На цьому етапі рух творчої енергії було спрямовано на підготовку енциклопедичних статей до «Шевченківського збірника», а також написання рецензій. Найбільшою стабільністю відрізняється період 1979–1989 рр. Рік від року спостерігається збільшення кількості та обсягу праць. Сплески творчої активності у вигляді надрукованої продукції спостерігаються у 1983, 1987 та 1989 рр. Серед його праць у цей час переважають навчальні видання та історіографічні дослідження. Останній період, що почався у 1994 р., після нетривалого спаду, який був викликаний, ймовірно, переосмиленням ряду методологічних позицій, відрізняється від інших ще більшою продуктивністю. У 1998 р. вийшло друком 49 праць загальним

обсягом 65,9 др. арк. (!) У цей час спостерігається підвищений інтерес до проблем національно-визвольного руху та національної свідомості. Немає сумніву, що ще багато років у різних видавництвах та виданнях будуть виходити праці, підписані ім'ям видатного майстра.

Випускник Харківського державного університету, Віталій Григорович з особливими почуттями приїжджав до Харкова, з великою теплою спілкувався з харків'янами. Тут, у Харківському університеті, він став істориком, тут з'явилася його перша наукова публікація, тут працювали його близькі колеги і друзі, тут могили його вчителів (а в його заліковій книжці підписи С. М. Королівського, А. П. Ковалевського, А. Д. Скаби, А. Г. Слюсарського, С. І. Сідельнікова, І. Л. Шермана та інших відомих вчених-викладачів харківського істфаку). І ми завжди з надією і особливою радістю чекали його в університеті.

Пам'ять про Віталія Григоровича назавжди залишеться у наших серцях.

С. І. Посохов

Автобіографія*

Я, Сарбей Віталій Григорьевич, родився в 1928 году в с. Янчекрак Василевского района, Запорожской области. По национальности — украинец. Член ВЛКСМ с 1944 г.

Отец мой, Сарбей Григорий Николаевич, из крестьян, до революции трудовой деятельностью не занимался. После же революции, окончив вуз, работал на Запорожском ПФЗ. В 1939 г. он умер. По профессии отец мой — инженер. Мать моя, Сарбей Мария Федоровна, из крестьян, до революции тоже трудовой деятельностью не занималась. После революции она училась, а потом была домохозяйкой. После смерти отца работала в Запорожской конторе «Заготзерно». В августе 1941 г. эвакуировалась и жила в с. Ставрополь Куйбышевской области до освобождения от немецко-фашистских захватчиков г. Запорожье. В конце 1943 г. вернулась в г. Запорожье, где работала в конторе «Заготзерно» до 1946 года. В 1946 году переехала к брату, который вернулся из эвакуации и работает парторгом ЦК ВКП(б) на Ордена Ленина шахте № 27 в Сталинской области. В настоящее время мать моя работает зав. детсадом на шахте Красная Звезда Сталинской области. Я в 1936 г. поступил в Запорожскую школу № 84, где учился до

*Фото
кінця 40-х років*

* Наводимо документи, які характеризують період навчання В. Г. Сарбея у ХДУ і, на нашу думку, мають стати початком наукових та документальних публікацій про життя і творчість визначного історіографа ХХ ст. — С. П.

1941 года. Во время эвакуации учился в школе с. Ставрополь, где окончил седьмой класс. После возвращения из эвакуации поступил снова в Запорожскую школу № 84, которую в 1946 г. окончил. В комсомол вступил в феврале 1944 г. Как комсомолец выполнял поручения, в 1944–45 гг. — член комитета КСМ СШ № 84, а в 1945–46 гг. секретарь комитета КСМ СШ № 84. В 1946 г. поступил на I курс истфака Среднеазиатского Госуниверситета, где до настоящего времени окончил 2 курса. В течение двух курсов учился только на «отлично». В 1947–48 гг. был вторым секретарем по политико-воспитательной работе факультетского бюро КСМ.

Последний мой адрес: г. Ташкент, ул. К. Маркса, 39.

В. Сарбей, 21 июля 1948 г.

Родственников на оккупированной территории не было. Ни я, ни мои родители и родственники суду и аресту не подвергались.

Автобіографія

Я, Сарбей Віталій Григорьевич, родился 30 января 1928 г. в с. Янчекрак Василевского района, Днепропетровской (ныне Запорожской) области. Отец мой, по специальности инженер, а по национальности грек, работал на Запорожском паровозоремонтном заводе, а мать, по специальности педагог, а по национальности — украинка, учительствовала в с. Янчекрак. В 1930 г. я с семьей переехал в г. Запорожье, где находился безвыездно до 1941 г. В 1941 г. при приближении немецких захватчиков к нашему городу эвакуировался вместе с матерью (отец умер в 1939 г.) в с. Ставрополь Куйбышевской области, где пробыл до освобождения г. Запорожья от немецких захватчиков. Затем снова вернулся с матерью в г. Запорожье и снова поступил в среднюю школу № 84, которую окончил в 1946 году. В этом же году поступил на I курс истфака Среднеазиатского Госуниверситета (г. Ташкент). В 1948 г. поступил на III курс истфака Харьковского Госуниверситета, где и занимаюсь в настоящее время. Мать моя в настоящее время находится в г. Чистяково Сталинской области, куда она переехала в 1947 г. Там же в Сталинской области в то время находился ее брат (мой дядя, который тогда работал парторгом на шахте № 27, а в настоящее время работает секретарем райкома КП(б)У в Советском районе Сталинской области), мать в настоящее время работает в шахтоуправлении шахты «Красная Звезда» г. Чистяково.

В комсомол я вступил в 1944 г. и за время пребывания в нем выполнял такие поручения: 1944 г. — член КСМ по полит.-массовой и культурно-массовой работе школы № 84, г. Запорожье, 1945–1946 гг. — секретарь КСМ комитета школы № 84, г. Запорожье, 1946–1947 гг. — редактор факультетской стенгазеты (истфак

САГУ), 1947–1948 гг. – зам. секретаря и член КСМ бюро истфака по политико-воспитательной работе (САГУ), 1948–1949 гг. – агитатор группы, член редколлегии факультетской стенгазеты, 1949–1950 гг. – член редколлегии факультетской стенгазеты, внештатный лектор обкома ЛКСМУ, 1950 г. – агитатор техперсонала общежития, внештатный лектор обкома ЛКСМУ (ХГУ, г. Харьков с 1948–1949 гг.).

2 января 1951 г.

(Подпись)

Характеристика

Сарбей Виталий Григорьевич, рождения 1928 года, украинец, из служащих, член ВЛКСМ с февраля 1944 г., во время Великой Отечественной войны находился в эвакуации в с. Ставрополь Куйбышевской области.

В Харьковский Государственный университет перевелся на III-й курс из Среднеазиатского Государственного университета в сентябре 1948 года.

За время учебы в Харьковском Государственном университете тов. Сарбей проявил себя дисциплинированным студентом, активно участвовал в научной и общественной жизни факультета. Учился на «отлично» — почетный отличник университета.

Выполнял ряд общественных поручений: редактор факультетской газеты, внештатный лектор обкома ЛКСМУ, агитатор при техперсонале общежития. Участвовал в научном кружке, выступал с докладами на научно-теоретических конференциях.

Имел ряд благодарностей: от Шевченковского райкома ЛКСМУ Харьковской области, в приказах ректора по университету.

К учебе и выполнению общественных поручений относился добросовестно.

Рекомендуется на преподавательскую работу в высшем учебном заведении или в аспирантуру.

Декан исторического факультета
Харьковского Госуниверситета
им. А. М. Горького

(Подпись)

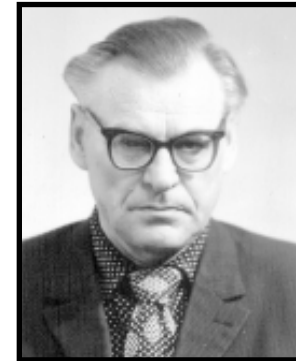
доц. *Слюсарский А. Г.*

Секретарь партбюро
факультета

(Подпись)

Мирошников И. Я.

ПАМЯТИ А. И. МИТРЯЕВА

В 1998 г. ушел из жизни один из старейших преподавателей исторического факультета Харьковского национального университета, историк-славист, участник Великой Отечественной войны, Анатолий Ильич Митряев.

Родился А. И. Митряев 9 мая 1922 г. в г. Чугуев Харьковской области в семье военнослужащего. Через несколько лет семья переехала в Харьков, на новое место службы отца. Здесь в 1930 г. А. Митряев был принят в 1 класс школы № 25. Но учился в этой школе недолго по причине переезда семьи на новое место службы главы семьи в г. Северодвинск Архангельской области. В Северодвинске в 1940 г., после окончания средней школы № 1, А. И. Митряев начал работать счетоводом строительного участка 6-го района строительства № 203.

В первый год войны, в октябре 1941 г. решением Северодвинского райкома ВЛКСМ А. И. Митряев был направлен в горсовет Осовиахима, где был назначен начальником школы противоздушной и химической обороны (ПВХО). В январе 1942 г. Северодвинский горвоенкомат направил А. И. Митряева в распоряжение начальника эвакогоспиталя № 1142 Карельского фронта. В этом госпитале он был начальником клуба, а затем пропагандистом. После демобилизации в июне 1944 г. Архангельский обком ВЛКСМ направил А. И. Митряева в распоряжение ЦК ЛКСМУ, где он получил направление на работу в Московский райком ЛКСМУ Харькова в качестве инструктора, но проработал два месяца.

С 1 сентября 1944 г. А. И. Митряев — студент исторического факультета Харьковского госуниверситета, который окончил с отличием в 1949 г. В том же году он поступил в аспирантуру при кафедре истории

средних веков ХГУ (научный руководитель — проф. Н. М. Пакуль). В 1948–1950 гг. совмещал учебу с работой лаборанта кафедры истории средних веков.

Аспирантуру А. И. Митряев закончил в сентябре 1952 г., но диссертации не представил. Сказались не совсем удачно выбранная тема «Маркс и Энгельс о феодальной формации», а также тяжелая болезнь и смерть научного руководителя. В 1952–1953 гг. он работал старшим преподавателем сначала на кафедре истории средних веков, а затем на кафедре древней истории, археологии и истории средних веков, которой руководил проф. К. Э. Гриневич. В 1954 г. курс лекций по истории южных и западных славян, который читал А. И. Митряев, перешел на кафедру новой истории, и он был переведен на эту кафедру. С 1 сентября приказом Министерства высшего и среднего специального образования УССР № 270 от 20 мая 1964 г. была восстановлена кафедра истории средних веков, заведующим которой стал проф. А. П. Ковалевский, и А. И. Митряев был приглашен на эту кафедру. В эти годы он работал над историографией гуситского движения в Чехии первой половины XV в. и в дальнейшем написал кандидатскую диссертацию «Советская историография гуситского движения».

После защиты диссертации, в 1971 г. он был избран заведующим кафедрой истории средних веков и возглавлял ее до 1975 г., когда была образована объединенная кафедра истории средних веков и историографии, в составе которой работали медиевисты и историографы. А. И. Митряев работал на этой кафедре доцентом до 1980 г., а затем перешел на кафедру истории древнего мира и средних веков, созданную в 1978 г., и работал в должности доцента до 1992 г. Здесь он отметил свое 70-летие, после чего ушел на пенсию. Последние годы жизни Анатолий Ильич работал на общеуниверситетской кафедре истории Украины, где читал курсы истории и этнографии Украины.

За более чем 40 лет своей преподавательской деятельности в университете А. И. Митряев зарекомендовал себя прекрасным преподавателем широкого диапазона, его лекции всегда вызывали интерес у студентов. Он охотно делился своими знаниями и во внеаудиторное время, самое серьезное внимание обращал на студентов, занимавшихся научной работой. Кроме общих курсов по истории средних веков, истории южных и западных славян, А. И. Митряев читал спецкурсы: «Гуситское движение», «Историография истории средних веков», «Советская историография Киевской Руси» и некоторые другие. Ежегодно был руководителем курсовых и дипломных работ, научных работ студентов. Неоднократно был руководителем музейно-экскурсионной практики студентов-историков. Начиная с 1972 г., около 10 лет был председателем учебно-методической комиссии исторического факультета и много сделал для совершенствования учебного процесса на факультете.

В своей научной деятельности главное внимание А. И. Митряев сосредоточил на проблемах славистики и медиевистики в Украине в историографическом аспекте. В последние годы серьезно занимался изучением творчества украинского востоковеда проф. Харьковского университета А. П. Ковалевского. Среди опубликованных работ насчитывается около 30 статей, из неопубликованных работ можно назвать монографию по истории развития в Украине советской историографии средневековой истории зарубежных стран, библиографический справочник «Советская медиевистика в УССР». А. И. Митряев принимал участие во многих международных, всесоюзных и республиканских научных конференциях, которые проводились в Москве, Минске, Киеве, Харькове и других городах, а в 1995 г. он был инициатором и основным докладчиком на международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Украины, проф. А. П. Ковалевского. Участвовал в организации студенческой науки, несколько лет являясь руководителем исторического отделения СНО университета. Под его руководством в 1994 г. была подготовлена и защищена С. И. Лиманом кандидатская диссертация «Медиевистика в Украине конца XIX–нач. XX вв.».

За исследования гуситского движения А. И. Митряев награжден чехословацкой медалью Яна Гуса (1965 г.) Как участник Великой Отечественной войны награжден медалями СССР и Украины.

Б. П. Зайцев, В. И. Кадеев

АНАТОЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ОПРИЩЕНКО

5 октября 1998 года ушел из жизни Анатолий Лаврентьевич Оприщенко, кандидат исторических наук, профессор Харьковской академии культуры.

А. Л. Оприщенко родился 2 апреля 1924 года в украинском селе Ольховчик Чистяковского (ныне Шахтерского) района Донецкой губернии (ныне Донецкой области), в рабочей семье. Его трудовая деятельность началась в годы Великой Отечественной войны в эвакуации в Сталинграде, на одном из оборонных заводов. С 1942 года — служба в Вооруженных Силах СССР: сначала курсантом, а с 1945 г. — в различных должностях на Черноморском флоте (г. Керчь, г. Севастополь). С 1950 г. жизнь А. Л. Оприщенко вновь связана с Харьковом (куда его семья переехала еще в 1925 г.). Анатолий Лаврентьевич — на ответственной партийной работе сначала в Орджоникидзевском райкоме партии, а затем в Харьковском обкоме партии (1952–1961 гг.).

В 1950 г. А. Л. Оприщенко окончил Всесоюзный юридический заочный институт (Симферопольский филиал), а в 1964 г. — аспирантуру при кафедре истории советского общества Академии общественных наук при ЦК КПСС (г. Москва). После окончания АОН и успешной защиты кандидатской диссертации (тема: «Историография социалистического соревнования рабочего класса СССР»; научный руководитель — известный историк трудовых отношений в СССР проф. З. А. Астапович) начинается его преподавательская деятельность в вузах Харькова (Институт коммунального строительства, Институт общественного питания). С 1970 г. по 1989 г. А. Л. Оприщенко — ректор Харьковского института культуры. На этом посту в полной мере раскрылся его талант руководителя, организатора учебного процесса и научной

деятельности большого учебно-научного коллектива. Заслуги А. Л. Оприщенко неоднократно отмечались правительственными наградами, знаками отличия различных общественных организаций. Он был удостоен десяти медалей (среди них «За победу над Германией»). В 1974 г. А. Л. Оприщенко присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы УССР». В 1986 г. он был награжден орденом «Дружбы народов».

В 1989 г. А. Л. Оприщенко ушел на заслуженный отдых и до последних дней работал профессором-консультантом, а затем профессором на 0,25 ставки (звание профессора присвоено в 1981 г.) Харьковского института культуры (с 1998 года — Харьковская академия культуры). Параллельно он преподавал на кафедре истории Украины Харьковской государственной академии городского хозяйства.

А. Л. Оприщенко внес весомый вклад в историографию как автор более 50 научных, научно-популярных и учебно-методических работ. Положительные отклики специалистов вызвала его монография, посвященная историографии социалистического соревнования рабочего класса СССР (1985 г.). А. Л. Оприщенко тесно сотрудничал с историографами Харьковского университета — И. Л. Шерманом, Ю. И. Журавским и др., неоднократно выступал в качестве оппонента и рецензента работ по историографии.

Погребен А. Л. Оприщенко на 2 городском кладбище на Аллее почетных захоронений.

Человек высоких моральных качеств, принципиальный и отзывчивый — таким он навсегда остался в памяти всех, кто его знал.

С. М. Куделко

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

- Бездрабко Валентина Василівна** — викладач кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.
- Вовк Ольга Борисівна** — аспірантка кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.
- Головко Володимир Вікторович** — аспірант кафедри історіографії та джерелознавства Дніпропетровського національного університету.
- Гришаєв Олег Васильович** — канд. іст. наук, доцент кафедри історії Росії та історіографії Воронежського державного університету.
- Зайцев Борис Петрович** — канд. іст. наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, заслужений викладач ХНУ.
- Кадєєв Володимир Іванович** — д-р іст. наук, професор, завідувач кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, заслужений діяч науки і техніки України.
- Колесник Ірина Іванівна** — д-р іст. наук, професор кафедри історіографії та джерелознавства Дніпропетровського національного університету.
- Куделко Сергій Михайлович** — канд. іст. наук, професор кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, заслужений працівник культури України.
- Міхеєв Володимир Кузьмич** — д-р іст. наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, заслужений діяч науки і техніки України.
- Пікалов Валерій Григорович** — доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, заслужений викладач ХНУ.
- Попова Тетяна Миколаївна** — канд. іст. наук, доцент кафедри нової та новітньої історії Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова.

Посохов Сергій Іванович — канд. іст. наук, професор кафедри історіографії, джерелознавства та археології, декан історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.

Сарбей Віталій Григорович — д-р іст. наук, професор, заслужений діяч науки і техніки України, завідувач відділу історії України кінця XIX—початку XX ст. Інституту історії України НАНУ.

Таран Лідія Валентинівна — д-р іст. наук, професор, завідувача відділом архівознавства Українського НДІ архівної справи та документознавства при Головному архівному управлінні України.

З М І С Т

Розділ I

ІСТОРІЯ І ТЕОРІЯ ІСТОРИЧНОЇ НАУКИ

<i>Куделко С. М.</i> Сенсифікація: опыт расширения терминологического арсенала исторической науки	4
<i>Колесник И. И.</i> Историческая наука и историческое искусствоведение в конце XX в.: методологический аспект	9
<i>Попова Т. Н.</i> Историографическая наука: проблемы самоназвания	20
<i>Таран Л. В.</i> Школа «Анналів», сучасні підходи в історичній науці (закінчення)	34
<i>Головко В. В.</i> Категорія «історіографія» в українській історичній науці в діаспорі	44
<i>Вовк О. Б.</i> Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник	48
<i>Бездрабко В. В.</i> Термінологічний аспект буття вітчизняного краєзнавства початку XX століття	56

Розділ II

СТОРІНКИ ІСТОРІЇ ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

<i>Посохов С. И.</i> В. И. Астахов как историк Харьковского университета	64
Сарбей В. Г. Місце і роль Харківського університету у зачаткуванні процесу українського національного відродження XIX– поч. XX ст. (причинки до історії та історіографії проблеми) (закінчення)	70

Розділ III

ПРОБЛЕМИ ІСТОРИЧНОЇ ОСВІТИ

<i>Гришаев О. В.</i> Изменения в системе исторического образования в СССР в середине–второй половине 30-х годов XX века	82
---	----

Розділ IV

КРИТИКА ТА БІБЛІОГРАФІЯ

<i>Пикалов В. Г.</i> Региональная «историография в лицах»: поиски и успехи	92
<i>Міхеєв В. К.</i> Матяш І. Б. Українська архівна періодика 1920–1930-х рр.: історія, бібліографія, бібліометрія. — К., 1999. — 480 с.	95

Розділ V

ДОКУМЕНТИ ТА МАТЕРІАЛИ

<i>Астахов В. И.</i> Отзыв о рукописи диссертации Н. В. Комаренко «Журнал «Летопись революции» (историографический очерк)»	98
--	----

Розділ VI

MEMORIA

Віталій Григорович Сарбей	106
Памяти А. И. Митряева	111
Анатолий Лаврентьевич Оприщенко	114
Відомості про авторів	116

Наукове видання

Категоріальний апарат історичної науки

Харківський історіографічний збірник

Випуск 4

Відповідальний за випуск *Є. Г. Орлова*

Художній редактор *С. Е. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *І. В. Чернуха*

Коректор *Н. С. Дорохіна*

Підписано до друку 30.11.2000. Формат 60x84/16. Папір офсетний.

Друк офсетний. Умов.-друк.арк. 6,97. Облік.-вид. арк. 7,0.

Наклад 300 прим.

Видавництво НМЦ «СД».

Україна, 61050, м. Харків, вул. Руставелі, 4/20

Надруковано у ТОВ «Фактор-Друк»,
вул. Гомоненка, 10
Замовлення № **1201**